

Российская Академия Наук
Институт философии

**Ж.К. Загидуллин, Д.В. Иванов,
Е.О. Труфанова**

**СОЗНАНИЕ:
ОБЪЯСНЕНИЕ,
КОНСТРУИРОВАНИЕ, РЕФЛЕКСИЯ**

Москва
2016

УДК 165.12
ББК 87.2
3-14

В авторской редакции

Авторы:

Ж.К. Загидуллин – Предисловие, Глава 3, Заключение,
Д.В. Иванов – Предисловие, Глава 1, Заключение,
Е.О. Труфанова – Предисловие, Глава 2, Заключение

Рецензенты

доктор филос. наук *Н.И. Кузнецова*
доктор филос. наук *Н.М. Смирнова*

3-14 **Загидуллин, Ж.К.** Сознание: объяснение, конструирование, рефлексия [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Ж.К. Загидуллин, Д.В. Иванов, Е.О. Труфанова. – М. : ИФ РАН, 2016. – 169 с. ; 20 см. – Библиогр.: с. 157–166. – Рез.: англ. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0306-2.

В книге представлены три разных взгляда на проблему сознания. Данная проблема рассматривается с точки зрения аналитического подхода и философии сознания, с точки зрения социального конструкционизма и с точки зрения теории социальных эстафет. Авторы демонстрируют широту спектра подходов к решениям проблемы сознания, анализируют методологические трудности этих решений, а также рассматривают различные феномены и формы сознания. Исследуются такие проблемы, как квалиа, Я, личностная идентичность, референт в исследованиях сознания. Книга рассчитана на философов, психологов и всех интересующихся современными философскими исследованиями сознания.

ISBN 978-5-9540-0306-2

© Загидуллин Ж.К., 2016
© Иванов Д.В., 2016
© Труфанова Е.О., 2016
© Институт философии РАН, 2016

Содержание

Предисловие	5
Глава 1. Реляционалистский подход к проблеме объяснения сознания.....	7
1.1. Три вопроса, на которые мы должны ответить, решая психофизическую проблему.....	7
1.2. Феноменальные качества как реляционные свойства репрезентируемых объектов	20
1.3. Природа ментальных репрезентаций.....	39
1.4. Вместо заключения.....	49
Глава 2. Сознание как социальная конструкция	51
2.1. Социокультурный подход к исследованиям сознания в современном философском контексте	52
2.2. Социальный конструкционизм как разновидность конструктивизма	56
2.3. Социальное конструирование сознания и дилемма «природа или воспитание»	62
2.4. Я как иллюзия или отсутствующее Я	70
2.5. Идентичность	75
2.6. Роль языка в конструировании сознания.....	80
2.7. Я как жизненная история	84
2.8. Диалогическое Я.....	88
2.9. Дискурсы и голоса	92
2.10. Как возможно конструирование сознания?.....	95
Глава 3. Проблема изучения сознания сквозь призму рефлексии над наукой	103
3.1. Актуальная ситуация в исследованиях сознания.....	104
3.2. Понимание научного знания в эмпирической эпистемологии	109
3.3. Проблема поиска референтов для изучения сознания	114
3.4. Проблема репрезентатора в исследованиях сознания.....	139
3.5. Проблема когерентности знаний о сознании и коллекторские программы	146
3.6. Вместо заключения.....	153
Заключение	156
Список литературы	157

Contents

Preface.....	5
Chapter 1. Relationalist Approach to the Problem of the Explanation of Consciousness	7
1.1. Three Questions We Should Answer in Order to Solve the Mind-Body Problem.....	7
1.2. Phenomenal Qualities as Relationalist Qualities of the Represented Objects.....	20
1.3. The Nature of Mental Representations.....	39
1.4. In Place of Conclusion.....	49
Chapter 2. Consciousness as a Social Construction	51
2.1. Socio-Cultural Approach to the Consciousness Research in the Present Philosophical Context.....	52
2.2. Social Constructionism as a Variety of Constructivism.....	56
2.3. Social Construction of the Consciousness and the “Nature vs Nurture” Dilemma.....	62
2.4. The Self as an Illusion or the Absence of the Self.....	70
2.5. Identity.....	75
2.6. The Role of the Language in the Consciousness Construction.....	80
2.7. The Self as the Story of Life.....	84
2.8. The Dialogical Self.....	88
2.9. Discourses and Voices.....	92
2.10. How Is the Construction of the Consciousness Possible?.....	95
Chapter 3. The Problem of the Consciousness Research in the Light of Reflection on Science	103
3.1. Current Situation in the Consciousness Research.....	104
3.2. Understanding of the Scientific Knowledge in the Empirical Epistemology.....	109
3.3. The Problem of the Search for Referent in the Consciousness Research.....	114
3.4. The Problem of the Representator in the Consciousness Research.....	139
3.5. The Problem of Coherence of the Knowledge on Consciousness and Collector Programs.....	146
3.6. In Place of Conclusion.....	153
Conclusion.....	156
Bibliography.....	157

Предисловие

Проблема сознания является трудной проблемой и не только в том смысле, который имел в виду Дэвид Чалмерс. Она трудна в первую очередь потому, что понятие «сознание» приобретает широкое множество смыслов, многие из которых бесконечно далеки друг от друга: тот исследователь, кто говорит, к примеру, об общественном сознании, вряд ли сможет найти нечто общее в своих исследованиях и исследованиях феноменального сознания. Вопрос о наличии сознания у животных может решаться по-разному в зависимости от того, как мы определяем сознание. Философ, психолог и врач могут абсолютно по-разному использовать понятие сознания. Очень часто данное понятие воспринимается синонимичным с понятиями «разум», «рассудок», «мышление», «интеллект», а иногда даже «личность», «Я» и т. п. В связи с этим исследования сознания рассыпаются на множество различных подходов, в которых делается акцент на разных феноменах, связанных с сознанием.

В последнее время философские исследования сознания все больше заслоняются нейронаукой, претендующей на окончательное решение проблемы сознания с помощью исследований мозга человека. Отдавая должное важности этих исследований, мы в данной монографии пытаемся показать, что, хотя исследования мозга дают обширный новый материал для разных философских подходов, они далеко не исчерпывают проблему сознания. Единая наука о сознании, если таковая вообще возможна, может быть только наукой по-настоящему междисциплинарной, сочетающей естественнонаучные и гуманитарные исследования в этой области.

В данной монографии не ставилась цель дать всеохватывающее представление о полном спектре современных исследований сознания, скорее, мы пытались показать разнообразие существующих в современной философии, психологии и других науках контекстов этих исследований, с надеждой, что они будут не противоречить друг другу, а напротив, друг друга дополнять. Так, в первой и второй главах монографии в качестве контрастирующих друг с другом подходов были взяты аналитическая философия сознания и социальный конструкционизм. Анализ этих подходов к исследованию сознания демонстрирует, насколько разные проблемы, связанные с феноменом сознания, они пытаются решать, и насколько

различна их методология, и в то же время указывает на параллели в полученных ими результатах. Первая глава сосредоточена вокруг исследований психофизической проблемы – одной из центральных (по мнению некоторых исследователей – главной) проблем в философии сознания – вопроса о том, как взаимодействуют душа и тело, материальный мозг и нематериальное сознание. В этой главе главное внимание уделяется проблеме натуралистического объяснения феноменальных аспектов сознательного опыта, в ней речь идет о тех аспектах восприятия мира и себя в мире, которые характерны не только для человека, но, до определенной степени, для любого живого существа. Если первая глава посвящена исследованию фундаментальных характеристик психического опыта, без которых любое дальнейшее развитие психики невозможно, то во второй главе речь идет уже о более сложных психических феноменах, связанных с проблемой самосознания и личности человека, с проблемой индивидуального Я. Третья глава, в свою очередь, посвящена не столько самой проблеме сознания, сколько рефлексии над научными исследованиями сознания. В ней демонстрируется путь, который был проделан науками о сознании – прежде всего, психологией и философией – в поисках своего референта: сознание, благодаря своей непосредственной «очевидности» и близости субъекту исследований, оказалось значительно более трудноуловимым объектом для науки, нежели гены или кварки. Проблемы, находящиеся в фокусе внимания в каждой из глав – психофизическая проблема, проблема квалиа, проблема конструирования личностных аспектов сознания и личностной идентичности, проблема поиска методологии для наук о сознании представляют собой крайне актуальные вопросы в рамках современных исследований сознания, и в попытке раскрыть различные аспекты данной проблематики перед читателями и состоит основная задача нашей книги.

ГЛАВА 1.

РЕЛЯЦИОНАЛИСТСКИЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ ОБЪЯСНЕНИЯ СОЗНАНИЯ

1.1. Три вопроса, на которые мы должны ответить, решая психофизическую проблему

Существуют разные теории объяснения. Наиболее популярной является гемпелевская модель дедуктивно-номологического объяснения. Однако как бы мы ни понимали объяснение, для любой теории объяснения, как я полагаю, будет справедливо следующее: прежде, чем начинать объяснение природы какого-либо объекта, мы должны быть способны каким-то образом выделить этот объект, идентифицировать его как именно этот самый объект.

В философии ведутся споры по поводу того, каким образом осуществляется индивидуация объекта. Не вникая в метафизические дискуссии, связанные с обсуждением принципа индивидуации или закона Лейбница о тождестве неразличимых объектов следует признать, что индивидуация, понятая как часть объяснения природы конкретного объекта, должна начинаться с фиксирования свойств этого объекта. Только специфицируя свойства конкретного объекта, мы способны начать объяснение его природы.

Все сказанное касается и проблемы объяснения сознания. Какие же свойства сознания позволяют нам выделить его как объект объяснения? Существенный вклад в выявление подобных свойств был сделан, прежде всего, Декартом. До работ Декарта в философии господствовало аристотелевское представление о природе психического. Сфера психического, или иначе душа (псюхе), понималась Аристотелем прежде всего как особая форма тела – анимирующий принцип, в силу которого данное тело остается живым. Основной вклад Декарта в переосмысление природы психического

заключался в том, что он разорвал связь между понятиями жизни и души. Согласно Декарту, тот факт, что организм является живым, объясняется исключительно механистическими причинами, тем, как он функционирует в качестве физического объекта. Для понимания этого факта не обязательно привлекать понятие психического (души). Иначе говоря, способность делать организм живым, одушевлять его, не является характеристикой психических процессов. Анализируя их природу, Декарт открывает феноменальное измерение данных процессов. Демонстрируя, что сфера психического, рассмотренная с точки зрения такой важной ее функции, как восприятие окружающего мира, характеризуется существенным образом не способностью одушевлять объекты, а наличием феноменальных аспектов, он, по сути, закладывает основание для современного понимания феномена сознания.

Декарт приходит к открытию феноменальной природы сознания, пытаясь определить, какого рода знание может считаться достоверным. Знание о любом факте или объекте, существование которого мы можем подвергнуть сомнению, не может рассматриваться как достоверное знание. Осуществляя процедуру методологического сомнения, Декарт обнаруживает, что мы можем подвергнуть сомнению не только существование внешнего мира и нашего собственного тела, но и существование психических состояний, взятых как состояния данного тела, например, чувств и ощущений (действительно, нет тела – нет ощущений). Однако при этом мы не можем сомневаться в существовании психических состояний, понятых как чистая данность, как то, что явлено нам. Можно сказать, что мы не можем усомниться в существовании кажимости определенного ментального состояния. Декарт так пишет об этом: «Я – тот, кто видит свет, слышит звуки, ощущает жар. Все это – ложные ощущения, ибо я сплю. Но достоверно, что мне кажется, будто я вижу, слышу и согреваюсь. Последнее не может быть ложным, и это, собственно, то, что именуется моим ощущением»¹. Иначе говоря, чем бы ни были состояния сознания, мы должны их рассматривать, прежде всего, как феноменальные данности, как определенного рода явления.

¹ Декарт Р. Размышления о первой философии, в коиx доказывається существование Бога и различие между человеческой душой и телом // Декарт Р. Соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1994. С. 25.

Обнаружение феноменальной природы сознания подтолкнуло Декарта к формулировке определенного решения психофизической проблемы. Важно отметить, что прояснение проблемы объяснения сознания невозможно без предварительного решения психофизической проблемы. Эта проблема заключается в выработке объяснения того, каким образом сознание связано с нашим телом. Как пишет Д.И. Дубровский, «одна из главных теоретических трудностей связана здесь с категориальной разобщенностью двух традиционных языков... Первый из них является “физикалистским”, его категориальной основой служат такие понятия, как “масса”, “энергия”, “пространственное отношение” и т. п.; второй язык, так сказать, “гуманитаристский”, основывается на понятиях “смысла”, “ценности”, “цели”, “воли”, “интенционального отношения” и т. п. Эти две различные группы понятий логически независимы, чтобы их связать <...> нужна специальная, теоретически адекватная концептуальная структура»². По сути, решение психофизической проблемы предполагает либо выработку подобной концептуальной структуры, объясняющей, каким образом описываемые этими языками феномены связаны друг с другом, либо объяснение того, почему это осуществить невозможно.

К настоящему моменту в философии было выработано множество вариантов решения данной проблемы. Вместе с тем следует признать, что окончательного решения, устраивающего всех философов, не существует. Не существует такого аргумента, который убедил бы всех принять определенную позицию по данному вопросу, и вряд ли такой аргумент будет выработан. Однако это не означает, что мы не можем предложить рациональных оснований, демонстрирующих предпочтительность одной позиции относительно другой. Именно эта задача ставится в данной главе.

Для того чтобы предложить основания для выбора определенного подхода к пониманию природы сознания, предлагается рассмотреть весь спектр решений психофизической проблемы. Сравнивая существующие теории сознания, мы можем найти то направление, в котором нам следует двигаться для понимания природы сознания. Попытка указать подобное направление была

² Дубровский Д.И. Зачем субъективная реальность, или «Почему информационные процессы не идут в темноте?» // Дубровский Д.И. Сознание, мозг, искусственный интеллект. М., 2007. С. 159.

предпринята автором данной главы в книге «Природа феноменального сознания»³. В настоящей работе будет предпринята попытка в кратком, эксплицитном виде представить ту стратегию, которой мы должны придерживаться, решая данную задачу.

Как отмечалось выше, попытка объяснения любого феномена начинается со спецификации тех свойств, которые позволяют в принципе выделить то, что мы пытаемся объяснить. Следуя за Декартом, мы должны признать, что сознательные процессы прежде всего характеризуются феноменальными качествами, способностью *каким-то* образом представлять нечто для субъекта этих процессов. В современной философии сознания данные качества часто обозначаются термином «квалиа». Поскольку феноменальные качества существенным образом характеризуют сознательные процессы, постольку объяснение сознания должно сводиться к объяснению природы данных качеств. Как и в случае объяснения любого объекта, объяснение феноменальных свойств следует начинать с обсуждения присущих им свойств. Иначе говоря, нам следует понять, каким именно образом мы должны мыслить эти феноменальные свойства. Ниже будет показано, что решения психофизической проблемы во многом зависят от того, какими свойствами мы наделяем феноменальные качества.

Предлагаемая в этой работе стратегия рассуждения, которая может быть основанием для предпочтения определенного решения психофизической проблемы, состоит из нескольких шагов. На каждом шаге мы должны решить, следует ли понимать феноменальные качества определенным образом или нет. Иначе говоря, вопросы, на которые мы отвечаем на каждом шаге, формулируются таким образом, что исключают какой-либо третий вариант ответа. По сути, таким образом мы задаем дерево решений психофизической проблемы. В зависимости от того, каким образом мы отвечаем на каждом этапе на стоящий перед нами вопрос, мы движемся в сторону такого решения, которое нам кажется наиболее предпочтительным.

Начиная движение по дереву решений психофизической проблемы, мы должны, прежде всего, ответить на вопрос, следует ли нам полагать, что феноменальные качества экземплифицируются состояниями тех объектов (чем бы они ни являлись), которые мы на-

³ Иванов Д.В. Природа феноменального сознания. М., 2013.

зываем физическими⁴, т. е. объектами, описываемыми «физикалистским» языком, основой которого, как отмечает Дубровский, являются категории «массы», «энергии», «пространственных отношений» и т. п. Если мы положительно отвечаем на этот вопрос, то мы движемся в сторону поиска монистического решения психофизической проблемы. Отрицательный ответ смещает нас в сторону дуализма. Именно такую позицию занимает Декарт. Ее можно обозначить как дуализм субстанций. Согласно данной позиции феноменальные качества характеризуют ментальные состояния, которые понимаются как модусы особой духовной субстанции, вещи мыслящей (*res cogitans*), противопоставленной миру физических объектов, материальной субстанции, или иначе вещи протяженной (*res extensa*).

Какие у нас имеются основания отказаться от дуалистического понимания феноменальных качеств? Критикуя дуализм, многие философы, как правило, указывают на проблему ментальной каузации, с которой сталкивается дуализм субстанций. Эта проблема заключается в том, что с позиции дуализма субстанций мы не можем объяснить, каким образом наши ментальные состояния кауально детерминируют наши физические действия, а также каким образом физические события вызывают в нас определенные ментальные состояния. Мы не можем в принципе понять, каким образом нелокализованные пространственно ментальные состояния способны взаимодействовать с протяженными объектами, не нарушая базовых законов физики. Однако, как автор данной главы пытался показать в «Природе феноменального сознания», данная проблема не подрывает дуализм субстанций в целом.

Если мы выбрали дуализм как приемлемую позицию для понимания природы сознания, то следующий вопрос, который мы должны задать себе звучит следующим образом: задействованы

⁴ Здесь важно обратить внимание на данную формулировку. Вопрос сформулирован таким образом, что он допускает различные варианты монистических теорий, например, материализм, нейтральный монизм и т. д. Отвечая на него, мы стремимся, прежде всего, понять, относить ли нам феноменальные свойства к тому же онтологическому порядку, которому принадлежат остальные свойства объектов, которые мы обозначаем как физические. Чем по сути являются эти объекты, в данном случае не важно. Такая постановка вопроса позволяет отделить любые монистические теории от дуалистических, утверждающих, что феноменальные свойства принадлежат объектам, принципиально отличным от обычных «физических» объектов.

ли феноменальные качества в каузальных взаимоотношениях ментального и физического? Положительный ответ на этот вопрос приводит нас к интеракционизму, отрицательный – к параллелизму. Если мы находим, что проблема ментальной каузации представляет угрозу для интеракционизма, то нам следует предпочесть параллелизм, при условии, что мы вообще склоняемся к дуализму.

Однако, как отмечено в «Природе феноменального сознания», мы вполне можем выдвинуть возражение против дуализма субстанций в целом. Дуализм субстанций подкрепляется аргументом от представимости, предложенным Декартом.

Прежде всего, поскольку я знаю, что все, мыслимое мной ясно и отчетливо, может быть создано Богом таким, как я это мыслю, мне достаточно иметь возможность ясно и отчетливо помыслить одну вещь без другой, чтобы убедиться в их отличии друг от друга: ведь, по крайней мере, они могли быть разделены меж собой Богом; при этом не имеет значения, с помощью какой способности мы можем установить их различие. Таким образом, из одного того, что я уверен в своем существовании и в то же время не замечаю ничего иного, относящегося к моей природе, или сущности, помимо того, что я – вещь мыслящая, я справедливо заключаю, что сущность моя состоит лишь в том, что я – мыслящая вещь. И хотя, быть может (а как я скажу позднее, наверняка), я обладаю телом, теснейшим образом со мной сопряженным, все же, поскольку, с одной стороны, у меня есть ясная и отчетливая идея себя самого как вещи только мыслящей и не протяженной, а с другой – отчетливая идея тела как вещи исключительно протяженной, но не мыслящей, я убежден, что я поистине отличен от моего тела и могу существовать без него⁵.

Аргументы, структурированные подобным образом, будут встречаться не раз в философии сознания XX в. Их можно обозначить как модальные аргументы. Основной акцент в них, прежде всего, делается на представимости определенной ситуации. Если мы можем четко представить некоторое положение дел, из этого можно сделать вывод о возможности (по крайней мере, концептуальной или логической) такой ситуации. В свою очередь, это позволяет нам утверждать отсутствие тождества между объектами, которые могут существовать независимо друг от друга. По

⁵ Декарт Р. Указ. соч. С. 62–63.

мысли Декарта, если мы можем ясно представить существование ментальных состояний исключительно в качестве феноменальных данностей, независящих от существования физических объектов, то из этого следует, что данные состояний не тождественны любым физическим состояниям.

Проблема с этим аргументом заключается в том, что не все феноменальные качества представимы как существующие без тела. Прежде всего, это касается ощущений. Не ясно, что это вообще значило бы – представить ощущение голода или холода, резь в глазах от яркого света, как феноменальные качества, принадлежащие исключительно духовной субстанции, которая бы никогда не была телесно воплощена. По-видимому, Декарт понимал все трудности, связанные с попытками представить существование сознания независимо от тела. Именно поэтому некоторые ментальные состояния он рассматривал как модусы сознания, теснейшим образом связанного с телом. Например, в его работе можно встретить следующий пассаж.

Природа учит меня также, что я не только присутствую в своем теле, как моряк присутствует на корабле, но этими чувствами – боли, голода, жажды и т. п. – я теснейшим образом сопряжен с моим телом и как бы с ним смешан, образуя с ним, таким образом, некое единство. Ведь в противном случае, когда тело мое страдало бы, я, представляющий собой не что иное, как мыслящую вещь, не ощущал бы от этого боль, но воспринимал бы такое повреждение чистым интеллектом, подобно тому как моряк видит поломки на судне; а когда тело нуждалось бы в пище или в питье, я ясно понимал бы это, а не испытывал бы лишь смутные ощущения голода и жажды. Ибо, конечно, ощущения жажды, голода, боли и т. п. суть не что иное, как некие смутные модусы мышления, происходящие как бы от смешения моего ума с телом⁶.

Если мы принимаем возражение подобного рода, то следует признать неудовлетворительность дуализма в целом и сместиться в сторону монистических концепций сознания. Рассматривая монистические теории сознания, нам необходимо, прежде всего, ответить на вопрос, способны ли мы редуцировать феноменальные качества к каким-либо иным свойствам. Большую часть XX в. в

⁶ Декарт Р. Указ. соч. С. 65.

философии сознания доминировали редукционистские представления о сознании, пытающиеся свести сознание к каким-либо объективным свойствам: поведенческим, физическим, функциональным. Бихевиористские, физикалистские и функционалистские подходы к объяснению сознания, по-видимому, не исчерпывают в логическом смысле все возможные варианты редукционистских решений психофизической проблемы. Вполне возможны и иные варианты редукционизма. Однако в XX в. доминировали именно эти подходы. По сути, редукционистские теории являются теориями тождества. Мы можем разделить их на два класса: физикалистские⁷ и функционалистские теории тождества⁸. Физикалистские теории тождества утверждают, что феноменальные свойства тождественны физико-химическим свойствам мозга. Функционалистские теории отождествляют сознание с функциональными состояниями мозга или всего организма.

Существуют две физикалистские теории тождества – теория типового тождества (*type identity*) и теория тождества отдельных экземпляров (*token identity*). С точки зрения объяснения сознания интерес представляет только первая теория, поскольку она пытается ответить на вопрос о том, чем по сути является тот или иной вид ментальных состояний. Согласно этой теории каждому типу ментальных состояний соответствует определенный тип физических состояний мозга. Теория тождества отдельных экземпляров, поддерживая физикалистскую онтологию, не предлагает нам никакого метафизического объяснения того, что характеризует определенный тип ментальных состояний. Она просто утверждает, что каждое конкретное ментальное состояние является каким-то физическим состоянием.

Склоняясь к редукционистской интерпретации сознания, мы, как представляется, должны предпочесть функционализм физикалистской теории типового тождества. Против физикалистской

⁷ Термин «физикализм» употребляется в данном случае в узком смысле, как обозначающий конкретную философскую теорию сознания. В этом смысле термин будет употребляться в данной работе только в связке с термином «теория тождества». В целом же в работе термин «физикализм» употребляется для обозначения доминирующей в философии XX в. парадигмы, предполагающей объективистское, натуралистическое рассмотрение ряда философских вопросов.

⁸ Термин «функционализм» употребляется здесь в широком смысле, предполагая, что бихевиористские теории сознания также могут быть проинтерпретированы как особые варианты функционализма.

теории тождества можно выдвинуть разные возражения. Основным же ее недостатком является то, что она не позволяет учесть факт множественной реализации ментальных состояний. На этот момент обратил внимание Х. Патнэм, критиковавший физикалистскую теорию типового тождества с позиции функционализма⁹. Согласно принципу множественной реализации, одно и то же ментальное состояние может быть реализовано у существ с разной физической организацией. Преимущество функционализма определяется как раз тем, что он признает данный факт, поскольку, интерпретируя ментальное состояние как функциональное состояние, мы допускаем, что эта функция может быть реализована различными физическими носителями.

Однако должны ли мы выбирать редукционистский подход к пониманию природы сознания? Действительно ли феноменальные качества редуцируемы к функциональным или физическим свойствам? Многие философы склонны отрицательно ответить на эти вопросы. В последней четверти XX в. в философии сознания было выработано множество аргументов, демонстрирующих нередуцируемость сознания к физическим или функциональным характеристикам нашего организма.

Одним из первых к обсуждению проблемы редукционистского объяснения сознания обратился философ Томас Нагель. В статье 1974 г. «Каково быть летучей мышью?»¹⁰ Нагель отмечает следующее. Знание о данностях сознания, которое доступно субъекту сознания, является знанием, полученным из уникальной перспективы – перспективы первого лица. Только субъект определенного сознательного состояния знает, каково это – пребывать в данном состоянии. Наличие такой перспективы является существенным свойством сознания. Именно она конституирует нашу субъективность, феноменальное измерение нашего сознательного опыта. Знание о сознании, которое лежит в основе любой естественнонаучной теории, является знанием, полученным из перспективы третьего лица. Это – знание объективных, интересубъективно наблюдаемых фактов (поведенческих, физических, функциональных).

⁹ *Putnam H. Psychological predicates // Art, Mind, and Religion / Ed. by W.H. Capitan, D.D. Merrill. University of Pittsburgh Press, 1967.*

¹⁰ *Nagel T. What is it like to be a bat? // Philosophical Review. 1974. No. 83 (October). P. 435–450.*

Пытаясь редукционистски объяснить сознание, мы, прежде всего, опираемся на последний тип знания. Однако, стремясь редукцировать субъективные, феноменальные характеристики сознания к каким-либо объективным фактам, мы неизбежно упускаем наиболее существенные аспекты сознательного опыта. От нас ускользают те аспекты опыта, которые являются объектом знания из перспективы первого лица. Например, изучая то, как летучие мыши ориентируются в мире посредством эхолокации, мы можем узнать все факты, касающиеся их поведения и нейрофизиологии, однако знание того, каково это – воспринимать объекты подобным образом, будет по-прежнему для нас недоступно. Как отмечает другой философ, Джозеф Левин, в нашем объяснении сознательного опыта другого существа всегда будет наличествовать провал (explanatory gap)¹¹.

Нагель и Левин подчеркивали наличие провала в любом редукционистском объяснении сознания. Ф. Джексон же из подобной эпистемологической ситуации делает онтологические выводы, демонстрируя ложность физикализма, из которой следует необходимость признать существование фактов, несводимых к физическим фактам. Аргумент знания Джексона, в котором критикуется физикализм, представлен следующим образом.

Мэри – талантливый ученый, которая, неважно по каким причинам, вынуждена исследовать мир, находясь в черно-белой комнате, посредством черно-белого телевизора. Она специализируется в нейрофизиологии зрения и обладает, допустим, всей физической информацией, которую необходимо собрать о том, что происходит, когда мы видим красный помидор или небо и используем термины «красный», «голубой» и так далее. Например, она обнаруживает, какой длины волны, исходящие от неба, стимулируют сетчатку, и каким образом это посредством центральной нервной системы заставляет сокращаться голосовые связки и выпускать воздух из легких, что приводит к появлению высказывания «Небо голубое»... Что произойдет, когда Мэри будет выпущена из черно-белой комнаты или когда ей дадут цветной телевизор? Узнает ли она что-нибудь или нет? Кажется очевидным, что она узнает нечто о мире и о том, как мы воспринимаем его. Но в таком случае необходимо, что ее преды-

¹¹ *Levine J. Materialism and qualia: the explanatory gap // Pacific Philosophical Quarterly. 1986. No. 64. P. 354–361.*

дущее знание было неполным. Но она обладала всей возможной физической информацией. Ego существует еще что-то, что мы должны знать, и физикализм ложен¹².

Аргументы, предложенные Т. Нагелем, Дж. Левиным, Ф. Джексоном, можно отнести к группе эпистемологических аргументов. В них делается акцент, прежде всего, на познавательной ситуации, в которой мы оказываемся, пытаясь объяснить сознание. Существует также группа метафизических аргументов. Все современные аргументы этой группы, по сути, являются вариациями картезианского аргумента в пользу различия души и тела. В них из некоторой мыслимой ситуации делаются выводы об онтологической природе феноменальных аспектов сознания¹³. Например, наиболее обсуждаемым аргументом в последние два десятилетия был аргумент от мыслимости зомби, разработанный Д. Чалмерсом. Если Декарт пытался представить сознание без тела, то Чалмерс, напротив, предлагает нам помыслить существование тел без феноменального сознания. Он просит нас представить существование зомби, наших полных физических и функциональных двойников, обладающих всеми психическими процессами, которые есть у нас, но лишенных феноменальных качеств, которыми окрашивается наша психическая жизнь. Подобно Декарту, из мыслимости такой ситуации Чалмерс делает вывод о ее логической возможности и о нетождественности феноменальных качеств каким-либо физическим или функциональным характеристикам организма¹⁴.

Эпистемологические и метафизические аргументы, в которых демонстрируется нередуцируемость феноменальных качеств сознательного опыта к физическим или функциональным свойствам, убедили многих философов занять не просто антиредукционистскую позицию по вопросу о природе сознания. Многие философы под влиянием этих аргументов сместились в сторону антинатурализма. По сути, эти аргументы способствовали возрождению дуализма в философии сознания. Например, свою позицию Д. Чалмерс обозначает как натуралистический дуализм. Однако современный дуализм отличается от классического дуализма субстанций. Этот вид дуализма

¹² Jackson F. Epiphenomenal Qualia // *Philosophical Quarterly*. 1982. No. 32. P. 128.

¹³ Подробное обсуждение всех этих аргументов см.: Иванов Д.В. Природа феноменального сознания. М., 2013.

¹⁴ Chalmers D. *Conscious Mind*. Oxford, 1996.

является дуализмом свойств. Представители данного вида дуализма принимают единую физикалистскую онтологию, однако эта онтология допускает, что в мире помимо физических свойств и объектов существуют особые ментальные качества, несводимые к физическим свойствам. Наиболее популярными вариантами дуализма свойств являются эпифеноменализм и панпсихизм. С точки зрения эпифеноменализма, хотя возникновение ментальных качеств каузально обусловлено физическими процессами, однако сами эти качества каузально не воздействуют на физические объекты. Согласно панпсихизму, ментальные свойства следует рассматривать не как возникающие на каком-то этапе развития физических систем, а как фундаментальные свойства всех объектов, существующих в универсуме.

Антиредукционистские аргументы действительно оказали значительное влияние на развитие философии сознания в последние несколько десятилетий. Однако не все они, как предполагается, успешны в демонстрации того, что феноменальные качества являются особыми нередуцируемыми свойствами, тем более предполагающими панпсихистскую или эпифеноменалистскую интерпретацию. Неудовлетворительными во многих аспектах оказываются, прежде всего, метафизические аргументы, опирающиеся на довольно расплывчатую идею представимости. Вместе с тем стоит признать, что эпистемологические аргументы лучше подходят для демонстрации нередуцируемости феноменальных качеств к физическим или функциональным свойствам. Эти аргументы, в определенном смысле, остаются онтологически нейтральными. Показывая невозможность полностью редуцировать феноменальные аспекты сознания к физическим или функциональным свойствам, они не обязывают нас сразу же занимать какую-либо онтологическую позицию (эпифеноменализм, панпсихизм и т. д.) по вопросу о природе этих свойств¹⁵. Для того чтобы определиться с онтологией феноменальных свойств, нам не достаточно указать на их нередуцируемость к каким-либо иным свойствам, нам нужно ответить на еще один вопрос. Следует ли нам понимать феноменальные качества как свойства, внутренне присущие ментальным состояниям?

¹⁵ Хотя Джексон полагал, что предложенный им аргумент знания может быть использован для поддержки эпифеноменализма, можно утверждать, что такой вывод не следует из самого аргумента. Подробнее см. главу «Чего не знает Мэри» в кн.: *Иванов Д.В.* Природа феноменального сознания.

Что имеется в виду под понятием «внутренняя присущность»? На этот вопрос можно ответить следующим образом. Все свойства могут быть дихотомически поделены на два класса. Некоторые свойства не принадлежат объектам самим по себе. Эти свойства являются результатом того, что объекты, которым они приписываются, находятся в определенных отношениях к другим объектам. Например, какой-либо человек может обладать свойством «быть мужем», только если он находится в определенных отношениях к другому человеку. Вне контекста таких отношений не имеет смысла спрашивать о том, присуще ли ему это свойство. Эти свойства могут быть обозначены как реляционные свойства. В отличие от этого класса свойств существуют свойства, о которых мы можем говорить как о принадлежащих объектам самим по себе. Их существование не зависит от того, взаимодействует ли их носитель каким-либо образом с другими объектами. Именно эти свойства можно обозначить как внутренне присущие объектам.

Как уже отмечалось ранее, антиредукционистские аргументы, предложенные дуалистами свойств, не демонстрируют автоматически, что феноменальные качества должны пониматься как свойства, внутренне присущие ментальным состояниям. Для того чтобы понять, какой дать ответ на обозначенный вопрос, нам необходимо рассмотреть дополнительные аргументы. Отвечая положительно на заданный вопрос, мы должны будем занять такую антинатуралистическую позицию, как дуализм свойств. Отрицательный ответ на этот вопрос приводит нас к варианту нередуктивного физикализма, в котором феноменальные качества рассматриваются как реляционные свойства. Подобный вариант физикализма, на мой взгляд, допускает возможность натуралистического понимания сознания. Таким образом, весь ход рассмотрения психофизической проблемы можно схематично представить следующим образом (Рис. 1).

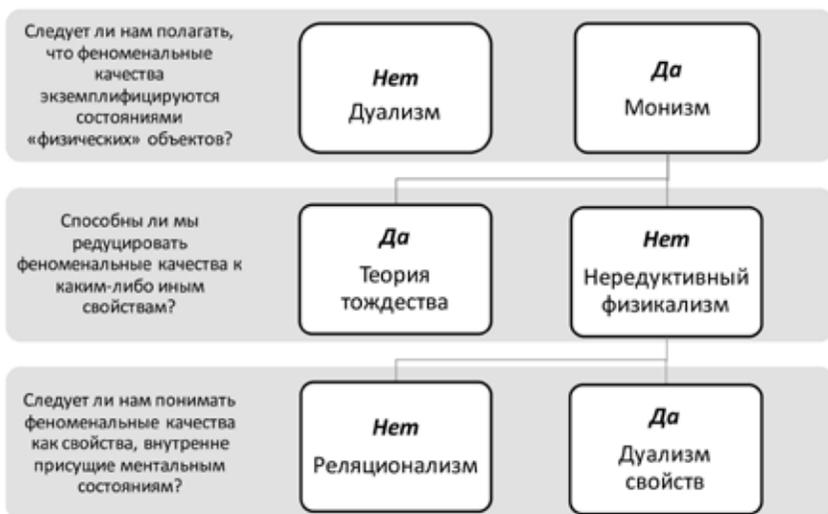

Рис. 1

1.2. Феноменальные качества как реляционные свойства репрезентируемых объектов

Все свойства могут быть дихотомически поделены на два класса: внутренне присущие (intrinsic) и реляционные свойства. Здесь важно сделать следующее замечание. Используя понятия «внутренне присущие свойства» (intrinsic) и «реляционные свойства» в контексте философии сознания, мы не должны путать их с понятиями «внутренние свойства» (internal) и «внешние свойства» (external). Как кажется, подобную ошибку совершает Дэвид Льюис. Например, он пишет: «Некоторые свойства объектов являются свойствам полностью присущими (intrinsic), или внутренними (internal), объектам, которые ими обладают: форма, заряд, внутренняя структура. Другие свойства не являются полностью присущими: быть братом, быть должным, находиться в трех милях от Карфакса, думать о Вене. Эти свойства являются, по крайней мере, частично внешними (неприсущими) (extrinsic), или реляционными (relational)»¹⁶.

¹⁶ Lewis D. Extrinsic properties // Philosophical Studies. 1983. No. 44. P. 197.

В философии сознания в контексте дебатов, ведущихся между интернализмом и экстернализмом, понятие «внутренние свойства» обозначает свойства, зависящие от нашего организма. Понятие же «внешние свойства» фиксирует свойства, зависящие от реальности, выходящей за пределы нашего организма. Из этого следует, что понятие реляционных свойств не обозначает с необходимостью внешние свойства. Например, если наличие феноменальных свойств у ментальных состояний обеспечивается присутствием ментальных состояний высшего уровня, как это предполагается теориями репрезентаций высшего уровня (*higher-order representations*), то следует сказать, что феноменальные свойства являются внутренними реляционными свойствами. Они являются реляционными свойствами, поскольку их существование зависит от отношений к ментальным состояниям второго уровня, и они являются внутренними, поскольку зависят от состояний нашего организма (мозга), а не от внешней реальности.

Еще один важный момент, который необходимо учесть, если мы пытаемся показать, что квалиа являются реляционными свойствами, заключается в следующем. Поскольку мы говорим о наличии отношения между двумя объектами, сознанием и тем, на что оно направлено, постольку следует учитывать, что оба объекта обладают определенными реляционными свойствами. Таким образом, демонстрация того, что квалиа являются реляционными свойствами, не означает автоматически, что они – реляционные свойства сознательного опыта. Они вполне могут быть реляционными свойствами репрезентируемого объекта. Такая интерпретация феноменальных свойств как реляционных свойств будет экстерналистской.

Также следует учитывать, что в контексте обсуждения проблемы сознания внутренне присущие свойства могут пониматься не только как феноменальные свойства ментальных состояний, но и как свойства воспринимаемых объектов. Подобное экстерналистское понимание данных свойств предполагается наивным реализмом.

Учитывая возможные интерналистские и экстерналистские интерпретации феноменальных свойств, мы можем представить эти позиции в следующей таблице.

Таблица 1

	Интернализм	Экстернализм
Внутренне присущие свойства	Дуализм свойств	Наивный реализм
Реляционные свойства	Теории репрезентаций высшего уровня и др.	Реляционализм

Подобное представление того, как можно понимать феноменальные свойства в качестве внутренне присущих и реляционных свойств, схематично и не охватывает все логически возможные позиции. Однако предполагается, что основные позиции по данному вопросу она позволяет отразить. По сути, интерналистские интерпретации, представленные в данной таблице, предлагают нам рассматривать феноменальные качества как свойства, характеризующие сами ментальные состояния. Позиция, которая здесь обозначается как дуализм свойств, предполагает, что эти свойства внутренне присущи ментальным состояниям, т. е. не зависят от отношений к каким-либо объектам. Интерналистский вариант реляционализма представлен теориями репрезентаций высшего уровня, хотя нужно признать, что этими теориями данный подход не исчерпывается полностью. Представимы и другие варианты интерналистского реляционализма.

Находясь на позиции экстернализма, мы представляем феноменальные качества как свойства объектов, данных каким-либо образом сознанию. Наивный реализм предполагает, что эти свойства присущи самому воспринимаемому объекту. Термином «реляционализм» здесь предлагается обозначать позицию, согласно которой феноменальные качества являются реляционными свойствами воспринимаемых объектов. Этот термин используется для того, чтобы отличить данную позицию от метафизических теорий отношений, иногда обозначаемых термином «реляционизм». Нужно отметить, что термин «реляционализм» уже появлялся в философии, прежде всего, в связи с недавними дискуссиями о природе цвета¹⁷.

Несмотря на логическую возможность интерналистского варианта реляционализма, предполагается, что мы должны исключить из нашего рассмотрения данную позицию. Как уже было

¹⁷ См.: *Cohen J.D.* The red and the real: An essay on color ontology. Oxford, 2009.

продемонстрировано в «Природе феноменального сознания», теории репрезентаций высшего уровня обладают рядом недостатков. Кратко неудовлетворительность такого подхода можно представить следующим образом. Теории репрезентаций высшего уровня призваны объяснить, почему информационные процессы, связанные с сознательным опытом, не идут «в темноте», почему помимо физических и функциональных характеристик мы можем вычленить также какие-то феноменальные качества. С точки зрения этих теорий появление феноменального измерения в этих процессах связано с тем, что информационные состояния первого уровня отражаются информационными состояниями более высокого уровня. Однако такое решение проблемы феноменальных качеств не объясняет, в силу чего информационные состояния второго уровня, которые тоже идут «в темноте», способны вывести на свет феноменальные качества состояний первого уровня. Также без ответа остается вопрос, почему мы вообще должны различать разные уровни информационных процессов, если все они одинаково идут «в темноте». Если у нас нет каких-то особых критериев для различения информационных процессов разного уровня, то, возможно, нам следует их интерпретировать как сложные информационные процессы, протекающие на одном уровне. Как отмечалось в «Природе феноменального сознания», объясняя появление феноменальных аспектов сознания посредством введения второго уровня рефлексии, представители обсуждаемых теорий имплицитно допускали существование каких-либо форм минимального сознания на первом уровне ментальных состояний. Если предложенная здесь критика теорий репрезентаций высшего уровня верна, то, обсуждая возможность интерпретации феноменальных качеств как реляционных свойств, нам следует рассмотреть, прежде всего, экстерналистский подход.

Впервые аргументы в поддержку экстерналистского понимания природы ментальных состояний были предложены Хилари Патнэмом. Наиболее известным аргументом Патнэма является аргумент «Двойник Земли». Изначально он разрабатывался для обоснования семантического экстернализма, однако его можно также трактовать как аргумент в пользу экстернализма в области философии сознания. В этом аргументе нам предлагается представить следующую ситуацию. Предположим, что где-нибудь в космосе есть

двойник нашей планеты. На нем существуют те же объекты, что и на Земле. Там можно найти двойника каждого человека, который существует на нашей планете. Сообщества этих двойников имеют историю, языки, культуру аналогичные тем, которые имеются у земных сообществ. Единственное отличие этой планеты от Земли заключается в том, что вода на этой планете имеет иную химическую структуру, определяемую не формулой H_2O , а какой-нибудь иной формулой, скажем, XYZ. Как и на Земле, на этой планете до определенного времени никто не знал, из чего состоит вода. Представим, что в 1750 г. на нашей планете жил некто Оскар и в это же время на двойнике Земли жил его дубликат. Предположим, каждый из них в определенный момент думает о воде и высказывает мысль о том, что он хотел бы выпить воды. Поскольку мы имеем дело с двойниками, то нам следовало бы сказать, что их мысли, те процессы, которые протекают в их головах, в данный момент совпадают, их высказывания, произносимые на одном и том же языке, также подобны друг другу. Однако существенной характеристикой любой мысли и любого высказывания является то, о чем эта мысль или высказывания. В данном же случае объекты мыслей и высказываний этих двойников отличаются друг от друга. Оскар думает о прозрачной, текучей субстанции со структурой, представляемой формулой H_2O , его двойник же думает о веществе, поверхностно напоминающем нашу воду, но обладающем иной структурой.

С помощью этого мысленного эксперимента Патнэм пытался доказать ложность положений, что «знание значения имени связано с пребыванием в определенном психологическом состоянии» и что «из тождества интенционалов следует тождество экстенционалов»¹⁸. Однако мы можем также сделать определенные выводы о природе ментальных состояний. Ментальные состояния существенным образом зависят не от того, какие образы, смыслы и другие психологические состояния наличествуют в моей голове, и даже не от физических и функциональных состояний моего мозга, а от внешних, случайных факторов, от той реальности, с которой я связан каузальным образом. Я и мой физический и функциональный двойник можем одновременно, испытывая головную боль, произнести: «У меня болит голова». При этом мы выразим разные

¹⁸ Патнэм Х. Значение и референция // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. 13. С. 378.

мысли, несмотря на то, что я и мой двойник внутренне полностью тождественны друг другу (психологически, функционально и физически). Мы оба выскажем разные мысли, поскольку они будут о разных объектах, о разных головах в данном случае.

Подчеркивая в последующих работах идею о том, что ментальные состояния существенным образом зависят от каузальных связей с внешними объектами, Патнэм писал следующее: «Даже обширная и сложная система репрезентаций, как словесных, так и визуальных, не имеет внутренней, встроеной, волшебной связи с тем, что она представляет – связи, независимой от того, как она причинно обусловлена, и от того, каковы диспозиции говорящего или думающего. И это справедливо и в том случае, когда система репрезентаций (слов и образов, в случае наших примеров) воплощена физически – слова написаны или произнесены, а картинки являются физическими изображениями, – и в том, когда она воплощена лишь в сознании. Помысленные слова и ментальные картины не представляют внутренне то, на что они указывают»¹⁹. Этот тезис Патнэм сопровождает таким примером:

Предположим, что где-то есть планета, населенная человеческими существами – появившимися там в результате эволюции, или высадки инопланетян, или как бы то ни было. Предположим, что эти люди – во всем остальном полностью похожие на нас – никогда не видели деревьев. Предположим, что они никогда не представляли деревьев (возможно, растительность существует на их планете лишь в виде плесени). Предположим, что однажды на их планету случайно попала картинка, изображающая дерево; ее обронил пролетающий мимо космический корабль, никак не вступивший с ними в контакт. Представьте себе, как они ломают голову над этой картинкой. Что бы это могло быть? Им приходят на ум всевозможные предположения: может быть, это какое-то строение? Балдахин? Или какое-то животное? Но они, как мы продолжаем предполагать, не приближаются к истине.

Для нас картинка является репрезентацией дерева. Для этих же людей картинка представляет лишь некоторый странный объект, чья природа и назначение неизвестны. Предположим, что в результате взгляда на картинку у одного из них возник ментальный образ, в точности подобный одному из моих ментальных образов дерева. Однако его ментальный образ не является ре-

¹⁹ Патнэм Х. Разум, истина и история. М., 2002. С. 19.

презентацией дерева. Это лишь репрезентация странного предмета (чем бы он ни был), который представляет таинственная картинка²⁰.

Пытаясь продемонстрировать, что ментальные репрезентации не являются чем-то «в моей голове», Патнэм предлагает рассмотреть современную версию декартовского мысленного эксперимента с обманывающим нас демоном. Патнэмовский вариант этого эксперимента можно обозначить как «мозги в бочке». В нем нам предлагается представить не демона-обманщика, а какую-нибудь систему мозг-компьютер, в которой электрические сигналы, направляемые компьютером в мозг, находящийся в питательном растворе в лабораторной колбе, производят в нем ощущение наличия внешнего мира. Этот эксперимент, по мысли Патнэма, призван опровергнуть интерналистское представление о сознании как совокупности внутренних состояний, ни от чего не зависящих. Патнэм пишет следующее: «Я утверждаю, что мы можем дать аргумент, показывающий, что мы – не мозги в бочке. Как возможен такой аргумент? <...> Ответ будет (вкратце) таков: хотя люди в этом возможном мире могут мыслить и “произносить” все слова, которые мы мыслим и произносим, они не могут (как я утверждаю) указывать на то же, на что и мы. В частности, они не могут помыслить или сказать, что они – мозги в бочке (даже думая “мы – мозги в бочке”))»²¹.

Сравнивая жителей виртуального мира с людьми из реального мира, мы можем отметить следующее. Хотя реальный человек и виртуальный человек могут обладать одинаковыми внутренними состояниями, их ментальные репрезентации будут отличаться. Ментальные репрезентации мозгов в бочке не о бочках и даже не о мозгах. Референтами их ментальных репрезентаций будут совсем иные объекты, например, электрические процессы, вызывающие у него образы бочек и иных объектов, из которых складывается его виртуальный мир. Утверждение «мы – мозги в бочки» не обозначает ту ситуацию, которую оно призвано обозначать. Слова «мозги» и «бочки», используемые жителями виртуального мира не указывают на мозги и бочки в том смысле, какой предполагается этим выражением. По сути, жители этого виртуального мира

²⁰ Патнэм Х. Разум, истина и история. С. 16–17.

²¹ Там же. С. 22.

подобны населению планеты, на которой не растут деревья: «Нет связи между словом “дерево”, употребляемым этими мозгами, и настоящими деревьями. Они будут употреблять слово “дерево” тем же способом, будут иметь те же мысли и образы, даже если деревьев не будет существовать. Их образы, слова и т. д. количественно идентичны с образами, словами и т. д., **которые представляют** деревья в нашем мире; но мы уже видели, что качественное подобие чему-либо, что представляет объект, само по себе не дает репрезентации. Коротко говоря, мозги в бочке не думают о реальных деревьях, когда они думают “передо мной дерево”, потому что нет ничего такого, в силу чего их мысль “дерево” представляла бы реальное дерево»²².

Позицию Патнэма можно обозначить как физический экстернализм в философии сознания. Он показал, что наши ментальные состояния существенным образом определяются каузальной связью с внешними объектами, на которые направлены эти состояния. Еще один классик экстернализма в философии сознания, Тайлер Бёрдж, пошел дальше, демонстрируя, что другой важный компонент ментальных состояний, а именно, содержание этих состояний, также зависит существенным образом от внешних факторов²³. Позицию Бёрджа следует охарактеризовать как социальный экстернализм, поскольку она объясняет природу содержания ментальных состояний как зависимость от социума.

Для того чтобы обосновать свой взгляд, Бёрдж предлагает рассмотреть следующий мысленный эксперимент. Осуществляя его, мы должны сделать три шага. На первом шаге мы рассматриваем некую действительную ситуацию. Представим, что существует индивид, который страдает артритом. Этот человек, будучи рациональным субъектом, компетентным носителем своего языка, как и другие носители данного языка, в большинстве случаев в своей жизни корректно пользуется понятием артрита. Его психологические установки, содержание этих установок, определяются данным понятием, зависят от него. Мы можем сказать, что оно позволяет идентифицировать его интенциональные ментальные состояния, связанные с артритом, например, такие, как желание избавиться от

²² Патнэм Х. Разум, истина и история. С. 27.

²³ Burge T. Individualism and the Mental // Midwest Studies in Philosophy. 1979. No. 4. P. 73–122.

артрита, обладание знанием того, что артритом страдал его отец, что у него самого артрит в кистях и т. д. Однако, как и многие люди, этот человек может ошибаться в нюансах употребления этого понятия. Например, он считает, что у него развивается артрит в мягких тканях бедра. С этими жалобами он идет к доктору, и доктор успокаивает его, объясняя, что артрит это заболевание суставов, а не мягких тканей.

На втором шаге нам предлагается представить контрфактическую ситуацию. Эта ситуация почти полностью тождественна предыдущей. В ней присутствует тот же человек, с той же физиологией, субъективными состояниями, психологическими установками, с теми же опасениями, что у него начинается артрит в бедре. Контрфактичность же этой ситуации заключается в том, что в сообществе, в котором теперь находится данный субъект, понятие артрита распространяется и на обозначение воспалительных процессов в мягких тканях. Придя к врачу, пациент получит подтверждение правильности своих подозрений о том, что у него развивается артрит в бедре.

Третий шаг этого мысленного эксперимента представляет собой интерпретацию контрфактической ситуации. В нашем сообществе и в сообществе-двойнике слово «артрит» выражает разные понятия. Эти понятия разные, поскольку у них разные экстенсионалы. Мы можем сказать, что в сообществе-двойнике вообще нет понятия артрита, скорее, слово «артрит» там выражает понятие, которое можно обозначить термином «дартрит» (двойник артрита). Таким образом, некорректно было бы приписывать психологическим установкам данного субъекта в сообществе-двойнике содержание, зависящее от нашего понятия «артрит». Это значит, что содержание пропозициональных установок пациента в контрфактической ситуации отличается от содержания его установок в действительной ситуации. Из этого следует, что содержание одинаковых интенциональных ментальных состояний двух субъектов, идентичных физически и психологически, может различаться, и это различие будет зависеть от внешних социальных факторов.

Патнэму и Бёрджу удалось показать, что полное понимание природы наших ментальных состояний невозможно без учета каузальной связи с внешней реальностью, с внешними, случайными физическими и социальными факторами. Их взгляды оказали зна-

чительное влияние на современную философию сознания. Интересное замечание относительно экстернализма делает Фред Дретске, автор оригинальной концепции ментальных репрезентаций: «Материалисты должны быть склонны принимать до определенной степени экстерналистскую позицию относительно сознания. Трудно понять, как от этого можно уклониться. Убеждения, самые заметные жители сознания, и их индивидуация осуществляется в терминах того, о чем эти убеждения. Я не знаю ни одной приемлемой психосемантики, ни одной приемлемой теории, объясняющей то, как одна вещь может представлять другую, которые не были бы по своему характеру экстерналистскими. Именно отношения – каузальные, информационные, исторические и прочие – делают возможным то, что в воскресный полдень нечто в моем мозгу направлено на футбол, а не на философию. Мысли находятся в голове, но то, что делает их теми мыслями, которыми они являются, там не находится»²⁴.

Однако, несмотря на популярность экстерналистского понимания природы ментальных состояний, следует отметить, что патнэмский и бёрджевский варианты экстернализма не объясняют окончательно природу сознания и его отношение с реальностью. Дело в том, что эти варианты экстернализма применимы только к ментальным состояниям, выражающим пропозициональную установку. Можно сказать, что эти ментальные состояния являются сознанием о чем-то, что можно представить с помощью некоторой пропозиции, как определённый факт, положение дел. Между тем, как отмечает Дретске, «убеждения (пропозициональные установки в широком смысле) не являются единственными жителями сознания. Существуют также переживания и ощущения – вид ментальных состояний, обладающих качественными свойствами»²⁵. Представляется, что без экстерналистского объяснения феноменальных свойств решение проблемы сознания в натуралистическом ключе невозможно. Для того чтобы выработать экстерналистское понимание феноменальных свойств, нам необходимо продемонстрировать, почему они не могут быть поняты как внутренне присущие свойства. Доказательство последнего пункта может оказаться

²⁴ *Dretske F. Phenomenal Externalism or If Meaning Ain't in the Head, Where Are Qualia? // Philosophical Issues. Vol. 7. Perception. 1996. P. 143.*

²⁵ *Ibid.*

очень сложной задачей. Представляется, что в настоящий момент не существует какого-то одного аргумента, который убеждал бы нас в том, что квалиа не являются внутренне присущими свойствами ментальных состояний. Однако, как мы полагаем, у нас имеется стратегия, позволяющая нам предпочесть интерпретацию феноменальных свойств как реляционных свойств. Такую стратегию предлагает Дретске. При этом он подчеркивает, что его рассуждения не являются решающим аргументом против тезиса о внутренней присущности квалиа.

В общем виде подход Дретске заключается в следующем. Прежде всего он различает два вида опыта – доксический и феноменальный. Доксический опыт связан с нашей способностью формировать убеждения, опираясь на понятия. Затем Дретске указывает на зависимость феноменального опыта от доксического. Благодаря доксическому опыту мы имеем не только различные убеждения относительно восприятия некоторого объекта *k*, но и различные убеждения относительно нашего феноменального опыта восприятия *k*. Мы имеем доступ к нашему феноменальному опыту только посредством понятий относительно того, какого рода опыт мы переживаем. Дретске так пишет об этом: «Если *k* не выглядит как *F* для *S* в доксическом смысле, то даже если этот объект ВЫГЛЯДИТ (Дретске использует заглавные буквы для обозначения феноменального опыта видения. – *Д.И.*) как *F* для *S*, *S* не будет осознавать этот факт (*S* не сможет)»²⁶. Как отмечает Дретске, этот тезис напоминает тезис Канта о том, что созерцания без понятий слепы. Подкрепляя свою мысль, Дретске приводит ряд примеров, когда мы не можем сказать, что сознаем наш феноменальный опыт, даже если мы его переживаем.

Скажем, некто быстро показывает нам семь пальцев. Мы вполне четко можем видеть это, но при этом можем ошибиться относительно того, сколько пальцем мы увидели. Мы можем полагать, что нам показали восемь пальцев. Таким образом, хотя в определенном смысле у нас был опыт восприятия семи пальцев, но этот опыт мы не осознаем, категоризируя его как опыт восприятия восьми пальцев. Или, например, будучи музыкально неграмотными и слушая какую-нибудь симфонию, мы не сможем ответить на вопрос, дей-

²⁶ *Dretske F. Phenomenal Externalism or If Meaning Ain't in the Head, Where Are Qualia?* P. 151.

ствительно ли в определенный момент была смена ключа. Хотя мы и воспринимали данную симфонию, но отсутствие у нас концептуального аппарата для различения нюансов опыта восприятия не позволяет нам сделать данный опыт сознательным. Выводы, которые делает Дретске в своей работе, заключаются не в том, что феноменальный опыт должен пониматься экстерналистски, а в том, что он может пониматься таким образом. Основным препятствием на пути к такому пониманию является неверное представление о том, что квалиа являются свойствами опыта, к которым у нас есть непосредственный интроспективный доступ.

Как уже было отмечено, стратегия, предложенная Дретске, не является аргументом против тезиса о том, что квалиа являются свойствами, внутренне присущими ментальным состояниям. Попробуем предложить позитивный аргумент, опровергающий данный тезис. Если мы рассматриваем феноменальные качества как внутренние качества, которые не только не зависят от каких-либо отношений, в которых мы как физические существа находимся к внешним объектам, но и от нашей физической организации, то в таком случае должен быть мыслим сценарий инвертированного спектра. Мысленный эксперимент «инверсия спектра» в философии обсуждается уже достаточно долго. С его обсуждением мы сталкиваемся уже в текстах Локка, который сформулировал его следующим образом:

Впрочем, идея голубого, имеющаяся у одного человека, может отличаться от этой идеи у другого. В наших простых идеях не было бы ничего от ложности и в том случае, если бы вследствие различного строения наших органов было бы так определено, что один и тот же предмет в одно и то же время производил бы в умах нескольких людей различные идеи; например, если бы идея, вызванная фиалкой в уме одного человека при помощи его глаз, была тождественна с идеей, вызванной в уме другого ноготками, и наоборот. Ведь этого никогда нельзя было бы узнать, потому что ум одного человека не может перейти в тело другого, чтобы воспринять, какие представления вызываются с помощью органов последнего; и потому не перепутались бы ни идеи, ни имена и ни в тех, ни в других не было бы никакой ложности. В самом деле, если все вещи, имеющие строение фиалки, будут постоянно вызывать в ком-нибудь идею, которую он назовет «голубое», а все вещи, имеющие строение ноготков, будут

постоянно вызывать идею, которую он также постоянно будет называть «желтое», то, каковы бы ни были эти представления в его уме, он будет в состоянии так же правильно различать по ним вещи для своих надобностей и понимать и обозначать эти различия, отмеченные именами «голубое» и «желтое», как если бы эти представления или идеи в его уме, полученные от этих двух цветков, были совершенно тождественны с идеями в умах других людей²⁷.

Иначе говоря, в этом мысленном эксперименте нам предлагается представить ситуацию, когда два существа, тождественные физически и функционально, оказываются наделенными разными феноменальными качествами. В XX в. аргумент от инверсии спектра обсуждался, прежде всего, в контексте аналитической философии сознания. Несмотря на множество доводов в его поддержку, возражения, выдвинутые его оппонентами, как представляется, все же заставляют нас признать, что в каком-то важном смысле перевернутый спектр немислим. Здесь нет места для подробного анализа всех дискуссий, которые возникали по поводу этого аргумента, однако общую направленность возражений можно представить следующим образом.

Рассуждая о статусе квалиа, мы сталкиваемся со следующей дилеммой. Если ментальные термины, обозначающие феноменальные качества, указывают на внутренние свойства сознательного опыта, то единственным критерием правильного употребления этих терминов являются свидетельства субъекта этого опыта, никто другой не может удостовериться, правильно ли фиксируются данными терминами и фиксируются ли вообще эти свойства. Однако, как отмечал Витгенштейн, критикуя идею приватного языка, в этом случае вообще не может быть каких-либо критериев правильности употребления данных ментальных терминов. Если кто-то настаивает на том, что для себя самого он правильно фиксирует этими терминами внутренние свойства своего опыта, то ему можно возразить словами Витгенштейна: «“Я закрепляю для себя связь” может означать только одно: этот процесс обеспечивает то, что впоследствии я правильно вспоминаю эту связь. Но ведь в данном случае я не располагаю никаким критерием правильности.

²⁷ Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Локк Дж. Соч.: в 3 т.: Т. 1. М., 1985. С. 444.

Так и тянет сказать: правильно то, что мне всегда представляется правильным. А это означает лишь, что здесь не может идти речь о «правильности»²⁸.

Если же ментальные термины в своем употреблении ничем принципиально не отличаются от любых других слов, то онтологический статус квалиа оказывается подобен статусу жука в коробке из мысленного эксперимента Витгенштейна:

Предположим, что у каждого была бы коробка, в которой находилось бы что-то, что мы называем «жуком». Никто не мог бы заглянуть в коробку другого; и каждый говорил бы, что он только по внешнему виду своего жука знает, что такое жук. – При этом, конечно, могло бы оказаться, что в коробке у каждого находилось бы что-то другое. Можно даже представить себе, что эта вещь непрерывно изменялась бы. – Ну, а если при всем том слово «жук» употреблялось бы этими людьми? – В таком случае оно не было бы обозначением вещи. Вещь в коробке вообще не принадлежала бы к языковой игре даже в качестве некоего не-что: ведь коробка могла бы быть и пустой. – Верно, тем самым вещь в этой коробке могла бы быть «сокращена», снята независимо от того, чем бы она ни оказалась²⁹.

Таким образом, феноменальные свойства, рассмотренные сторонниками возможности инверсии спектра как внутренние свойства сознательного опыта, доступ к которым имеет только субъект этого опыта, оказываются исключенными из контекстов, в которых мы способны обсуждать и сравнивать психические феномены. О них можно сказать словами Витгенштейна: «Они не нечто, но и не ничто! Вывод состоял бы лишь в том, что ничто выполняло бы такую же функцию, как и нечто, о котором ничего нельзя сказать»³⁰. Однако если мы не можем сравнивать непосредственно качественный опыт двух субъектов, то это означает, что гипотеза инвертированного спектра немыслима и, следовательно, неверным является предположение о том, что квалиа следует рассматривать как свойства внутренне присущие ментальным состояниям.

²⁸ *Витгенштейн Л.* Философские исследования // *Витгенштейн Л.* Филос. работы. Ч. 1. М., 1994. С. 175.

²⁹ Там же. С. 183.

³⁰ Там же. С. 185.

Как уже отмечалось, антиредукционистские аргументы, на которые, как правило, опираются дуалисты свойств, сами по себе не демонстрируют, что феноменальные качества являются свойствами внутренне присущими ментальным состояниям. Если при этом оказывается, что Дретске прав и мы не можем апеллировать к данностям сознания, якобы доступным нам в актах интроспекции, для того чтобы утверждать, что феноменальные качества являются подобного рода свойствами, то нам необходим дополнительный аргумент в поддержку этого взгляда. Рассмотрим, на какой аргумент опираются те, кто полагают, что феноменальные качества внутренне присущи нашим ментальным состояниям. В качестве такого аргумента, как правило, выступает аргумент от иллюзии. Критикуя этот аргумент, Гилберт Харман следующим образом представляет его:

Этот аргумент начинается с непротиворечивой посылки о том, что вещи, как они представлены в восприятии, не всегда таковы, какие они в действительности. Элоиза видит нечто коричневое и зеленое. Но перед ней нет ничего коричневого и зеленого; все это иллюзия или галлюцинация. Из этого аргумент ошибочно выводит, что коричневое и зеленое, которые видит Элоиза, не являются чем-то внешним по отношению к ней, и, соответственно должны быть чем-то внутренним или ментальным. Поскольку верное, не иллюзорное, не галлюцинаторное восприятие может быть качественно неотлично от иллюзорного или галлюцинаторного восприятия, в аргументе делается вывод о том, что во всех случаях восприятия Элоиза непосредственным образом осознает что-то внутреннее и ментальное и только опосредованно осознает внешние объекты такие, как деревья и листья³¹.

Ошибочность этого аргумента заключается в том, что он основывается на ложной посылке, согласно которой, если объект наших сознательных состояний отсутствует, то это значит, что мы имеем дело с какими-то особыми ментальными свойствами. То, что это не так, можно видеть на разных примерах. Например, из факта, что некто ищет какой-либо объект, который не существует в действительности, – Харман приводит в пример поиски испанским конкистадором Понсе де Леоном фонтана вечной молодости – не

³¹ *Harman G. The Intrinsic Quality of Experience // Philosophical Perspectives. Vol. 4: Action Theory and Philosophy of Mind. 1990. P. 35.*

следует, что этот человек нацелен найти нечто ментальное. То же самое мы можем сказать и об Элоизе, которая воспринимает несуществующее дерево. Даже если это дерево не существует, «содержанием ее визуального опыта является то, что перед ней находится дерево, но не идея дерева»³².

Обсуждая проблему внутренних качеств сознательного опыта, Гилберт Харман, по сути, предлагает интенционализировать квалиа. Для этого он отмечает следующие важные аспекты интенциональности. Прежде всего, наличие содержания интенционального состояния фиксирует тот факт, что субъект находится в определенном отношении к окружающей его среде. Другой важный аспект заключается в том, что содержание этих состояний не обязательно схватывает то, что действительно существует. Скажем, испанский конкистадор Понсе де Леон прибыл во Флориду в поисках фонтана вечной молодости. Он пытался найти конкретный объект, наделенный соответствующими свойствами. Об этом объекте можно говорить как об интенциональном объекте, поскольку как реальный объект он не существовал в действительности. Харман сравнивает эту ситуацию с картиной, изображающей единорога, которая, несомненно, обладает определенным содержанием. Можно сказать, что она фиксирует определенный интенциональный объект. Однако, как и фонтан вечной молодости, этот объект не существует в действительности.

Проводя параллели между изображением единорога и ментальными репрезентациями несуществующих объектов, например, тех же единорогов, Харман подчеркивает, что «это не значит предположить, что ментальное воспроизведение единорога включает в себя осведомленность о свойствах самого этого ментального воспроизведения единорога». Он пишет: «Я сравниваю ментальное изображение чего-либо с картиной, но не с восприятием картины. <...> Представление единорога отличается от представления изображения единорога. ... Очень важно проводить различие между свойствами репрезентируемого объекта и свойствами репрезентации этого объекта»³³.

Игнорирование подобного различия приводит к представлению о существовании особых внутренних качеств сознательного опыта, подкрепляемому аргументом от иллюзии. Если применить

³² Harman G. The Intrinsic Quality of Experience. P. 35.

³³ Ibid. P. 36.

рассуждение, используемое в данном аргументе, к картине, изображающей единорога, или к поискам фонтана вечной молодости, то следовало бы сказать, что картина не может изображать единорога, поскольку он не существует, и что она, скорее, изображает что-то иное, скажем, идею единорога, имеющуюся в сознании художника. Понсе де Леон также не мог искать фонтан вечной молодости, поскольку тот не существует, а, скорее, он искал какую-то идею этого фонтана. Однако, очевидно, это не так. Поиски Понсе де Леона были именно поисками определенного объекта, а не его идеи, и художник, если только он не художник-концептуалист, нацеленный на передачу на полотне идей, так же стремился изобразить самого единорога.

Как отмечает Харман, те, кто полагают, что квалиа являются свойствами нашего сознательного опыта, путают свойства интенциональных объектов, воспринимаемых в опыте, со свойствами самого опыта. Харман пытается продемонстрировать этот тезис, апеллируя к феномену прозрачности сознательного опыта, который заключается в том, что всякий раз, как мы пытаемся интроспективно зафиксировать характеристики самого опыта, мы сталкиваемся с тем, что заново описываем свойства представленного в опыте объекта. Харман так пишет об этом: «Когда вы видите дерево, вы не воспринимаете какие-то характеристики, внутренне присущие опыту. Взгляните на дерево, а затем направьте ваше внимание на характеристики, внутренне присущие вашему визуальному опыту. Я предсказываю, вы обнаружите, что единственные характеристики, на которые вы направляете внимание, будут характеристики представленного дерева, включая реляционные характеристики дерева, как оно видится “отсюда”»³⁴. Иначе говоря, фиксируя феноменальные качества, или квалиа, данные в нашем сознательном опыте, мы, по сути, обращаем внимание на реляционные свойства репрезентируемых объектов. Важно подчеркнуть, что это не просто свойства объекта, а свойства объекта, наблюдаемого из определенной перспективы, или, можно сказать, свойства интенционального объекта. Именно в таком качестве они принадлежат нашему сознательному опыту.

Интерпретируя квалиа как реляционные свойства репрезентируемых объектов, Харман, по мнению Неда Блока, осуществляет ошибку интенционализации квалиа. Демонстрируя ошибочность под-

³⁴ *Harman G. The Intrinsic Quality of Experience. P. 39.*

хода Хармана, Блок предлагает аргумент «Инвертированная Земля»³⁵. Этот аргумент базируется на следующем мысленном эксперименте. Представим, что где-то в космосе существует двойник нашей планеты. На двойнике Земли цвета всех объектов инвертированы относительно тех цветов, которыми обладают соответствующие объекты на Земле. Например, небо на этой планете желтого цвета, а трава – красного. Кроме того, на этой планете цветовые термины также систематическим образом инвертированы. Термин «голубой» там означает желтый цвет, термин «зеленый» – красный цвет и т. д. Во всех иных отношениях двойник Земли полностью тождественен Земле. Представив эту контрафактическую ситуацию, мы должны теперь вообразить, что на эту планету помещается человек с Земли. Однако перед отправкой его на планету-двойник ученые усыпляют этого человека и вживляют ему линзы, которые инвертируют цвета таким образом, что, когда он просыпается на новой планете, цвета по-прежнему выглядят так, как они выглядели на Земле. Иначе говоря, человек не замечает того, что окружающая его среда изменилась.

Если экстернализм верен, то мы должны сказать, что ментальные репрезентации данного субъекта изменились, но его феноменальный опыт остался прежним. Ведь теперь объектом его репрезентаций является желтое небо, а пропозициональное содержание его высказывания «небо голубое» будет заключаться в том, что небо желтое, и вместе с тем, его феноменальный опыт будет по-прежнему опытом восприятия голубого цвета. Все это, по мысли Блока, означает, что квалиа не могут быть интерпретированы экстерналистским образом посредством интенциализации. Однако, представляется, из рассуждений Блока не следует ложность экстернализма относительно квалиа. Аргумент Блока демонстрирует, что квалиа не могут быть отождествлены со свойствами внутренне присущими объекту репрезентации. Действительно, такое отождествление означало бы, что мы принимаем позицию наивного реализма. Вместе с тем, аргумент не показывает, что квалиа не могут пониматься как реляционные свойства репрезентируемого объекта.

Итак, каким образом должны мыслиться феноменальные аспекты сознательного опыта, если мы признаем, что феноменальные качества не являются свойствами, внутренне присущими

³⁵ Block N. *Inverted Earth // Philosophical Perspectives*. Vol. 4: Action Theory and Philosophy of Mind. 1990. P. 53–79.

ментальным состояниям? Когда мы говорим, что сознательные состояния наделены феноменальными свойствами, что мы имеем в виду? Очевидным ответом будет указание на то, что, когда мы находимся в этих состояниях, нечто явлено, дано нам определенным образом. Более того, то, что мы воспринимаем, представлено нам уникальным образом, из перспективы первого лица. Каким образом следует понимать то, что субъективные феномены воспринимаются в перспективе первого лица? Согласно мнению многих философов, это означает, что сознательный опыт интенционален. Существенной чертой интенциональных состояний является их аспектуальность. Она объясняет перспективный характер нашего опыта, то есть тот факт, что субъективные феномены всегда даны нам определенным образом. Как пишет Сёрл, «обращать внимание на перспективный характер сознательного опыта – это хороший способ напомнить себе о том, что всякая интенциональность аспектуальна... Каждое интенциональное состояние имеет то, что я называю аспектуальной формой»³⁶. Сказать, что интенциональное состояние обладает аспектуальной формой, фактически означает указать на то, что это состояние имеет содержание, фиксирующее объект, на который оно направлено, в определенных аспектах.

Ситуацию восприятия объектов можно описать иным образом. Воспринимая объекты окружающей его действительности, субъект находится в определенном уникальном отношении (состоянии) к миру, которое зависит от физической организации конкретного существа, детерминированной его биологической историей, и от конкретных физических параметров окружающей его среды. Именно этот факт особого отношения к миру схватывается нами, когда мы говорим о наличии содержания у данного конкретного состояния. Иначе говоря, содержания сознания не следует мыслить как особые сущности находящиеся «в наших головах». Несомненно, мы можем говорить о факте особого отношения субъекта к миру, а значит и о наличии определенного содержания у соответствующего репрезентационного состояния, даже когда в действительности не существует объекта, на который нацелен акт восприятия этого субъекта.

Помимо содержания в структуре интенционального состояния мы также должны выделять интенциональный объект, т. е. то, на что направлено сознание. Под интенциональным объектом мы

³⁶ Сёрл Дж. Открывая сознание заново. М., 2002. С. 131.

можем мыслить реальные объекты, существующие в мире. Если подобный объект отсутствует, не существует, это не значит, что мы должны мыслить интенциональный объект, как ментальную сущность, обладающую особым видом существования. Скорее, в случае отсутствия подобного объекта мы должны сказать, что сознание направлено на сам мир или на какой-либо фрагмент мира. Такое решение позволяет нам не только избежать проблемы несуществующих объектов, но и проинтерпретировать в качестве интенциональных такие ментальные состояния, как эмоции, настроения и т. п. – иначе говоря, состояния, которые на первый взгляд не представляют какой-либо объект. Важно также отметить, что в качестве интенционального объекта может выступать тело воспринимающего субъекта или какая-либо его часть. Это замечание позволяет понять, каким образом нам следует интерпретировать телесные ощущения.

Тот факт, что наши интенциональные состояния обладают содержанием, т. е. что объект фиксируется нами в определенных аспектах, означает, что мы способны выделить определенные свойства данного объекта. Эти свойства являются реляционными, они предполагают существование воспринимающего субъекта. По сути, все это означает, что феноменальные качества, которые мы связываем с нашим сознательным опытом, являются реляционными свойствами репрезентируемого объекта. Интерпретируя сознательные состояния как интенциональные (репрезентационные) состояния, понимая содержание этих состояний как особое уникальное отношение субъекта к миру, а интенциональный объект как реальный объект или сам мир (фрагмент мира), мысля феноменальные качества нашего сознательного опыта, как реляционные свойства репрезентируемого объекта, мы вполне способны выработать натуралистическое объяснение сознания.

1.3. Природа ментальных репрезентаций

Для того чтобы выработать натуралистическое объяснение ментальных репрезентаций, которыми являются интенциональные состояния, нам необходимо разобраться лишь с вопросом, являются ли ментальные репрезентации состояниями мозга. Последний вопрос

отличается от вопроса о том, являются ли феноменальные качества внутренними свойствами ментальных репрезентаций, тем, что он требует не концептуального решения, а скорее, эмпирического. Обсуждение природы ментальных репрезентаций с опорой на эмпирические данные мы находим, прежде всего, в когнитивной науке. Когнитивная наука возникла в середине 50-х гг. прошлого века, сменив бихевиоризм, доминировавший в то время в психологии. Благодаря когнитивной революции 1950-х гг. ученые начали рассматривать ментальные состояния не как фикции, которые должны быть элиминированы, а как внутренние репрезентационные состояния, которые опосредуют воспринимаемые стимулы и поведенческие ответы. Ментальные операции же стали рассматриваться как определенно-го рода вычисления, осуществляемые над этими состояниями. Этот подход к ментальным феноменам был поддержан такой философской теорией, как функционализм, предлагающей рассматривать сознательные состояния как функциональные состояния, независимые от уровня их реализации на определенном носителе. Критики классической когнитивной науки Черчленд и Седжновски следующим образом представляют данный подход к пониманию природы психических процессов.

1. Когнитивные процессы существенным образом предполагают репрезентационные и вычислительные процессы. Репрезентации, в самом общем смысле, являются символическими структурами, а вычислительные процессы, в общем смысле, являются правилами (подобными правилам логики) манипуляции этими символическими структурами.

2. Хорошей моделью для понимания функционирования системы сознание-мозг является компьютер – т. е. машина, базирующаяся на тех же логических основаниях, что и машина Тьюринга, и на фон-неймановской архитектуре цифровых компьютеров. Подобные машины идеально подходят для манипулирования символами в соответствии с определёнными правилами. Компьютерная метафора предполагает, что система сознание-мозг на процессуально-информационном уровне может быть понята как вид цифрового компьютера. Проблемой для когнитивной психологии является определение той программы, которая выполняется нашими мозгами³⁷.

³⁷ Churchland P.S., Sejnowski T. Neural Representation and Neural Computation // Mind and Cognition / Ed. by W. Lycan. Oxford, 1990. P. 138.

Подобные функционалистские представления следует рассматривать как эмпирическую гипотезу, которая и критиковаться должна на эмпирических основаниях. Такого рода критику в адрес этого подхода мы находим у представителей коннекционизма. Согласно им, существует ряд свидетельств, позволяющих нам утверждать, что мозг не функционирует подобно компьютеру и когнитивные процессы не должны пониматься как манипуляции ментальными репрезентациями, которые рассматриваются как символические структуры, аналогичные предложениям обыденного языка с помощью, которых мы описываем ментальные состояния.

С точки зрения коннекционистов, когнитивные процессы должны быть представлены в терминах коннекционистских сетей. Оппоненты коннекционизма, Фодор и Пылишин, следующим образом характеризуют эти системы.

Коннекционистские системы представляют собой сети, состоящие из огромного числа простых, тесно связанных друг с другом «элементов». Относительно элементов сетей и их связей обычно принимаются следующие допущения: 1) каждый элемент получает на входе сети некоторое значение активности (возбудительной, тормозящей или и той, и другой); 2) с помощью элементов сети ищется суммарная активность, а состояние сети меняется как функция (как правило, пороговая) от этой суммарной активности; 3) предполагается, что каждая связь может менять значение активности, которую она передаст; при этом модуляция активности является функцией от ее внутреннего (но подверженного модификациям) свойства, именуемого «весом». Таким образом, активность на входных нитях сети представляет собой некоторую нелинейную функцию от состояния активности ее источников; 4) в целом поведение сети можно описать с помощью функциональной зависимости от начального состояния активности элементов сети и весов по всем их связям; сами эти веса, и только они, образуют память системы³⁸.

Коннекционистские сети, призванные описать информационные процессы, лежащие в основе наших когнитивных способностей, являются сложными нелинейными динамическими системами, в которых процессы обработки информации являются парал-

³⁸ Фодор Дж., Пылишин З. Коннекционизм и когнитивная структура: критический обзор // Язык и интеллект. М., 1996. С. 232.

лельными распределенными процессами. Как отмечают Черчленд и Седжновски, «коннекционистская модель характеризуется, прежде всего, связями и различной силой связей между обрабатываемыми элементами. Обрабатываемые элементы мыслятся, скорее, как нейроны, которые коммуницируют друг с другом посредством сигналов (подобным спайковой активности), которые являются, скорее, нумерическими, чем символическими»³⁹.

Коннекционизм возникает в контексте когнитивных наук. В философию же он проникает, поскольку позволяет сформулировать подход к феноменам сознания, альтернативный классическим теориям. Со времен Декарта ментальные феномены мыслились как нечто внутреннее. При этом онтология ментального определялась, прежде всего, нашими обыденными представлениями о ментальных процессах. С точки зрения же коннекционизма понимание процессов обработки информации и механизмов репрезентации, имеющих в нейронных сетях, не должно осуществляться в терминах, навязываемых нам повседневным языком. Онтология процессов, фундамирующих когнитивную сферу, не может быть понята посредством анализа (в том числе феноменологического) ментальных состояний, представляемых этим языком.

По сути, коннекционизм является вариантом такой философской теории, как элиминативный материализм. Представители элиминативизма, к которым могут быть отнесены Селларс, Куайн, Фейерабенд, Рорти, Пол и Патриция Черчленды, которые исходят из того, что наши повседневные представления о природе психических процессов формируют определенную теорию, которую элиминативисты обозначают термином «народная психология». Подобно любой другой теории, народная психология может оказаться ложной теорией. Согласно элиминативистам именно таковой она и является. В отличие от редуктивного материализма, представители которого принимают существование объектов народной психологии, но стремятся редуцировать их к материальным процессам, элиминативисты полагают, что неверной является сама онтология народной психологии. Ее объекты – мысли, эмоции, желания и т. д., используемые для объяснения нашего когнитивного поведения – должны не объясняться посредством редукции, а элиминироваться подобно тому, как были элиминированы такие

³⁹ Churchland P.S., Sejnowski T. Op. cit. P. 140.

сущности, как флогистон или, скажем, *elán vital*. Как полагают элиминативисты, объяснение когнитивных процессов должно опираться на совершенно иную онтологию, отличную от онтологии, представляемую народной психологией.

Очевидно, элиминативизм предлагает достаточно радикальный подход к пониманию психических феноменов. Такой взгляд не мог не вызвать критику. Однако мы полагаем, что не обязательно принимать все положения элиминативизма. Мы вполне можем допустить существование ментальных состояний, как они постулируются народной психологией, и при этом признать, что онтология процессов в мозге, обеспечивающих функционирование когнитивной сферы, не может быть понята как онтология ментальных репрезентаций, задаваемых народной психологией. Признавая справедливость этого положения элиминативизма, но не отказываясь от народной психологии, мы приходим к взгляду, согласно которому ментальные состояния, как они фиксируются народной психологией, не являются состояниями мозга. Иначе говоря, пытаясь объяснить природу ментальных состояний, понятых как репрезентационные, или интенциональные, состояния, мы должны решить, являются ли они состояниями мозга или нет. Если аргументы эмпирического характера, выдвигаемые, скажем, коннекционизмом против классического подхода к пониманию когнитивных процессов, справедливы, нам следует признать, что ментальные состояния не являются состояниями мозга. В таком случае, если мы не отказываемся вообще от этого понятия, ментальные состояния должны пониматься как состояния всего организма. Онтологически ментальные состояния являются просто положениями дел (*states of affairs*), которые заключаются в том, что организм находится в определенных отношениях к окружающему его миру.

Такое понимание природы ментальных состояний вполне совместимо с деннетовской теорией сознания. Деннетовский подход представляет собой альтернативу ментальному реализму и элиминативизму. Позиция, которую мы обозначили как ментальный реализм, предполагает, что наш ментальный дискурс обладает предсказательной силой, поскольку мы можем поставить в соответствие нашим описаниям ментальных состояний внутренние состояния нашего мозга. Содержание и структура состояний мозга повторяет содержание и структуру наших повседневных ментальных описаний. Этой

позиции, например, придерживается Джерри Фодор, автор теории языка мыслей. Элиминативисты, например Пол Черчленд, полагают, что такая связь отсутствует, и мы не можем полагаться на предсказательную силу нашего повседневного ментального дискурса. Этот дискурс должен быть заменен научным языком, описывающим реальные каузальные процессы, происходящие в мозге.

Подобно элиминативистам, Деннет полагает, что онтология мозговых процессов не является онтологией, предполагаемой нашими ментальными описаниями. Однако, в отличие от элиминативистов, он не считает, что нам нужно избавиться от нашего повседневного ментального языка. По мнению Деннета, описания, задаваемые народной психологией, вполне могут использоваться как инструмент в наших повседневных предсказательных практиках. Предсказание поведения существ, которых мы наделяем убеждениями, желаниями и пр., возможно в силу наличия у нас интенциональной установки.

Деннет отмечает, что описать объект можно с помощью трех установок. Во-первых, поведение объекта можно описать, исходя из конструктивистской установки (*design stance*). Например, если кто-нибудь знает, как сконструирован компьютер, включая и разработку программного обеспечения, то он может предсказать ответы, которые машина будет давать ему на действия, которые он осуществит, следуя инструкции по эксплуатации.

Во-вторых, имеется физическая установка. В этой установке наше описание и предсказание поведения объекта будет базироваться на актуальном физическом состоянии этого объекта. Главную роль в описании объекта в данном случае будет играть знание законов природы.

Третья установка – это интенциональная установка. Предсказание поведения объекта, которое некто пытается сделать, основываясь на этой установке, это интенциональное предсказание. Деннет комментирует это положение: «Исследователь предсказывает поведение в данном случае с помощью приписывания системе обладания определенной информацией и допущения, что система должна руководствоваться определенными целями, а затем, на основании этих атрибуций и предположений, разрабатывая наиболее разумное или подходящее действие этой системы»⁴⁰.

⁴⁰ *Dennett D. Brainstorms. Philosophical Essays on Mind and Psychology. L., 1981. P. 6.*

Интенциональная установка, на которой Деннет делает акцент, является, по сути, расширением конструктивистской установки. Конструктивистская установка опирается на функционализм. Она описывает объект не с точки зрения того, как он устроен физически, а, скорее, с точки зрения того, как он функционирует. Представляя два объекта, нетождественные физически, но обладающие одинаковыми ментальными состояниями в функционалистских терминах, например, в терминах функционализма машины Тьюринга, мы можем задать вопрос, что общего у этих двух объектов. Отвечая на него, Деннет пишет следующее: «имеется такая система дескрипций, согласно которой оба объекта описываются как реализации определенной машины Тьюринга»⁴¹. Деннет отмечает, что разговор в терминах машины Тьюринга не редуцируется к какому-то фундаментальным идиомам, а свою легитимацию получает благодаря тому, что обеспечивается правилами атрибуции и благодаря демонстрации своей предсказательной силы. Далее Деннет делает следующий интересный шаг, он говорит: «Если мы сможем подобным образом легитимизировать “менталистский” разговор, мы сможем больше не прибегать к какому-либо редукционизму. В этом суть моей концепции интенциональных систем»⁴². Иначе говоря, при исследовании какого-либо объекта Деннет делает акцент, прежде всего, на том, каким образом мы описываем это поведение, но если машинный функционализм ограничивался языком машины Тьюринга, то Деннет работает с менталистским языком.

Работая с менталистским языком, Деннет определяет интенциональную систему следующим образом: «Определенная вещь является интенциональной системой только по отношению к стратегии кого-либо, кто пытается объяснить и предсказать ее поведение»⁴³. То есть Деннет не задается вопросом о том, обладает ли интенциональным состоянием исследуемый объект, он лишь пытается выяснить, владеет ли исследователь интенциональной стратегией, позволяющей описать поведение объекта.

Попытки Деннета рассматривать в качестве систем, обладающих интенциональностью, любые объекты, относительно которых мы можем строить некие объяснительные, предсказательные схе-

⁴¹ *Dennett D. Brainstorms. Philosophical Essays on Mind and Psychology.* P. xvii.

⁴² *Ibid.*

⁴³ *Ibid.* P. 3–4.

мы, наталкиваются на определенное сопротивление. Хочется сказать, что все эти интенциональные объекты на самом деле не обладают никакими верованиями и интенциями. Джон Серль, критикуя подобный подход к проблеме интенциональности, указывает на то, что мы должны различать внутреннюю интенциональность и интенциональность «как бы»⁴⁴. Изначальной интенциональностью является та, которой обладают люди и, может быть, другие живые существа. Обо всех остальных объектах мы можем только метафорически говорить, что они полагают нечто, желают чего-то и т. д. Было бы ошибкой говорить в каком-либо психологическом смысле о том, что здесь действительно имеются желания и намерения.

Ответ Деннета на подобные возражения можно представить следующим образом. Интенциональность – это, прежде всего, направленность одного объекта на другой. Примером направленности является ситуация «замок и ключ». Замок открывается только в том случае, если ожидаемая им ситуация происходит, т. е. если ключ подходит. Как пишет Деннет, «эта простейшая, в форме “замок и ключа”, разновидность направленности является базовым конструктивным элементом, на основе которого природа сформировала более причудливые виды подсистем»⁴⁵. Конечно, в рассмотренной ситуации замок не обладает представлением о ключе. Но мы и не должны наделять представлениями описываемые объекты. Нам важно дать такое описание объекта, которое предсказывало бы поведение этого объекта, указывало бы, на какую ситуацию направлен наш объект. У амебы нет представления о пище, но, тем не менее, ее движения не хаотичны. Она стремится туда, где находится пища, и всегда избегает токсичной среды.

По мнению Деннета, умение распознавать интенцию того или иного живого существа и приспособляться в соответствии с этим к определенным обстоятельствам играет важнейшую роль в эволюции животного мира. Эволюцию можно представить как гонку вооружения, в которой одни существа пытаются обмануть других, а те, в свою очередь, пытаются разгадать уловки первых. На первую ступень эволюционной лестницы Деннет помещает самореплицирующиеся макромолекулы, единственная функция которых – это дожидаться соответствующих условий и «включить»

⁴⁴ Серль Дж. Указ. соч. М., 2002.

⁴⁵ Деннет Д. Виды психики: на пути к пониманию сознания. М., 2004. С. 42.

процесс саморепликации. Наступление этих условий оказывается чем-то вроде кода, пароля, активизирующего систему. Поведение этих макромолекул является примером ситуации «замок – ключ». Их можно представить как датчики, которые включаются при благоприятных условиях и выключаются при неблагоприятных. Фактически, перед нами простейшие роботы, которые являются предками всех живых существ. Как пишет Деннет, «эти безличные, не способные мыслить, роботоподобные, действующие автоматически крошечные машины-молекулы образуют первооснову всей деятельности, а, следовательно, всех значений и сознаний в мире». И далее: «мы – прямые потомки этих самореплицирующихся роботов»⁴⁶.

Опровергая теорию о том, что существует изначальная интенциональность, Деннет подобно Райлу, Витгенштейну, Куайну критикует распространенный взгляд о том, что ментальные содержания – это какие-то особые сущности, находящиеся «в голове» и придающие смысл, интенциональность, нашим словам, знакам и артефактам. Тот, кто полагает, что знаки «оживляются» ментальными образами, попадает в регресс, т. к. его могут спросить, что «оживляет» и придает смысл самим ментальным образам. Конечно, знаки, предложения, различные артефакты без интерпретирующего их субъекта не обладают никаким значением. Но этот факт не означает, что значением обладают скрытые ментальные образы. Если ментальные двойники подобны знакам и артефактам, направляющим, например, наше поведение, и если эти знаки сами по себе не обладают интенциональностью, то не обладают такой интенциональностью и ментальные образы.

По мнению Деннета, наши артефакты, знаки, слова обладают производной интенциональностью, «в силу той роли, которую они играют в деятельности их создателя». Но также производной интенциональностью обладают наши ментальные состояния. Деннет пишет: «Список покупок, записанный на листе бумаги, обладает только производной интенциональностью, которую он получает благодаря соответствующим намерениям создавшего его человека. Но то же самое верно и для списка покупок, который тот же самый человек держит в памяти. Интенциональность этого второго списка будет такой же производной, как и интен-

⁴⁶ Деннет Д. Виды психики: на пути к пониманию сознания. С. 29.

циональность внешнего списка, и в силу тех же причин. ...Он является внутренним, а не внешним, но все же он артефакт, созданный вашим мозгом, и означает то, что означает, благодаря своему определенному положению в том, как организована внутренняя активность вашего мозга и какую роль она играет в управлении сложной деятельностью вашего тела в окружающем вас реальном мире». В свою очередь, «мозг тоже является артефактом и интенциональность, которой обладают его части, он получает благодаря их роли в “хозяйстве” более крупной системы, частью которой он (мозг) является, – или, другими словами, благодаря интенции создавшей его матери-природы (иначе известной как процесс эволюции путем естественного отбора)»⁴⁷.

Позицию Деннета обозначают как инструментализм. Интенциональная установка – всего лишь инструмент, позволяющий нам описывать и предсказывать поведение различных объектов. Ментальные состояния, которые мы приписываем этим объектам, являются абстрактными объектами, такими же, как, например, центр гравитации. Эти объекты в определенном смысле существуют, но это не означает, что они являются конкретными объектами, которые могут быть обнаружены и исследованы, например, в нашем мозге.

Полемизуя с Деннетом, Черчленд спрашивает, какой смысл в таком протекционизме относительно народной психологии?⁴⁸ По его мнению, подобным образом мы могли бы также защищать такие ложные теории, как теорию импетуса, флогистона и пр. Как он отмечает, мы могли бы настаивать, что эти объекты реальны, но являются абстрактными объектами. Подобное возражение обусловлено тем, что в деннетовской концепции ментальные состояния выглядят как зависящие от наблюдателя, интерпретирующего определенным образом поведение того или иного объекта. Отвечая на это возражение, Деннет указывает, что ментальные описания не являются произвольными. Описывая поведение какого-либо объекта, используя интенциональную установку, мы фиксируем реальные каузальные паттерны поведения этого объекта. Приписывание интенциональных состояний объекту зависит от этих паттернов, а не от произвола наблюдателя⁴⁹.

⁴⁷ Деннет Д. Виды психики: на пути к пониманию сознания. С. 59.

⁴⁸ Churchland P. The Neurocomputational Perspective. Cambridge, 1989. P. 126.

⁴⁹ Dennett D. Real patterns // Journal of Philosophy. 1991. No. 88(1). P. 27–51.

Как кажется, в этом пункте концепция Деннета может быть дополнена идеями, развиваемыми в современном энактивизме. На эту возможность указывает один из представителя данного направления современной когнитивной науки Энди Кларк. Он пишет: «Мы можем рассматривать ментальные атрибуты как обозначения для рассеянных причин, которые оказывают воздействие посредством сложной сети состояний, распределённых в мозге (и, возможно, теле и мире)»⁵⁰. Согласно энактивизму, современному подходу, разрабатываемому в контексте когнитивных наук, сознательные состояния должны пониматься как состояния организма, зависящие не только от работы мозга, но и от его телесной организации, и от характера его деятельностной включенности в окружающую среду. В случае человека мы также можем говорить о зависимости сознательных состояний от языка и культуры. Паттерны взаимодействия воспринимающего существа с окружающей средой, например, его сенсорно-моторные навыки, могут служить основанием для выявления интенциональных состояний данного существа.

1.4. Вместо заключения

В этой главе была рассмотрена психофизическая проблема, а точнее, отдельная ее часть – проблема натуралистического объяснения феноменальных аспектов сознательного опыта. Данная проблема была в центре классической нововременной философии. В настоящее время она преимущественно рассматривается в контексте аналитической философии сознания. Именно в парадигме указанной философской традиции психофизическая проблема анализировалась в этой главе. Важно отметить: несмотря на то, что проблема соотношения сознания и тела занимает центральное место в аналитической философии, это не означает, что данная философская традиция не обращается к решению проблем, связанных с иными психическими феноменами. Скорее, решение других проблем философии сознания ставится в зависимость от прояснения базовых понятий, обозначающих фундаментальные характеристики психического опыта, свойственного не только людям, но

⁵⁰ Clark A. Mindware. An Introduction to The Philosophy of Cognitive Science. Oxford, 2001. P. 59.

и животным. Например, прежде чем решать такие проблемы, как природа самосознания и личности, нам необходимо понять, в чем именно заключаются простейшие способности живых организмов воспринимать мир и себя в мире. Именно на решение данной задачи была нацелена данная глава, в которой делалась попытка объяснить феноменальные характеристики, присущие перцептивному опыту живых существ.

Очевидно, что, обсуждая более сложные формы психической жизни, такие как самосознание и личность, мы обращаемся к анализу не просто основ психического опыта, присущего любым живым существам, а стремимся исследовать феномены, присущие исключительно человеку. Подобного рода исследования невозможны без учета социального измерения человеческого сознания. Для понимания природы самосознания и личности необходимо проследить, каким образом данные феномены формируются в контексте социальных, культурно-исторических контекстов. Решению именно этой задачи посвящена следующая глава.

ГЛАВА 2. СОЗНАНИЕ КАК СОЦИАЛЬНАЯ КОНСТРУКЦИЯ

В предшествующей главе было показано, что ряд современных исследований сознания, таких как социальный экстернализм и некоторые разновидности энактивизма, полагают, что сознательные состояния могут рассматриваться как зависимые от социальной среды, языка, культуры. Можем ли мы, таким образом, рассматривать сознание как конструируемое социокультурной средой, в которую погружен человек? Предваряя последующие рассуждения, следует сразу сказать, что сознание, вопреки названию данной главы, разумеется, не является социальной конструкцией. Сознание – это часть человеческой природы, оно существует там, где существует взаимодействие человека с миром, со своим телом, с другим человеком или интроспективное обращение на самого носителя сознания. Вопрос о конструировании сознания в данной главе не предполагает рассмотрения того, из каких физических или психических элементов или структур составляется сознание. Речь пойдет в основном о специфической области исследований сознания – о проблеме самосознания и о том, что можно было бы назвать личностным аспектом исследований сознания. Именно в связи с этим аспектом, и в особенности – с проблемой *Я* возникает идея социального конструирования сознания и самосознания, которая ниже будет рассматриваться более подробно.

2.1. Социокультурный подход к исследованиям сознания в современном философском контексте

Необходимо в первую очередь рассмотреть, в каком контексте появляются исследования сознания и самосознания, отстаивающие идею социального конструирования этого феномена. Во многом данный контекст раскрывается в других главах данной книги, и здесь необходимо лишь суммировать основные характерные черты современных исследований сознания и показать, какое место в них занимает то, что можно, не вдаваясь в детали, обозначить максимально широко как социокультурный подход к исследованиям сознания. Под социокультурным подходом подразумеваются исследования сознания, делающие акцент на вопросе о том, как социум и культурно-исторические обстоятельства влияют на возникновение и развитие сознания индивида.

Следует отметить, что философские исследования сознания представляют собой одну из наиболее значимых областей философии XX–XXI вв. Можно выделить два основных связанных между собой течения, которые составляют главное ядро данных исследований.

Во-первых, в связи с развитием науки и техники в XX в. данная область философии испытала сильное влияние со стороны исследований, находящихся за пределами философии – а именно, исследований мозга нейрофизиологами, исследований психических патологий психиатрами и, наконец, исследований в сфере искусственного интеллекта. Перечисленные области научного поиска представили огромное количество новых фактов о сознательной деятельности человека, требующих философского осмысления, однако не решились (на что изначально, вероятно, надеялись) самой загадки сознания. Узнав очень и очень многое о работе мозга, о спецификации различных зон на карте коры головного мозга, о том, какие химические процессы происходят в мозге в связи с исполнением тех или иных психических функций, ученые так и не смогли обнаружить тот связующий элемент, который из разрозненных нейронов или даже их сетей создает то, что мы называем сознанием. «Натурализация» исследований сознания, таким образом, поставила больше новых вопросов, чем дала ответов о

природе сознания. Как отметил Дэвид Чалмерс, ученые решали «легкие проблемы», не будучи в состоянии даже приблизиться к «трудной»⁵¹. Хотя, следует отметить, что и «легкие» проблемы оказались не такими легкими.

Во-вторых, исследования сознания были сосредоточены, прежде всего, в сфере аналитической философии, которая сегодня буквально оккупировала само понятие «философия сознания» (philosophy of mind): сейчас, говоря о «философии сознания», большинство современных авторов почти всегда подразумевает именно аналитическую философию сознания. Аналитическая философия сознания сосредотачивается на психофизической проблеме и на проблеме квалиа, частично опираясь на данные исследований мозга и теории искусственного интеллекта, но в качестве основного метода аргументации используя мысленные эксперименты («зомби», «китайская комната», «инверсия спектра» и др.). Аспекты исследований сознания, с которыми имеет дело данная традиция, уже были затронуты в первой главе нашей монографии.

Рассмотренные направления начиная с середины XX в. определяли основной «климат» исследований сознания. В последние десятилетия на стыке этих двух течений возникло и набирает популярность также такое гибридное направление, как нейрофилософия. О гибридности, уже в сфере психологии, пишет также Р. Харре, отмечая, что психология в последние годы раскололась на два лагеря – дискурсивной психологии, занимающейся значениями и способами их использования, и нейропсихологии, сконцентрированной на изучении процессов, происходящих в мозге, связанных неким образом с когнитивными процессами. Гибридная психология, возникающая на стыке этих двух областей, «основывается на интуиции, согласно которой, несмотря на то, что в качестве инструмента, используемого людьми в процессе их деятельности, мозг может быть учтен в исследовании мира личностей, сами личности не могут быть описаны в качестве части мира нейронов и молекулярных процессов»⁵². Таким образом, Харре еще раз подчеркивает, уже с другой позиции, что до решения «трудной» проблемы сознания еще далеко, что проблема личности не решается через объяснение мозга.

⁵¹ Чалмерс Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории. М., 2013.

⁵² Харре Р. Гибридная психология: союз дискурс-анализа с нейронаукой // Эпистемология и философия науки. 2005. Т. VI. № 4. С. 39.

Тем не менее исследования сознания в последнее время оказались включены в основном в естественнонаучный дискурс, тогда как социогуманитарные исследования сознания, под предлогом того, что они являются спекулятивными и лишены научной точности и ясности выражения, были отодвинуты на второй план. В результате личностные характеристики сознания и проблема самосознания (за исключением исследования проблемы тождества личности (личностной идентичности) в аналитической философии) оставались, как правило, за пределами магистрального научного интереса. Вопрос о влиянии на сознание социокультурных факторов (центральный вопрос для того, что мы называем социокультурным подходом к пониманию сознания) был просто выведен за рамки исследований сознания. Связь сознания и социума рассматривалась в рамках социологических и социально-философских исследований, в сфере педагогики и теорий воспитания, и эти исследования существовали параллельно с указанными выше, не пересекаясь с ними, как будто речь шла о разных «сознаниях». И действительно, термин «сознание» стал столь многозначен, что, к примеру, в обсуждениях «общественного сознания» и «феноменальных состояний сознания» и в самом деле как будто нет практически ничего общего.

В то же время представляется, что социокультурную проблематику нельзя исключать из исследований сознания. К этому приходят и некоторые представители аналитической философии сознания, к примеру, упоминавшийся ранее Т. Бёрдж. Достаточно отметить следующий момент: манифестации сознательной активности мы, как правило, фиксируем с помощью коммуникации. Чистый опыт сознания дается нам лишь интроспективно, в остальных случаях мы опираемся только на свидетельства других. Эти свидетельства необязательно вербальны, но именно с помощью слов мы можем выразить сложнейшие формы сознательной деятельности, к примеру, теоретическое мышление. Как отмечает известный специалист по нейронауке и психолингвистике Т.В. Черниговская, по мнению которой человеческий язык и есть доступный нам язык сознания, «именно отсутствие такого инструмента, как вербальный язык, а не отсутствие технологических возможностей не позволяет нам увидеть ментальное пространство других животных»⁵³,

⁵³ Черниговская Т. «До опыта приобрели черты...». Мозг человека и породивший его язык // Логос. 2014. № 1(97). С. 84.

т. е. без языка манифестация сознания серьезно затруднена. Кроме того, в исследованиях сознания важен не только вопрос о том, как возможны мои индивидуальные переживания, но и вопрос о том, как из этих индивидуальных переживаний складываются мои мысли, складывается мой совокупный опыт, уникальные черты моей личности, мое Я.

Поэтому представляется важным помимо натуралистического и аналитического подходов к сознанию рассматривать также и такие философские подходы, в которых социокультурная составляющая играет первостепенную роль. Они также приобретают широкое распространение в философии конца XX в., в первую очередь как реакция на засилье физикализма и аналитической «отвлеченности» исследований сознания, однако занимают в основном маргинальную позицию, находясь на периферии философских исследований сознания и, в основном, обосновавшись в области социальной психологии. Р. Харре, будучи представителем умеренной конструктивистской (конструкционистской) позиции относительно сознания, предлагает говорить о трех типах грамматик, каждая из которых описывает человека на разных уровнях. П-грамматика (персональная) описывает действия личностей как рациональных агентов, ответственных за свои действия; М-грамматика (молекулярная) используется биологией и физиологией, она описывает такого рода деятельность как, к примеру, способность мелатонина погружать человека в сон и т. п.; О-грамматика (организмическая) – за основу берет организм и описывает те действия, которые производятся целесообразно, но не осмысленно (действия младенцев, действия животных и т. п.). **Все эти грамматики**, по Харре, относятся к правильному дискурсу о человеке, они могут объединяться, дополнять друг друга, но могут также и противоречить друг другу. Таким образом, с точки зрения Харре, психофизическая проблема, являющаяся одной из центральных для аналитической философии, понимается неправильно и напрасно ставится во главу угла, поскольку «переключив акцент наших исследований с неправильно понимаемой загадки о том, как могут взаимодействовать две полностью различные *субстанции*, и избежав дополнительной ловушки построения науки о человеке на основе только одной или другой из этих мнимых субстанций, мы можем перенести наше внимание на исследование способов, кото-

рыми дискурсом, ориентированный на личность, дискурс, ориентированный на организм, и дискурс, ориентированный на молекулы, связаны друг с другом»⁵⁴.

Тема социокультурных аспектов сознания, прежде всего, связана с понятием личности и рассматривается в терминах того языка, который Харре назвал П-грамматикой. Исследования личности, как правило, выводятся за рамки сферы интересов философии сознания и эпистемологии в целом, как излишне нагруженные социальным, однако мы полагаем, что исследования сознания без личностных аспектов будут неполными, поскольку мы никогда не имеем дела с «чистым» сознанием, не принадлежащим никакой личности. Если же вновь обратиться к концепции Харре и его призыву к поискам объединения между тремя разными дискурсами о человеке, то он отмечает, что именно П-грамматика, связанная с дискурсом о человеке как о личности, как правило, играет объединяющую роль для М- и О-грамматик.

Таким образом, представляется интересным рассмотреть направление, которое делает акцент именно на социальном и социокультурном содержании вопроса о сознании – а именно, социальный конструкционизм.

2.2. Социальный конструкционизм как разновидность конструктивизма

История и основные черты социального конструкционизма как особого подхода в социогуманитарных науках рассматривались автором данной главы многократно⁵⁵, однако необходимо вернуться к этой теме еще раз, чтобы прояснить различия между эпистемологическим конструктивизмом, социальным конструктивизмом и социальным *конструкционизмом*, поскольку в данной работе речь будет идти именно о последнем.

⁵⁴ Харре Р. Гибридная психология: союз дискурс-анализа с нейронаукой. С. 51.

⁵⁵ Труфанова Е.О. Социальный конструкционизм в теории познания: истоки, проблематика, современный потенциал // Эпистемология: перспективы развития. М., 2012. С. 389–400; О преимуществах и недостатках социального конструкционизма // Эпистемология и философия науки. 2015. № 1. С. 32–36; Политическое vs эпистемологическое: релятивизм в социальном конструкционизме и феминистской философии // Релятивизм как болезнь современной философии. М., 2015. С. 228–264.

Во-первых, следует отметить, что множество исследователей использует термины «социальный конструктивизм» и «социальный конструкционизм» как взаимозаменяемые. Несмотря на существенную близость этих подходов, имеет смысл, тем не менее, придерживаться использования термина «социальный конструкционизм» в узком смысле, который будет раскрыт далее.

Во-вторых, следует принять во внимание мнение тех авторов, которые сами причисляют себя к социальным конструкционистам. На названии «конструкционизм», а не «конструктивизм», в частности, настаивает Кеннет Герген, являющийся центральной фигурой социально-конструкционистского подхода. Предложенное им обоснование такого различия связано с тем, что термин «конструктивизм» тесно связан с психологической концепцией Ж. Пиаже, с которой социальный конструкционизм не имеет почти ничего общего⁵⁶. Можно перечислить ключевых авторов, ассоциирующих себя или выражающих симпатии разным формам социального конструкционизма: это К. Герген, М. Герген, Т.Р. Сарбин, Дж. Шоттер, Н. Роуз (в северной Америке); Р. Харре, Й. Паркер, У. Холлоуэй, С. Китцингер, Э. Берман, В. Уолкердин (в Великобритании), Г. Херманс (в Голландии). К этому же стану примыкают представители дискурсивной психологии Дж. Поттер, М. Узелл, Д. Эдвардс, М. Биллинг⁵⁷. Это далеко не исчерпывающий список всех авторов, связанных с социальным конструкционизмом, но наиболее важные для понимания конструкционистского подхода авторы здесь упомянуты.

В-третьих, следует заметить, что социальный конструкционизм выступает как зонтичный термин для целого ряда поднаправлений. Представитель одного из них (дискурс-анализа) Джонатан Поттер⁵⁸ выделяет до двенадцати принадлежащих к конструкционистскому подходу направлений, к каковым он относит «анализ разговора» или «конверсационный анализ» (*conversation analysis*), дискурс-анализ (*discourse analysis*), этнометодологию (*ethnomethodology*), этогенику (*ethogenics*), феминистские исследования

⁵⁶ *Gergen K.J.* The social constructionist movement in modern psychology // *American Psychologist*. 1985. No. 40. P. 266–275.

⁵⁷ *Burr V.* An Introduction to Social Constructionism. London, N.Y., 1995.

⁵⁸ *Potter J.* Discourse Analysis and Constructionist Approaches: Theoretical Background // *Handbook of qualitative research methods for psychology and the social sciences*. Leicester, 1996. P. 125–140.

(feminism studies), постструктурализм (post-structuralism), постмодернистскую политологию (postmodern political science), риторику (rhetoric), рефлексивную этнографию (reflexive ethnography), социологию научного знания (sociology of scientific knowledge), социокультурную психологию (socio-cultural psychology) и символический интеракционизм (symbolic interactionism). К этому списку нам кажется разумным добавить также нарратологию (narratology) и нарративную психологию (narrative psychology). Все эти направления используют различные элементы социально-конструкционистского подхода. Поттер утверждает, что для конструкционистов-психологов, например, их «коллеги» по конструкционизму из области социологии знания идейно ближе, нежели психологи, занимающиеся эргономикой, т. е. конструкционистский подход в данном случае имеет преимущество перед разделением на различные научные дисциплины. Классификация, предлагаемая Поттером, однако, подразделяет социальный конструкционизм не столько на основании применяемых им методов исследований, сколько в первую очередь на основании исследуемых объектов.

В-четвертых, социальный конструкционизм хотя и принадлежит к конструктивистскому подходу (если мы берем за основу оппозицию «конструктивизм–реализм»), но существенно отличается как от кантовского конструктивизма, так и от радикального социального конструктивизма Э. фон Глазерсфельда, П. Вацлавика и др. Возникновение социального конструкционизма в «чистом» виде как направления в ряде гуманитарных наук (психологии, социологии, философии) относится только к 1970–1980 гг., когда социальный конструкционизм начинает играть важную роль в переосмыслении предмета и метода психологии. Д. Бэксхёрст отмечает, что «в психологии “конструктивизм” ассоциируется больше с проектом (например, в духе Пиаже) понимания процесса развития, в котором отдельный ребенок строит представление о мире в противоположность подчеркиванию социальных практик дискурса и категоризации, типичному для социального конструкционизма. Филип правильно замечает, что эти две программы различны и их часто ошибочно путают... Однако между ними существуют связующие пути»⁵⁹. Главное отличие заключается в том, что в социальном конструкционизме главной «конструирующей» силой становится не индивид,

⁵⁹ Бэксхёрст Д. Формирование разума. М., 2014. С. 107.

не познающий субъект (что характерно для конструктивизма), а общество, точнее – система социальных коммуникаций. Наибольшее распространение социальный конструкционизм получает в области социологии и социальной психологии, где он противопоставляется «классической психологии», опирающейся на эмпирическое исследование (бихевиоризм, дифференциальная психология и когнитивная психология). Специфика социального конструкционизма по сравнению с конструктивизмом заключается в том, что если в конструктивизме акцентируется идея конструктивной природы человеческого восприятия, роль индивидуальных конструктов в познании и понимании мира, языковая и культурно-историческая опосредованность мышления и плюрализм истины, то социальный конструкционизм предполагает более радикальный подход. В нем утверждается, что проблемы личности, сознания, ментальных процессов и структур не могут быть однозначно приняты как некая реальность, и потому требуется их анализ через анализ языка, дискурса, культурно-исторических практик и социальных интеракций, поскольку лишь так эти структуры и процессы признаются действительными. Хотя социальные конструкционисты отмечают ценность идей конструктивизма, они критикуют конструктивизм, в частности, за акцентирование роли индивидуального субъекта и индивидуальных конструктов в построении образа мира (в отличие от доминирующей роли сообществ и дискурсов). Социальный конструкционизм, возникший как реформистский подход в социальной психологии, отличается тем, что в нем взаимосвязям языка, коммуникации и социальных практик отводится приоритетная роль в конструировании культуры, сознания и *Я* человека⁶⁰.

Тем не менее социальный конструктивизм и социальный конструкционизм объединяет представление о сконструированной и социальной природе знания, представление о знании как исторически обусловленной интерпретации, порожденной лингвистически и конвенциональной⁶¹.

Основную значимость социальный конструкционизм приобретает в 1970–1980 гг., когда он начинает играть ключевую роль в переосмыслении предмета и метода психологии. В качестве точки

⁶⁰ Улановский А.М. Конструктивистская парадигма в гуманитарных науках // Эпистемология и философия науки. 2006. № 4. С. 129–141.

⁶¹ Там же.

отчета, «дня рождения» этого направления часто называется статья Кеннета Гергена «Социальная психология как история», вышедшая в 1973 г.⁶² и ставшая своего рода программной статьей для реформирования исследований в области социальной психологии. В ней Герген критикует физиологический редукционизм, которому подвержена социальная психология, утверждая, что социальная психология не может и не должна создавать фундаментальных законов подобно естественным наукам, поскольку объективное исследование в социальной психологии невозможно, оно всегда зависит как от ценностных установок исследователя, так и от объекта исследования – индивида или социальной группы, которые изменяют свое поведение в зависимости от предъявляемых им исследователем ожиданий. Он подчеркивает, что социальная психология пытается претендовать на фундаментальность, тогда как она должна быть прикладной наукой, исследующей конкретные исторические обстоятельства. Он показывает, что любое исследование зависит напрямую от исторического контекста и делает вывод, что социально-психологическое исследование является ничем иным, как систематическим исследованием современной истории. Герген отмечает, что конструкционистская критика, которая легла в основу этой статьи, была направлена против засилья позитивизма и эмпиризма в науке, в особенности – в психологической науке. Она в свою очередь выросла из истории науки и социологии знания, и в дальнейшем получила поддержку со стороны феминизма, теории литературы и ряда других исследовательских направлений⁶³.

Основным пафосом социального конструкционизма является объявление социальными конструкциями не только очевидных продуктов социума (к примеру, социальных институтов), но и того, что, с точки зрения здравого смысла, непривычно считать результатом социальных взаимодействий (например, элементарные частицы в физике). Но в первую очередь социальными конструкциями объявлялись различные психические феномены.

Когда мы говорим о конструкции, мы говорим о чем-то, что: а) состоит из отдельных частей, составленных вместе согласно некой логике; б) конструируется, т. е. создается, не обладает изна-

⁶² *Gergen K.J. Social psychology as history // Journal of Personality and Social Psychology. 1973. Vol. 26. No. 2. P. 309–320.*

⁶³ *Gergen K. Social Constructionism in Context. L., 2001.*

чально присущим бытием, но становится, возникает в результате деятельности конструирующего субъекта. Следует отметить, что эта конструирующая деятельность может быть как сознательной (к примеру, деятельность инженера-проектировщика, которая, согласно предложенному Харре разделению, рассмотренному выше, должна была бы описываться П-грамматикой), так и бессознательной (конструирование гнезда птиц, подсказываемое инстинктом, а не сознательным целеполаганием, то, что описывалось бы О-грамматикой). Иногда человек, бессознательно крутя в руках какие-то предметы, может соединить их в нечто, что тоже можно будет назвать конструкцией, хотя получившийся объект может не иметь никакого конкретного назначения.

Когда мы говорим о *социальной* конструкции, мы предполагаем, что конструирующим субъектом для данной конструкции является общество, система общественных отношений, культура в целом. Социальный конструкционизм в качестве такого субъекта рассматривает не просто общество или культуру, но локальные культуры (или конкретные культурно-исторические условия на определенном этапе развития общества) и конкретные социальные группы. Так, опираясь на критический анализ психологической науки, социальный конструкционизм демонстрирует, как различные явления в психологии, которые рассматривались в качестве объективно существующих, оказывались временными социальными конструкциями. Распространенный пример, приводимый конструкционистами, – исторические трансформации понятия «меланхолии» от «избытка желчи» в работах Гиппократа и «греха уныния» в средневековом мировоззрении до современных клинических представлений о депрессии. Подобным образом и другие психические явления в одни эпохи могли рассматриваться как патология, а в другие – как разновидность нормы, в одни эпохи человек с определенными отклонениями в поведении мог рассматриваться как преступник, в другие такой же человек представлял жертвой недуга (подобным образом, к примеру, трансформировалось отношение к алкоголизму – от социально девиантного поведения, каким его понимали в XIX в., до заболевания) и т. д. Исторические факты, на которые указывают конструкционисты, не вызывают сомнений – действительно, понимание феноменов человеческой психики менялось в зависимости от исторических

периодов и культур. Однако далее конструкционисты делают следующий шаг и приравнивают к таким временным культурно-исторически зависимым конструкциям самосознание человека и *Я* как его центр, бросая, тем самым, серьезный вызов классическим представлениям о субъекте познания. И вот здесь возникают проблемы, которые имеет смысл рассматривать подробно. Однако прежде следует обратиться к историко-философскому контексту и коснуться тех исследований сознания, которые пересекаются с постановкой проблемы сознания, самосознания и *Я* в социальном конструкционизме.

2.3. Социальное конструирование сознания и дилемма «природа или воспитание»

Говоря о социально-конструкционистском подходе к сознанию, мы можем обратить внимание на несколько ключевых тем в исследованиях сознания, возникших задолго до появления данного направления, но, несомненно, перекликающихся с поставленными социальным конструкционизмом вопросами.

Идея социально конструируемого сознания подразумевает сближение понятий сознания и личности. Поэтому данную идею можно рассматривать в контексте классической дилеммы, следующей за вопросом о личности на протяжении всей истории философии, – дилеммы «nature vs nurture» (природа или воспитание). Биосоциальная природа человеческого бытия, сочетающая «животное», биологическое начало и зависимые от социума черты характера, поведения, способов деятельности и т. д., всегда интересовала философию. Аристотель, определяя человека «политическим животным», подчеркивает эту изначальную двойственность – бытие человека природным существом, которое, однако, может быть изменено с помощью воспитания. Воспитание может также рассматриваться как конструирование личности, например, немецкий термин *Ausbildung*, обозначающий как обучение, так и воспитание, имеет в корне глагол «*bilden*» (создавать, формировать), и процесс воспитания, следовательно, может рассматриваться как процесс формирования личности. Чаши весов в этой дискуссии в разные периоды пополнялась разными аргументами,

и весы склонялись то в одну, то в другую сторону: то полагалось, что «природные задатки» всегда берут верх над воспитанием, то, напротив, утверждалось, что воспитание всесильно и способно сформировать личность человека по любому лекалу. В частности, множество утопических концепций опирается на идею об усовершенствовании человека (чтобы совокупность таких совершенных людей была в состоянии поддерживать идеальное состояние общества), и разные утописты предлагали разные пути такого усовершенствования – от безукоризненной системы воспитания, способной создать человека с необходимыми для данного общества личностными характеристиками⁶⁴, до евгеники, которая, улучшая или адаптируя к определенным требованиям организм человека, может «сконструировать» именно такого человека, который нужен обществу⁶⁵. В большинстве утопий, впрочем, опускался вопрос о том, как именно будет достигнуто это совершенное состояние человека, и проводилась мысль о том, что идеальное состояние общества само не позволит члену этого общества быть иным. С этой точки зрения человек будет социально сконструирован укладом жизни утопического государства.

Дилемма «природа или воспитание» в философии и других социогуманитарных науках рассматривается в контексте исследования целого ряда феноменов, связанных с развитием личности, становлением разума и т. д. В рамках естественнонаучного подхода она формулируется как вопрос о соотношении генетически заданных свойств и свойств, обусловленных воздействием среды, в первую очередь социальной. Можно также трактовать эту проблему в несколько ином ключе: как проблему соотношения «врожденного» (знания, психического содержания и т. д.) и **«приобретенного»**. Тогда ее суть будет заключаться в следующем вопросе: что является определяющим в становлении личности – свойства и особенности, заложенные при рождении, или качества, приобретенные в ходе индивидуального развития в результате взаимодействия с другими

⁶⁴ См., к примеру, систему гимнастического и мусического воспитания в «Государстве» Платона, воспитательный проект Ж.-Ж. Руссо в «Эмиле», Высокую теорию воспитания в Мире Полудня братьев Стругацких и т. д.

⁶⁵ Эту идею можно проследить в кастовой системе платоновского «Государства», а наиболее прямолинейно она представлена в рамках антиутопии О. Хаксли «Дивный новый мир».

людьми? Наконец, если быть более точным и не придерживаться позиций жесткого биологического или социального детерминизма, следует рассматривать проблему так: за что именно отвечает природа, а за что – среда в широком смысле слова? Множество современных концепций в сфере философии сознания фактически пытается склонить чашу весов в сторону «природы», объясняя сознание исключительно через мозговые функции⁶⁶.

Классический вариант дилеммы «nature vs nurture» имеет дело с личностью и носит, как правило, не столько эпистемологический, сколько этико-праксиологический характер. По сути, речь идет о степени ответственности человека и его воспитателей за то, кем он является как личность. Если человеку врождено природой быть пьяницей/преступником/безумцем, то можем ли мы винить его за подобное поведение? А если это не врождено, но он становится таковым, то, возможно, опять-таки, в этом не его вина, а вина дурного воспитания? Возможно, его личность была *сконструирована* таким образом? В любом случае, придерживаясь одной из этих крайних точек зрения, мы непременно приходим к выводу, что человек вообще не ответственен за свою судьбу, лишен свободного выбора в своем поведении и поступках, и тогда дискуссия перетекает в дискуссию о свободе воли.

Среди концепций, представляющих разные стороны дилеммы «природа или воспитание», одно из ключевых мест в лагере сторонников «воспитания» занимают идеи Карла Маркса. Представления о сознании как социально сконструированном, о *Я* как о продукте общественных отношений неизбежно вызывают отсылки к его работам, которые в отношении сознания наиболее близки к социальному детерминизму и на первый взгляд кажутся предтечей социально-конструкционистского подхода.

Действительно, в «Немецкой идеологии» Маркс пишет, что сознание «с самого начала есть общественный продукт и остаётся им, пока вообще существуют люди...»⁶⁷. В этом же сочинении он критикует идеалистические концепции самосознания, утверждая,

⁶⁶ Подробней см.: Труфанова Е.О. Дилемма «Nature vs nurture» в становлении личностных характеристик Я // Познание и сознание в междисциплинарной перспективе. Ч. 2. М., 2014. С. 27–67.

⁶⁷ Маркс К. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 3. М., 1955. С. 29.

что реальной основой того, что рассматривали в качестве «субстанции» и «сущности человека» идеалисты, является, на самом деле, сумма «производительных сил, капиталов и социальных форм общения, которую каждый индивид и каждое поколение застают как нечто данное»⁶⁸. С точки зрения Маркса, биологически человек не меняется на протяжении долгого периода развития человечества, однако меняются отношения между людьми, и в результате изменения этих отношений изменяется общественное сознание и, как следствие, сознание каждого отдельного человека.

Маркс отмечает также, что «... именно потому, что мышление, например, есть мышление данного определённого индивида, оно остаётся его мышлением, определяемым его индивидуальностью и теми отношениями, в рамках которых он живёт...»⁶⁹. Там же далее он пишет, что развитие личности зависит «... не от *сознания*, а от *бытия*; не от мышления, а от жизни; это зависит от эмпирического развития и проявления жизни индивида, зависящих, в свою очередь, от общественных отношений»⁷⁰. Таким образом, любое личностное развитие ограничено социальными обстоятельствами бытия этой личности.

Маркс также, как и конструкционисты, подчеркивает роль языка. Язык, по Марксу, – одна из важнейших манифестаций сознания: «Язык есть практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого, действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми...»⁷¹. Маркс пишет, что «духовное богатство индивида всецело зависит от богатства его действительных отношений», и мы можем предположить, что этими отношениями оно и рождается. Здесь, как представляется, идеи Маркса хорошо применимы к понятию идентичности, в том виде, как ее понимают социальные конструкционисты, для которой также важна структура социальных связей и отношений.

На первый взгляд может показаться, что позиция Маркса очень близка социальному конструкционизму. Более того, несмотря на отсутствие конкретных ссылок на работы Маркса (кон-

⁶⁸ Маркс К. Немецкая идеология. С. 37.

⁶⁹ Там же. С. 253–254.

⁷⁰ Там же. С. 253.

⁷¹ Там же. С. 29.

струкционисты, как правило, опираются не столько на его труды, сколько на произведения более поздних философов-марксистов и неомарксистов), влияние его идей на это направление несомненно. Однако есть ряд принципиальных отличий, разводящих эти позиции очень далеко друг от друга. Основное из них заключается в том, что Маркс подчеркивает активную роль субъекта. Если в социальном конструкционизме индивид является заложником социальных отношений, в которые он включен, то у Маркса, по словам Э. Фромма, «...человек – это сырье, которое нельзя изменить в плане его структуры (например, устройство мозга с доисторического времени). И в то же время человек действительно изменяется в ходе истории, развивается, трансформируется, является продуктом истории, а так как историю творит он сам, то и себя самого он творит тоже сам»⁷². Маркс отстаивает активную роль человека в изменении этих формирующих сознание обстоятельств. В третьем тезисе из «Тезисов о Фейербахе» он пишет: «Материалистическое учение о том, что люди суть продукты обстоятельств и воспитания, что, следовательно, изменившиеся люди суть продукты иных обстоятельств и изменённого воспитания, – это учение забывает, что обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан»⁷³, и потому, согласно одиннадцатому тезису, дело заключается в том, чтобы изменить мир. Сознание формируется общественным бытием, но оно же служит для того, чтобы изменить это бытие, а значит, оно способно выйти за пределы существующих социальных отношений. Таким образом, у Маркса индивид не только способен, но и в каком-то смысле обязан вырваться из плена социальных конструкций, навязанных ему при рождении, ради изменения мира и самого себя.

Следуя за марксовской концепцией, разрабатывает свою теорию, широко обсуждаемую в советской философии, Э.В. Ильенков. Он отстаивает доминирующее значение «воспитания» по сравнению с «природой». Основываясь на данных работы А.И. Мещерякова и И.А. Соколянского со слепоглохими от рождения (или утратившими слух и зрение в раннем возрасте) детьми, Ильенков утверждает, что

⁷² Фромм Э. Марксова концепция человека. М., 1992. С. 375–414. URL: <http://psylib.ukrweb.net/books/fromm01/index.htm/> (дата обращения: 23.02.2016).

⁷³ Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 3. М., 1955. С. 2.

не только *Я*, но и психика в целом не рождаются лишь при условии наличия здорового мозга. Он пишет, что «при рано наступившей слепоглухоте очень быстро деградируют и атрофируются все те намеки на человеческую психику, которые едва успели возникнуть до этой беды, и ребенок становится подобным некоему человекообразному растению, чем-то вроде фикуса, который живет лишь до тех пор, пока его не забыли полить. И это при вполне нормальном (с биологической, с медицинской точки зрения) мозге. Мозг продолжает развиваться по программам, закодированным в генах, в молекулах дезоксирибонуклеиновых кислот. Однако в нем не возникает ни одной нейродинамической связи, обеспечивающей *психическую* (курсив Э.В. Ильенкова. – *Е.Т.*) деятельность»⁷⁴.

Ильенков последовательно отрицает любое врожденное в психике, называя все врожденные (с некоторой точки зрения) рефлексы – «мифическими». Проблема слепоглухих детей заключалась в том, что, не получая визуальных и слуховых сигналов из внешней среды, они как бы замыкались в себе, не проявляли никакой активности. Первой задачей было обучить их активности – например, активному поиску пищи. С точки зрения Ильенкова, если потребность в пище является врожденной, то потребность и способность осуществлять ее поиск – нет. Успех в обучении этому поиску – это становление психики, но пока еще только на уровне «зоопсихики», т. е. на уровне психического развития животных. Специфически человеческая психика, однако, «со всеми ее уникальными особенностями и возникает (а не “пробуждается”) только как функция специфически человеческой жизнедеятельности, то есть деятельности, созидающей мир культуры, мир вещей, созданных и созидаемых человеком для человека»⁷⁵. Таким образом, у Ильенкова психика человека связана с возможностью приобщения к «совокупности общественных отношений», в которых заключается «сущность человека». Это приобщение возможно через практическую деятельность, через труд. Осваивая с помощью воспитателя взаимодействие с вещами, ребенок осваивает не просто обращение с материальными предметами, но обращение целесообразное, разумное, согласующееся с ролью этих предметов в системе человеческой культуры.

⁷⁴ Ильенков Э.В. Становление личности: к итогам научного эксперимента // Коммунист. 1977. № 2. С. 69.

⁷⁵ Там же. С. 74.

Ибо разум («дух») предметно зафиксирован не в биологически заданной морфологии тела и мозга индивида, а прежде всего в продуктах его труда, и потому индивидуально воспроизводится лишь через процесс активного присвоения вещей, созданных человеком для человека, или, что то же самое, через усвоение способности этими вещами по-человечески пользоваться и распоряжаться⁷⁶.

Сформированный таким образом в освоении взаимодействия с предметами быта интеллект служит предпосылкой для усвоения речи. Этот процесс Ильенков называет вхождением ребенка в «царство человеческой культуры».

Научно-экспериментальная основа, на которую ссылался Ильенков в своих выводах, в дальнейшем была широко раскритикована⁷⁷, однако наиболее активная полемика развернулась уже после смерти философа и не могла повлиять на его концепцию. Ильенков занял, как мы видим, нишу достаточно радикального сторонника позиции «воспитания» в рассматриваемой дилемме, противопоставив свою концепцию⁷⁸, в частности, позиции функционалистского редуccionизма Д.И. Дубровского, отстаивавшего, скорее, сторону «природы», который, полемизируя с Ильенковым и его сторонниками⁷⁹, доказывал, что любые явления психики объясняются через исследования мозга, что описание нейродиномической организации головного мозга «в принципе может быть адекватно психологическому описанию личности»⁸⁰.

Таким образом, Маркс задает схему, в которой сознание формируется из социально осмысленного бытия. Бытие определяет устройство социума (в том числе трудовые и практические операции с объектами материального бытия, в которые вступает че-

⁷⁶ Ильенков Э.В. Становление личности: к итогам научного эксперимента. С. 69.

⁷⁷ См. подробнее: Пуцаев Ю.В. История и теория Загорского эксперимента. Начало (I) // Вопр. философии. 2013. № 3. С. 132–147; Пуцаев Ю.В. История и теория Загорского эксперимента: была ли фальсификация? (II) // Вопр. философии. 2013. № 10. С. 124–134.

⁷⁸ Ильенков Э.В. Психика и мозг (ответ Д.И. Дубровскому) // Вопр. философии. 1968. № 11. С. 145–155.

⁷⁹ Дубровский Д.И. Мозг и психика // Вопр. философии. 1968. № 8. С. 125–135; Дубровский Д.И. По поводу статьи Э.В. Ильенкова «Психика и мозг» // Вопр. философии. 1969. № 3. С. 142–146.

⁸⁰ Дубровский Д.И. Мозг и психика. С. 131.

ловек, – то, на чем сосредотачивается в своей теории Ильенков), а из общественного сознания путем воспитания рождается сознание индивидуальное. В то же время Маркс подчеркивает, что человек не жестко детерминирован общественным сознанием, он способен (и должен) менять общественное сознание в сторону идеала. Марксовское *Я* активно создается человеком под воздействием социальной среды. Вступая в отношения с объектами материального мира, человек осваивает связанные с ними социальные практики и смыслы, которые вкладываются людьми в эти объекты, и, расставляя акценты среди этих смыслов, конструирует себя. Однако, в отличие от социальных конструкционистов, полагающих, что индивидуальное самосознание растворяется в социальных связях, у представителей марковского подхода индивид использует социальные связи как материал, питательную среду для активного самоконструирования.

В современной философии и науках о человеке вряд ли найдутся такие мыслители, которые будут настаивать на жестком биологическом или социальном детерминизме личности. Наиболее распространена позиция, учитывающая обе стороны: так, Е.А. Никитина отмечает, что в человеке заложена «генетическая программа», предполагающая, что «специфически человеческое поведение будет сформировано социальным путем – путем воспитания, научения в процессе социализации, т. е. постепенного включения ребенка в жизнь общества. При рождении ребенок не обладает сознанием и готовыми способами предметно-практической деятельности, от природы человек не бывает тем, кем он станет»⁸¹. Ребенок представляет собой изначально лишь человеческой организм, способный к усвоению данной программы, но, утверждает Никитина, «запуститься» эта программа может только в обществе других людей: сознательным существом человек становится лишь в обществе, через усвоение языка, логики, стереотипов и норм поведения и т. д.

Тем не менее в некоторых радикальных вариантах социального конструктивизма и конструкционизма можно обнаружить представления об исключительно социальном происхождении любого знания, в том числе и знания о себе в виде самосознания.

⁸¹ Никитина Е.А. В поисках утраченного единства сознания: исчезло ли Я? // Вест. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2009. № 5. С. 38.

Это утверждение о социальной сконструированности самосознания, как правило, влечет за собой утверждение об искусственности самого понятия самосознания, и возникают представления о том, что *Я* является случайно возникшим культурным продуктом, отсутствующим за пределами социальной реальности.

2.4. *Я* как иллюзия или отсутствующее *Я*

Вслед за утверждением о том, что *Я* является социальной конструкцией, конструкционисты делают следующий шаг в критике существующих представлений о существовании целостной личности и *Я*. Они предполагают, что *Я* как некое постоянное единство самосознания отсутствует вовсе или является иллюзией. Если для классической философии наличие *Я* считалось несомненным, а само *Я* представлялось абсолютно простой и самоочевидной данностью⁸², то социальный конструкционизм следует той традиции, которая была начата Д. Юмом и Э. Махом и поддержана уже в XX в. мыслителями постмодерна: никакого единого *Я* не существует, *Я* – лишь временное сочетание временных же элементов.

«Отсутствие» *Я* у Юма и Маха, разумеется, аргументируется иначе, нежели у постмодернистов и социальных конструкционистов. В нововременном эмпиризме *Я*, как и все прочее содержание нашего сознания, рассматривается исключительно как продукт нашего опыта (в противовес рационалистской концепции *Я* как «врожденной идеи»). Однако, определяя опыт как нечто текучее и изменчивое, некоторые представители эмпиризма полагают, что из этого потока не удастся вычленить такого постоянства, которое можно было бы назвать *Я*.

Сенсуалист Дэвид Юм, рассматривая впечатления опыта как источник нашего знания, критически относится к идее постоянства личности и к самой идее *Я*. Все идеи, утверждает Юм, рождаются от впечатлений. Однако от какого же впечатления могло бы возникнуть *Я*? Такого цельного и неизменного впечатления не существует, полагает он, и, следовательно, не существует и идеи *Я*. Личности же, пишет Юм, «суть не что иное, как связка или пучок

⁸² Лекторский В.А. *Я* // Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001. С. 173–184.

(bundle or collection) различных восприятий, следующих друг за другом с непостижимой быстротой и находящихся в постоянном течении, в постоянном движении»⁸³. Таким образом, у Юма *Я* сиюминутно, оно не врожденно и не становится, это некий текущий поток восприятий, который мы лишь ошибочно можем принять за нечто постоянное.

Позицию Юма относительно *Я* как «пучка восприятий» отчасти разделяет Эрнст Мах. У Маха «Я не есть неизменная, определенная и резко ограниченная единица»⁸⁴, оно образуется из элементарных ощущений и является временным, преходящим. Постоянства *Я* не существует, это просто связь элементов, однако эта связь крепче, чем во многих других комплексах ощущений, отсюда и видимость постоянства: «Стоит рассматривать наше *Я* только как некоторую *практическую*»⁸⁵ единицу в пределах временного ориентирующего исследования, стоит смотреть на него как на *теснее* связанную группу элементов, лишь *слабее* связанную с другими группами этого рода»⁸⁶. С точки зрения Маха, *Я* подвержено постоянным изменениям, а в некоторые моменты и вовсе может отсутствовать. Невозможность выйти за рамки психического переживания, которое отнесено к определенному субъекту, по его мнению, не является доказательством единства сознания. Невозможность отказаться от *Я*, непостижимость факта отсутствия постоянного *Я*, на которую ссылаются многие, представляет собой, как утверждает Мах, не более чем демонстрацию силы привычки.

Таким образом, у Маха *Я* как самостоятельная сущность не существует, но является частью мира, комплексом ощущений, аналогичных ощущениям от внешних объектов. В то же время он высказывает интересную идею, отмечая, что содержание этого псевдо-*Я* не ограничено индивидуумом, «и после смерти последнего оно сохраняется в *других* до самых незначительных и немаловажных личных воспоминаний. Элементы сознания одного индивидуума между собою тесно связаны, но с элементами сознания другого индивидуума связаны слабо, и только иногда эта связь заметна.

⁸³ Юм Д. Трактат о человеческой природе // Юм Д. Соч.: в 2 т. Т. 1. М., 1996. С. 298.

⁸⁴ Мах Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому. М., 2005. С. 65.

⁸⁵ Здесь и далее в цитатах: курсив Э. Маха.

⁸⁶ Там же. С. 68.

Вот почему каждый думает, что он знает только себя, считая себя неделимой единицей, не зависимой от других. Но содержания сознания общего характера ломают эти перегородки индивидуума и, конечно, в связи с индивидуумами, но независимо от личности, в которой они развились, ведут жизнь более общую, *жизнь безличную* или *сверхличную*⁸⁷. Это высказывание можно интерпретировать таким образом, что элементы одного Я частично сохраняются в других Я и должны полагаться не индивидуальным, но общим достоянием, неразрывно связанным с социумом. Итак, маховское Я не является врожденным, но его и нельзя назвать сконструированным, поскольку у Маха это не более чем гипотеза некоего психического единства субъекта, используемая для практического удобства. В идее Маха о том, что связь элементарных ощущений, которую у него представляет собой Я, оказывается выходящей за пределы индивидуума в социум, мы можем проследить некоторое пересечение с идеями социального конструкционизма.

Представления об иллюзорности Я характерны также для восточных культур – прежде всего, буддистского и ведического типа. Так, к примеру, в одной из классических индуистских даршан-школ ньяя утверждается существование чистого Я, общего для всех индивидов. Индивидуальное Я в отличие от вечного чистого Я, которое не имеет ни начала, ни конца, есть нечто развивающееся, растущее, имеющее историю, следовательно, преходящее. Оно складывается исторически, в зависимости от различных идеалов и верований, дающих чистому Я определенную конкретизацию в данном индивидуальном Я. Ньяя делает большой упор на влияние окружающей среды на формирование души отдельного человека, что близко конструкционистской идее о социокультурном влиянии, которое постоянно испытывает Я. Индивидуализация Я происходит из-за отношений в земной жизни, в которые вступают отдельные души, в основе же все равно лежит чистое сознание.

В буддизме утверждается, что все, что мы привыкли считать Я, – на самом деле, только цепь пустых видимостей, а наша привязанность к ним приносит лишь страдания. Соединение всех элементов в человеке беспрестанно меняется. Будда спрашивает, если наше Я постоянно меняется, то для какого же Я мы желаем вечности? Предположение о существовании индивидуального

⁸⁷ Мах Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому. С. 65.

Я – наше заблуждение. *Я* представляет лишь пучок сиюминутных восприятий (подобно юмовским или маховским представлениям, рассмотренным выше), лишь иллюзию, и потому о его вечности и бессмертии говорить бессмысленно. Подобное ложное чувство *Я* и является, тем не менее, опорой для индивидуальной личности. Чувство «эгоизма» (т. е. ощущения *Я*) ограничивает индивида, ведет к его неведению, заставляет его обособливаться от общего мирового порядка, и в этом причина нашего страдания. Страдание можно уничтожить, только поборов причину неведения, которая есть индивидуальность. Первая из пут, привязывающих человека к земле и несущих ему страдание, – это заблуждение, будто существует личное *Я*. С точки зрения Будды, если отбросить иллюзию постоянства структуры *Я*, можно вырваться из бесконечной цепи перерождений, освободиться от колеса сансары и достичь нирваны⁸⁸.

Таким образом, *Я* рассматривается в восточных культурах как нечто, от чего нужно отказаться, поскольку оно мешает человеку постичь подлинное бытие, слиться с миром. *Я* у буддиста – это не более чем вредная иллюзия, которая заставляет меня думать, будто я существую отдельно от мира, представляю из себя некую самостоятельную инстанцию, хотя на самом деле я един с миром. Для культурологических исследований восточных представлений о самосознании и личности характерны громкие заявления об отсутствии индивидуальных *Я* в этих культурах. Показательным является, например, название статьи известного искусствоведа-япониста Е.С. Штейнера «О личности в Японии и Китае, хотя, строго говоря, в Японии и Китае личности не было»⁸⁹. Такое утверждение кажется провоцирующим и пугающим. Воображение человека, привыкшего к западной «субъектоцентристской» культуре, сталкиваясь с утверждением о том, что у представителя восточных культур отсутствует индивидуальное *Я* или отсутствует личность, рисует коллективистское тоталитарное общество, больше всего похожее на муравейник, в котором каждая отдельная личность (поскольку у нее нет своего *Я*) не имеет ни ценности, ни смысла. Такая картина несет в себе большую опасность, поскольку человек, у

⁸⁸ Степаняну М.Т. Восточная философия. М., 1997.

⁸⁹ Штейнер Е.С. О личности в Японии и Китае, хотя, строго говоря, в Японии и Китае личности не было // Одиссей. Человек в истории. М., 1990. С. 38–47.

которого якобы отсутствует *Я*, представляется человеку западной культуры не-человеком или не совсем человеком, и, следовательно, возникает нравственная возможность относиться к нему не как к человеку, игнорируя его неотъемлемые человеческие права. Однако у конструкционистов таких опасений не возникает. Напротив, с их точки зрения, вера в свое индивидуальное *Я* несет опасность распространения «идеологии индивидуализма» (по выражению К. Гергена)⁹⁰, отказ же от концепции *Я*, напротив, будет полезен.

Идея распадающегося *Я* приобретает новое звучание в философии XX в. В рамках постмодернистского дискурса возникает ряд концепций, рассматривающих *Я* как децентрализованную, диалогическую и полифоническую нарративную конструкцию. Данные концепции пытаются доказать, что автор жизненных историй (нарративов), в качестве которого и рассматривается *Я*, отсутствует или же не имеет власти над создаваемыми нарративами: об этом говорят концепции «смерти субъекта»⁹¹ и «смерти автора»⁹², утверждающие потерю человеком ответственности за «авторство» своего *Я*, своих поступков и своего опыта, а также концепция «шизоанализа»⁹³, представляющая человека как существо, полностью подчиненное своему бессознательному и своим желаниям, и поэтому обладающее децентрированной самостью, подобной шизофренической. Следует заметить, что работы постмодернистов (в первую очередь – Мишеля Фуко⁹⁴ и Жака Деррида⁹⁵) оказали существенное влияние на социальный конструкционизм.

Рассмотренные в этом разделе подходы, декларирующие исчезновение *Я*, как мы видим, обесценивают само понятие *Я*, которое в эмпиристских концепциях растворяется в потоке восприятия, а в постмодернизме – в нарративах, дискурсах, бессознательном и т. д.

⁹⁰ Джерджен К.Дж. Место психики в сконструированном мире // Социальная психология: саморефлексия маргинальности. М., 1995. С. 48–73.

⁹¹ Фуко М. Что такое автор? // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1994. С. 9–46; Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994.

⁹² Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избр. работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 384–391.

⁹³ Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург, 2007.

⁹⁴ Фуко М. Археология знания. СПб., 2004; Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1994 и др.

⁹⁵ Деррида Ж. О грамматологии. М., 2000.

В лучшем случае *Я* представляется временной и иллюзорной конструкцией, элементы которой соединены случайным образом. Эти позиции оказываются близки радикальным версиям социального конструкционизма, хотя и исходят из других основоположений.

2.5. Идентичность

Критикуя понятие *Я*, социальные конструкционисты фактически заменяют его понятием личностной идентичности, рассматривая и идентичность как временную и неустойчивую конструкцию. Понятие личностной идентичности, получившее распространение (хотя и в различном смысле) в социальном конструкционизме и в аналитической философии сознания, впервые начал отдельно обсуждать еще один представитель классического эмпиризма – Джон Локк. Локк разделяет «тождество человека» и «тождество личности» (личностная идентичность)⁹⁶. Тождество человека у него – это «участие в одной и той же постоянной жизни непрерывно сменяющихся частиц материи, которые одна за другой органически соединяются с одним и тем же организмом»⁹⁷. Тождество человека, подчеркивает философ, не может сводиться только к тождеству души, иначе разные люди с различными характерами и жившие в разные эпохи, могли бы являться одним и тем же человеком, если бы душа и материя никак не были бы связаны. Далее Локк определяет личность как «разумное мыслящее существо, которое имеет разум и рефлексию и может рассматривать себя как себя, как то же самое мыслящее существо, в разное время и в различных местах только благодаря тому сознанию, которое неотделимо от мышления...»⁹⁸. Сознание, пишет Локк, является залогом тождества личности, поскольку, будучи направлено назад к предыдущим действиям и мыслям человека, оно показывает, что речь идет об одном и том же *Я*. Таким образом, основным критерием тождества личности у Локка является память о прошлых мыслях и действиях. Однако память обо всех событиях нашей жизни сразу никогда не сопровождает наше сознание, мы можем вспоминать только

⁹⁶ Здесь мы различным образом переводим *personal identity*, переводя его в данном контексте в первую очередь как «тождество личности», чтобы прояснить позицию Локка.

⁹⁷ Локк Д. Опыт о человеческом разумении. С. 384.

⁹⁸ Там же С. 387.

один или несколько фактов из своей жизни в отдельно взятый момент времени или же вовсе оставаться погруженными лишь в мысли о настоящем. Так что в каждый момент времени мы можем иметь дело с иной субстанцией, однако по Локку это не имеет отношения к тождеству личности, которое, как уже было сказано выше, обеспечивается тем, что его сознание остается единым и способно как распространяться на прошлые события, так и планировать будущие. При материальных изменениях (допустим, человек потерял руку) изменения в тождестве личности не происходят. Также, с точки зрения Локка, не приводят к нарушению тождества личности и изменения нематериальной субстанции: неважно, какую духовную субстанцию представляет мое самосознание в каждый момент времени, главное, что все действия, которые когда-либо были приписаны самосознанием себе, уже останутся принадлежащими ему. Тождество личности состоит не в тождестве субстанции, а в тождестве сознания. «Одну и ту же личность образует не одна и та же субстанция, а одно и то же непрерывное сознание, с которым могут соединяться и снова расставаться различные субстанции, составлявшие часть этой самой личности все время, пока они оставались в жизненном единении с тем, в чем тогда обитало это сознание»⁹⁹.

Таким образом, если личность по Локку является результатом опыта и вне его возникнуть не может, то залогом тождества личности является совокупность индивидуального опыта, зафиксированная в памяти, – этот индивидуальный опыт у Локка аккумулируется в непрерывном сознании.

На определенном этапе развития аналитической философии сознания, тема «тождества личности» становится одной из основных. В центре данных обсуждений лежат работы Б. Уильямса¹⁰⁰, Д. Парфита¹⁰¹, С. Шумейкера¹⁰², Э. Куинтона¹⁰³, Дж. Перри¹⁰⁴,

⁹⁹ Локк Д. Опыт о человеческом разумении. С. 399.

¹⁰⁰ Williams B. Personal Identity and Individuation // Proceedings of the Aristotelian Society. 1957. No. 67. P. 229–252.

¹⁰¹ Parfit D. Personal Identity // Philosophical Review. Vol. 80. 1971. P. 3–27; Reasons and Persons. Oxford, 1984.

¹⁰² Shoemaker S. Self-Knowledge and Self-Identity. L., 1963; Personal Identity. Oxford, 1984.

¹⁰³ Quinton A. The Soul // The Journal of Philosophy. 1962. Vol. 59. No. 15. P. 393–409.

¹⁰⁴ Perry J. A Dialogue on Personal Identity and Immortality. Indianapolis, 1978; Personal Identity (Ed.). Berkeley; Los Angeles, 1975.

П. Грайса¹⁰⁵ и др. Рассматривая локковский аргумент в защиту памяти как основы данного тождества, эти философы подразделяются на два лагеря – сторонников критерия памяти как основного для персональной идентичности (Куинтон, Грайс, Шумейкер, Перри) и его противников (Уильямс, Парфит). Два основных критерия идентичности, которые рассматриваются аналитическими философами, – это телесный критерий и критерий памяти (так называемые телесный и психологический подходы). Первый утверждает, что тождество личности связано с постоянством нашего тела, второй, что личность – это прежде всего совокупность воспоминаний.

Если для Локка и аналитиков проблема «тождества личности» сводится именно к вопросу о том, что именно мы можем считать критерием постоянства нашего сознания и личности, принадлежности разных состояний сознания одному и тому же индивиду, то проблема идентичности в социальном конструкционизме приобретает совершенно другое звучание. Здесь возникает некоторая терминологическая трудность, в особенности при переводе англоязычных текстов на русский язык. Используемый Локком и аналитиками термин «personal identity», который мы переводили как «тождество личности» также используется и социальными конструкционистами, хотя они, как правило, опускают предикат «personal», используя просто слово «identity», обычно в сочетании с другими предикатами, говоря, таким образом, о «политической/профессиональной/гендерной и т. д.» идентичностях. Если в аналитическом контексте под «идентичностью» понимается именно непосредственное совпадение личности/сознания с самой собой, то в социально-конструкционистском подходе (как и в контексте социально-политических наук и психологии, где понятие идентичности получило весьма широкое распространение) речь идет скорее об *ассоциации* личности с различными «внешними» обстоятельствами – социальными и гендерными ролями, профессией, этническими, политическими и культурными ценностями и т. д. Социальный конструкционизм склонен говорить не об идентичности, а об идентичностях, т. е. о множестве подобных *ассоциаций*, которые возникают у индивида в его социальной жизни.

¹⁰⁵ Grice H.P. Personal Identity // Mind. 1941. No. 50. P. 330–350.

Еще одна сложность заключается в том, что «идентичность» (или «тождество») – понятие, представляющее собой *отношение* между двумя или более объектами (к примеру, отношение совпадения), во множестве контекстов субстантивируется и само становится определенного рода объектом. В таком случае мы говорим уже об идентичности не как об отдельном отношении, а как о некоем узле, связывающем множество этих отношений воедино в одной личности.

Итак, в социальном конструкционизме речь обычно идет о множественных идентичностях, каждая из которых является той или иной социальной связью, отраженной в самосознании индивида. Иногда вместо понятий «идентичности» или «идентификации» используется понятие «позиции»¹⁰⁶. «Личность может быть описана суммой позиций, которые субъект в каждый момент занимает в дискурсе. Тот факт, что некоторые из этих позиций мимолетны или текучи, означает, что наша идентичность никогда не зафиксирована, но всегда находится в процессе, всегда открыта изменениям... Наши субъектные позиции не только ограничивают и придают форму тому, что мы делаем, они принимаются как часть нашей психологии, так что они обеспечивают нас чувством *Я*, идеями и метафорами, с помощью которых мы мыслим, и *Я*-нарративами, с помощью которых мы, как правило, говорим и думаем о себе»¹⁰⁷. Идентичности «приобретаются» всякий раз, когда я отношу себя к некоей социальной общности и, как правило, обретение идентичности следует за определенным выбором. Даже когда некая идентичность на первый взгляд жестко детерминирована внешними обстоятельствами, остается «пространство для маневра» (к примеру, половая идентичность, казалось бы, однозначно биологически предопределена, тем не менее, возможна трансгендерная идентичность и т. п.), т. е. любая идентичность может быть подвержена деконструкции и реконструкции.

Однако там, где одни социальные конструкционисты (в частности, этому вопросу уделяет много внимания феминистская традиция исследований) детально рассматривают проблемы процесса обретения, конструирования и трансформации идентичностей,

¹⁰⁶ Davies B., Harré R. Positioning: the discursive production of selves // Journal for the Theory of Social Behaviour. 1990. 20(1). P. 43–63.

¹⁰⁷ Burr V. Op. cit. P. 105.

конфликтных идентичностей и т. д., другие – к примеру, К. Герген – критикуют понятие идентичности вслед за понятием Я. Герген утверждает, что акцент на идентичности идет из традиции психологического эссенциализма, против которой он выступает. «Эта же традиция, – пишет Герген, – дает индивиду многочисленные и безотказные причины для сохранения персональной идентичности. Иметь идентичность – значит, иметь право претендовать на внутреннюю жизнь: на свои причины и мнения, на экзистенциально определяющие мотивы, личные чувства и ядерные черты. Нехватка подобных психологических ресурсов была бы эквивалентна распаду идентичности. Жизнь без разума, эмоций, морали, намерений и т. п. была бы пустой и лишеной смысла для человека, так что, вероятно, подобное существование ему незачем было бы продолжать»¹⁰⁸. Однако, по Гергену, мы не должны пытаться объяснять и понимать себя через отсылку к своему внутреннему миру, мотивам или аттитюдам, мы – коллективные, социальные существа, то, что мы называем нашим Я и нашей идентичностью, лежит не у нас в головах, а во внешнем мире наших коммуникативных действий. С точки зрения Гергена, «чем раньше мы утратим идентичность, тем скорее мы будем готовы вступить в реальность, обладающую гораздо более богатым потенциалом»¹⁰⁹. Но что это означает, помимо провокационной декларации, направленной против классических представлений о субъекте, и в какую реальность мешает вступить идентичность – об этом Герген умалчивает.

Идентичности в социальном конструкционизме конструируются и проявляются в коммуникативных актах, любая идентификация это акт категоризации, приписывания себя к той или иной общности людей, находящейся в рамках определенного дискурса. Идентичности выбираются из предлагаемых конкретным дискурсом категорий и, как следствие, имеют языковую природу. Чтобы двигаться дальше, следует, таким образом, перейти к рассмотрению роли языка в социальном конструировании сознания.

¹⁰⁸ Джерджен К. Дж. Технология и Я: от сущностного к возвышенному // Джерджен К. Дж. Социальный конструкционизм: знание и практика. Минск, 2003. С. 91–92.

¹⁰⁹ Там же. С. 105.

2.6. Роль языка в конструировании сознания

Когда конструкционисты пишут о социальных связях и взаимодействиях, лежащих в основе социального конструирования вещей и явлений, они имеют в виду в первую очередь не совместную практику (как это могло бы рассматриваться в марксистских концепциях), не деятельность, а именно языковое взаимодействие. «Социальные интеракции» в понимании конструкционистов – это, в первую очередь, вербально опосредованные коммуникации. Понимание сознания и самосознания в работах конструкционистов окружено «языковыми» или «текстуальными» понятиями – «дискурс», «нарратив», «контекст», «диалог», «речевой жанр», «метафора», «голос» и т. д. Они следуют за постструктуралистами, в представлениях которых язык возникает раньше личности, а личность конструируется им. Как отмечает В. Берр, описывая конструкционистский подход, «все объекты нашего сознания, любая “вещь” о которой мы думаем или говорим, включая наши идентичности, наши Я, конструируется с помощью языка, производится из дискурсов. Ничто не обладает никаким сущностным независимым существованием за пределами языка; дискурс – это единственное, что существует...»¹¹⁰.

Таким образом, одной из важнейших в социальном конструкционизме становится тема влияния языка и процессов коммуникации на познание реальности и на конструирование самосознания. Язык выступает как главный инструмент трансляции социокультурных процессов, в призме которых познание и сознание преломляются особым образом. На понимание роли языка в социальном конструкционизме повлияли как постструктуралистские и постмодернистские работы на эту тему, так и культурно-историческая психология Льва Выготского¹¹¹, концепция «языковых игр» Людвиг Витгенштейна¹¹², гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа¹¹³ и философия диалога Михаила Бахтина, в частности, его идея «полифонического романа» и рассмотрение проблемы речевых жанров.

¹¹⁰ Burr V. Op. cit. P. 105.

¹¹¹ Выготский Л.С. Мышление и речь // Психология развития человека. М., 2005 и др.

¹¹² Витгенштейн Л. Философские исследования.

¹¹³ Whorf B.L. Language, thought and reality: Selected writings of Benjamin Lee Whorf. N.Y., 1956.

Харре отмечает, что в «дискурсивной» версии психологии, которую конструкционисты противопоставляют когнитивной и прочим «естественнонаучным» вариантам психологии, любые потоки действий и взаимодействий между людьми, каждое из которых нечто означает, «...будут пониматься как осмысленные только в процессе проживания нарративов, сюжетов, широко известных в данной культуре. Внутри этой общей схемы речевое общение является наиболее удобной, но не единственной моделью для анализа таких потоков действий. Принимая данную исследовательскую программу, ученые склонны считать все, что люди делают коллективно и индивидуально, приватно и публично, некоей разновидностью речевого общения, состоящего из нечто обозначающих актов обмена, ограниченной локальной системой правил и конвенций. Язык может играть различные роли. Мы используем слова для того, чтобы отдавать приказы, приносить извинения, произносить приглашения, выражать наши надежды и страхи точно так же, как и описания и объяснения событий в окружающем нас мире»¹¹⁴. Для конструкционизма важно, что язык несет не только описательную функцию, но и побуждает к действию: связь дискурса и соответствующей ему социальной практики – одно из важнейших положений социального конструкционизма.

Следует отметить, что важную роль языку в функционировании сознания отводят и представители совсем других подходов, в частности, Т.В. Черниговская отмечает, что «вербальный язык “объективизирует” индивидуальный опыт, обеспечивая описание мира и коммуникацию. Это значит, что именно и только язык, будучи культурным феноменом, хотя и базирующимся на генетически обусловленных алгоритмах, соединяет объекты внешнего мира с нейрофизиологическими феноменами, используя конвенциональные семиотические механизмы»¹¹⁵, т. е. «посредником» между воспринимаемым миром и нейрофизиологическими феноменами, изучаемыми когнитивными и нейронауками, служит, опять-таки, естественный язык.

Связь проблемы самосознания и языка понимается разными представителями социального конструкционизма по-разному. Например, Харре утверждает¹¹⁶, что фундаментальная ошибка отно-

¹¹⁴ Харре Р. Гибридная психология: союз дискурс-анализа с нейронаукой. С. 44.

¹¹⁵ Черниговская Т. Указ. соч. С. 91.

¹¹⁶ Harré R. Personal Being: A Theory for Individual Psychology. Cambridge, 1984; Language games and the texts of identity // Texts of Identity. L., 1989. P. 20–35.

сительно существования *Я* связана с грамматической структурой языка. Европейские языки построены таким образом, что у нас возникает ощущение, что выражения типа «это стол» и «это я» – выражения одинакового типа, указывающие на объекты одного порядка. Выражение «это стол» указывает на реальный объект в мире – стол, и мы полагаем, по аналогии, что *Я* должно представлять собой такой же реальный объект. Само наличие слова «я» заставляет нас думать о нем и, как следствие, о нас самих как об автономных и независимых сущностях, каждая из которых представлена единым и целостным *Я*. Харре отмечает, что ситуация усложняется тем, что у нас есть разные слова такие как «я», «мне», «душа», «бессознательное» и т. д. И нам начинает казаться, что раз у нас есть такие слова, то эти понятия существуют как самостоятельные объекты. Феномены человеческой жизни могут объясняться по Харре с помощью физиологии и лингвистических практик, без привлечения «психологических» аспектов. Тем не менее он не отрицает существование *Я* как психологического феномена, он лишь считает, что *Я* не имеет до-языкового существования, которое могло бы в дальнейшем оказывать влияние на наш опыт¹¹⁷. Таким образом, можно сделать вывод, что понимание самосознания будет различным в разных культурах в зависимости от языка – там, где местоимение первого лица отсутствует, понимание самосознания будет иным.

Сходную позицию высказывает И.Ф. Михайлов, подчеркивая, что слово *Я* имеет чисто грамматическую природу, а не указывает на какую-либо объективную сущность, оно лишь «помогает выстроить коммуникативную ситуацию»¹¹⁸.

Харре указывает, что понятие *Я* тесно связано с понятием автономного агента, прежде всего – морального.

Еще более пристальное рассмотрение наших разговоров покажет исследователю, что *Я* и в других языках – форма первого лица, используется для обозначения морального акта, акта принятия на себя обязательства по отношению к содержанию высказывания в соответствующей моральной вселенной... В тех обществах, которые признают автономию, индивид является в первую очередь моральным феноменом... «Я» – это слово, иг-

¹¹⁷ Burr V. Op. cit.

¹¹⁸ Михайлов И.Ф. Человек, сознание, сети. М., 2015. С. 71.

рающее определенную роль в разговоре, не референциальную роль, но и разговор, в котором это слово доминирует, не является дескриптивным описанием фактов. Использование первого лица предполагает форму жизни, моральное сообщество, а не некий скрытый внутренний когнитивный механизм¹¹⁹.

Однако, указав на такой исключительно грамматический характер *Я*, Харре делает вывод: как понятие гравитации является удобным для создания определенных схем описания мира в независимости от того, реальна сама гравитация или нет, так и понятие *Я*, даже если оно является фиктивным, может быть полезным.

Этот вывод, кажущийся достаточно очевидным, тем не менее, разделяется не всеми социальными конструкционистами, например, К. Герген, как мы отмечали выше, не просто предлагает говорить об идентичности вместо *Я*, но и предлагает поскорее избавиться от идентичности. Как и у постмодернистов, о которых упоминалось выше, у Гергена *Я* распадается, становится «перенасыщенным» (saturated) за счет множества доступных ему социальных сценариев и возможностей, однако каждая из этих возможностей оказывается неустойчивой и в итоге исчезает тот центр, который и представляет из себя *Я*¹²⁰. Харре, в свою очередь, оспаривает гергеновскую позицию относительно потери центра, спрашивая, как человек вообще может счесть свое *Я* децентрированным, ведь для того, чтобы вообще полагать что-либо относительно себя, нужно иметь этот центр¹²¹. Так, построение нарратива предполагает, что он должен исходить из одного источника. Понятие нарратива, в свою очередь, играет ключевую роль в конструкционистском подходе к сознанию.

¹¹⁹ Harré R. Language games and the texts of identity // Texts of Identity. L., 1989. P. 26. Цит. по: Burr V. An Introduction to Social Constructionism. P. 88.

¹²⁰ Gergen K.G. The Saturated Self: Dilemmas of Identity in Contemporary Life. N.Y., 2002.

¹²¹ Harré R. The Singular Self. An Introduction to the Psychology of Personhood. L., Thousand Oaks, New Dehli, 1998.

2.7. Я как жизненная история

Социальные конструкционисты утверждают, что теории сознания опираются не на наблюдения, а диктуются господствующими на данный момент в обществе метафорами¹²². Если так, то главной метафорой, используемой самими конструкционистами, является метафора *Я* как *рассказчика*. Ключевыми понятиями для социального конструкционизма становятся понятия нарратива, диалога и дискурса. На основе этих понятий выросли целые отдельные направления и методологии – нарративная психология, дискурс-анализ, диалогический подход и др., однако мы сосредоточимся лишь на самих этих понятиях и на том, что они значат для понимания самосознания.

Нарратив представляет собой жизненную историю, которую *Я* может рассказывать самому себе или кому-либо другому. Миллер Мэйр формулирует основной принцип конструкционистской психологии так: «Личностные процессы психологически направляются историями, в которых эти личности живут и историями, которые они рассказывают»¹²³. В качестве нарратива может выступать отдельный биографический сюжет или вся последовательно связанная воедино автобиография. Дж.Брунер, когнитивный психолог и сторонник скорее конструктивизма, нежели социального конструкционизма, пишет, что «именно через нарратив мы создаем и воссоздаем *Я*, это *Я* является продуктом нашего рассказа, а не какой-то сущностью, за нахождением которой надо погружаться в тайники субъективности»¹²⁴.

Понятие нарратива тесно связано с биографической идентичностью, с помощью нарратива индивид может конструировать последовательное, непротиворечивое представление о своей идентичности, наделяя, в частности, случайные события своей жизни причинно-следственными связями и т. д. Благодаря нарративу становится возможным ощущение цельности индивидуального бытия. Конструкционист Теодор Р. Сарбин полагает, что структурирование нашего индивидуального опыта принимает форму нар-

¹²² Джерджен К.Дж. Место психики в сконструированном мире. С. 48–73.

¹²³ Mair M. Kelly, Bannister and a story-telling psychology// International Journal of Personal Construct Psychology. 1989. No. 2. P. 1–14.

¹²⁴ Bruner J. Making Stories: Law, Literature, Life. Cambridge, 2002. P. 85–86.

ратива и эта способность является фундаментальной для природы человека¹²⁵. Но одновременно наше построение нарратива зависит от других людей, мы должны согласовывать наши нарративы с нарративами других (затрагивающими нас), иначе они могут не иметь смысла.

Нарративное представление о *Я* вытекает из представления об идентичности, основанной на индивидуальной памяти. «Память, – пишет Берр, объясняя понятие нарратива в социальном конструкционизме, – позволяет нам посмотреть на наше прошлое поведение и прошлый опыт, отобрать из них то, что “сочетается” в некой нарративной рамке (буквально, в истории вашей жизни) и искать закономерности, повторения и так далее, которые дадут нам ощущение последовательности и согласованности. То, о чем мы думаем как о “личности”, таким образом, представляется результатом действия памяти и нашего поиска смысла и закономерностей в нашем опыте»¹²⁶. Так, согласно нарративному подходу, наше *Я* конструируется как история, для создания которой мы отбираем в материале наших воспоминаний те элементы, те события, которые кажутся нам связанными друг с другом, которые мы можем выстроить в причинно-следственные цепочки. Харре отмечает, что, объясняя причины своего поведения, мы не выявляем никаких реально существующих причинно-следственных связей между нашим текущим поступком и некими предшествующими обстоятельствами нашей жизни, на самом деле всего мы лишь конструируем нарративный отчет в соответствии с принятыми в нашей культуре правилами такого отчета¹²⁷.

Представление о *Я* как нарративе характерно не только для социального конструкционизма. Д.К. Деннет в статье «Почему каждый из нас является новеллистом»¹²⁸ высказывает точку зрения о существовании *Я* не в качестве реального, а в качестве абстрактного объекта, который он сравнивает с ньютоновским понятием «центра гравитации» – фикцией, существующей и работающей в рамках классической механики, несмотря на то, что это понятие является

¹²⁵ Sarbin T.R. The narrative as root metaphor for psychology // Narrative Psychology: The Storied Nature of Human Conduct. N.Y., 1986.

¹²⁶ Burr V. Op. cit. P. 20.

¹²⁷ Harré R. Language games and the texts of identity.

¹²⁸ Точнее было бы перевести «novellist» как «автор романов».

воображаемым. Таким же, по мнению Деннета, представляется и *Я* – оно вводится как абстракция для удобства описания различных феноменов человеческого сознания. Будучи объектом воображаемым, *Я* как бы постоянно заново проходит становление, находясь в непрерывном процессе самоконструирования, переписывания заново жизненной позиции. «Мы не в состоянии переделать уже завершившиеся и определившиеся куски нашего прошлого, но мы постоянно делаем все более определенными наши самости по мере того, как мы реагируем на способы, какими мир наносит нам удары... Все мы являемся болтливыми существами, рассказывающими и заново пересказывающими себе историю нашей собственной жизни, не обращая особого внимания на вопрос об ее истинности»¹²⁹. То есть, как полагает Деннет, *Я* формируется в ходе постоянно создаваемых нами рассказов о себе, а также рассказов о нас, создаваемых другими людьми. Для сохранения предполагаемого единства своего *Я* человек придумывает и рассказывает себе и другим различные истории, описывающие, кто он такой.

Я-нарратив увязывает все события нашей жизни в единую систему, подобную логично построенной истории, а *Я*, таким образом, является одновременно и ее героем, и ее рассказчиком. Специалист по нарратологии и теории нарратива Джеральд Принс определяет нарратив как «репрезентацию по меньшей мере двух настоящих или вымышленных событий или ситуаций в определенный промежуток времени, каждое из которых не является предпосылкой или следствием другого»¹³⁰, а Сарбин описывает нарратив как «способ организации эпизодов, действий и отчетов о действиях; это нечто, что соединяет простые факты и фантастические вымыслы...»¹³¹.

Нарратив, по мнению конструкционистов, не обязательно строится на основании только имевших место в действительности событий и фактов, здесь реальность сочетается с фантазией, причем не принципиально, в каких пропорциях они сочетаются – человек сам определяет значимость каждого из событий для внедрения его в конструкцию собственного *Я*¹³².

¹²⁹ Деннет Д.К. Почему каждый из нас является новеллистом // Вопр. философии. 2003. № 2. С. 126–127.

¹³⁰ Prince G. Narratology: The Form and Function of Narrative. Berlin, 1982. P. 4.

¹³¹ Sarbin T.R. The narrative as root metaphor for psychology. P. 9.

¹³² Ibid.

Конструкционисты утверждают, что нет «истинного» Я, но это не означает, что мы обладаем лишь некими ложными Я. На самом деле, мы попросту не должны использовать категории истинности и ложности по отношению к Я, существует множество Я (или Я-образов), и все они реальны. Когда нам кажется, что у нас есть единое, цельное Я, то это чувство поддерживается в первую очередь нашей памятью и способностью к созданию нарративов¹³³. «То, о чем мы думаем как о “личности”, таким образом, рассматривается как результат деятельности памяти и нашего поиска смысла и упорядоченности в нашем опыте»¹³⁴.

То, что мы называем нашей идентичностью, по мнению К. Гергена, «не является неожиданным таинственным событием, она разумный результат нашей жизненной истории...»¹³⁵. Так, построение нарратива является наиболее наглядной иллюстрацией конструирования самосознания. С помощью этой метафоры можно как выделить элементы конструкции, так и разложить на этапы сам процесс конструирования. Этот процесс, с одной стороны, может выглядеть управляемым и осознанным (т. е. индивид является автором этой конструкции), с другой стороны, он зависим от предписанных существующими дискурсами способов самоописания и самоотчета, а также способов объяснения тех или иных поступков. Сами иллюзорные «причинно-следственные связи» между предшествующим опытом и текущим поступком, устанавливаемые в ходе построения нарратива, зависят от принятых в обществе стереотипов. Возьмем в качестве примера следующее утверждение: «Я поступаю так, потому что вырос без отца, а в моем обществе все, кого растили только матери, поступают обычно подобным образом, стало быть, причина моего поступка заключается в том, что я рос в неполной семье». В то же время в обществе, где, допустим, отсутствует понятие «неполная семья», объяснение того же самого поступка будет совершенно иным. Таким образом, согласно конструкционистскому подходу, при конструировании Я-нарратива мы, скорее, используем готовые, предписанные обществом шаблоны, в которые «подставляем» имеющиеся у нас данные, нежели творчески изобретаем некую новую, раньше никем не слышанную историю.

¹³³ Burr V. Op. cit.

¹³⁴ Ibid. P. 20.

¹³⁵ Gergen K.J. Realities and Relationships: Soundings in Social Constructionism. Cambridge, 1994. P. 187.

2.8. Диалогическое Я

Диалог выступает как необходимая составляющая нарратива. Даже если нарратив проявляется в форме монологичного и направленного «вовнутрь» высказывания (я конструирую свою автобиографию для самого себя), на самом деле оно предполагает слушателя, к которому этот монолог обращен, а значит, и возможность диалога. В построение жизненного нарратива индивид может, к примеру, спрашивать себя: «А зачем же я это тогда сделал?» или: «Почему с возрастом я стал таким человеком?», конструируя подобным образом отчет перед самим собой.

Я всегда появляется в диалоге, там, где есть противопоставление *Я* и Другого, т. е. *Я* появляется как реакция на стимул извне. Большое влияние на конструкционистское понимание диалогичности *Я* оказала философия М.М. Бахтина. Бахтин утверждает, что «быть – значит общаться диалогически. Когда диалог кончается, все кончается. <...> Два голоса – минимум жизни, минимум бытия»¹³⁶. Язык, согласно Бахтину, всегда нуждается в адресате, коммуникативная функция языка является главной. По сути, высказывания без адресата не бывает, даже если адресат при этом молча воспринимает высказывание или физически отсутствует (как, например, в молитве, когда высказывание адресовано Богу). Даже при таком, пассивном, на первый взгляд, участии, адресат оказывает воздействие на автора высказывания и, соответственно, на жанр и особенности самого высказывания, т. е. адресат всегда является активным участником речевой коммуникации, а высказывание всегда интенционально, оно, как пишет Бахтин, всегда возможно только через «обращенность» к кому-то. Помимо этого, любое высказывание диалогично, оно существует только в полемике с другими. Даже если речь идет о сложном высказывании вроде научного трактата, все равно предполагается диалог – с другими научными теориями, с другими учеными¹³⁷. Таким образом, сознание никогда не замкнуто, оно всегда предполагает возможность диалога, возможность наличия собеседника. Следуя Бахтину, ряд конструкционистов подчеркивает, что диалог может происходить

¹³⁶ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972. С. 434.

¹³⁷ Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 237–280.

внутри самого Я. Губерт Херманс считает, что важны не только диалогические отношения между индивидами, группами и культурами, но также отношения между различными Я-позициями одной и той же личности, причем первые не могут существовать отдельно от вторых. Описывая структуру Я, Херманс использует представление о полифоническом романе, также идущее от Бахтина¹³⁸. Идею полифонического романа Херманс, Кемпен и ван Лоон¹³⁹ предлагают в качестве метафоры Я, которое у них обладает возможностью воображаемо занимать различные позиции и диалогически общаться с другими своими позициями.

Идея диалогичности Я развивается конструкционистом Дж. Шоттером. Он полагает, что «монологические» представления о Я, характерные для классической философии, в частности для картезианства, сосредоточенные на ментальных состояниях «внутри» индивида, постепенно отодвигаются на второй план диалогическими концепциями самосознания¹⁴⁰. Это противопоставление «монологичного» и «диалогичного» понимания Я также идет от Бахтина. Бахтин отмечает¹⁴¹, что в диалоге слушающий сразу же принимает некую «ответную» позицию по отношению к говорящему, стоит ему только воспринять (и понять) значение речи, иногда буквально с первого слова, он уже формирует свое отношение к высказыванию (согласие, возражение, отрицание и т. д.). Бахтин называет такую позицию слушающего активно-ответным пониманием. На эту же позицию нацелен и говорящий – «он ждет не пассивного понимания, так сказать, только дублирующего его мысль в чужой голове, но ответа, согласия, сочувствия, возражения, исполнения и т.д. (разные речевые жанры предполагают разные целевые установки, речевые замыслы говорящих или пишущих)»¹⁴².

Шоттер полагает, опираясь на бахтинский анализ поэтики Достоевского, что «индивидуальное сознание работает не столько в форме мыслей, сколько в форме голосов, в форме множества или

¹³⁸ Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского.

¹³⁹ Hermans H.J.M., Kempen H.J.G., van Loon R.J.P. The dialogical self: Beyond individualism and rationalism. *American Psychologist*. 1992. No. 47. P. 23–33.

¹⁴⁰ Shotter J. Life inside dialogically structured mentalities: Bakhtin's and Voloshinov's account of our mental activities as out in the world between us // *The Plural Self: Polypsychic Perspectives*. L., 1999. P. 71–92.

¹⁴¹ Бахтин М.М. Проблема речевых жанров.

¹⁴² Там же. С. 260.

полифонии голосов, каждый из которых обладает уникальной позицией в существовании, каждый по отдельности способен видеть вещи, невидимые для остальных, и таким образом, каждый способен сказать другим нечто важное. И, таким образом, мышление – это процесс ответа на вопросы, обнаружение смыслов в получении возможных ответов на них и т. д. И во всем этом фокус сосредоточен на единственном некогда-происходящем случае бытия, в котором все эти голоса могут встретиться и вступить в живой диалогический контакт друг с другом»¹⁴³.

Свою версию социального конструкционизма Шоттер называет «риторико-респонсивной»¹⁴⁴. Ее специфика заключается в мысли, что в непосредственной речевой практике мы не пытаемся постичь «внутренние идеи», скрывающиеся за речью собеседника, которые, предположительно, он вкладывает в свои слова, а затем отвечаем на них. На самом деле понимание не дается нам непосредственно, но обсуждается и вырабатывается в диалоге и, следовательно, социально конструируется. Вместо того чтобы вкладывать идеи в свои слова, утверждает Шоттер, люди отвечают на реплики друг друга и пытаются связать свою практическую деятельность с окружающими их другими людьми, и в этой попытке координирования их деятельности они конструируют те или иные живые социальные взаимоотношения. И само содержание нашей внутренней жизни, по Шоттеру, содержится не «внутри» нас как индивидов, а «внутри» нашего способа проживания жизни. Организуя наш опыт центр, таким образом, находится вовне нас, в наших социальных отношениях. Вслед за Бахтиным он утверждает, что «обратная связь» является важнейшей в речевых взаимоотношениях, что речь всегда направлена на собеседника (пусть даже воображаемого) и предполагает ответ.

У Шоттера центральную арену исследований социального конструкционизма составляет «продолжительный, непрерывный поток переплетенных между собой языковых интеракций между людьми в их спонтанных взаимодействиях друг с другом»¹⁴⁵. Цен-

¹⁴³ *Shotter J.* Life inside dialogically structured mentalities: Bakhtin's and Voloshinov's account of our mental activities as out in the world between us. P. 77.

¹⁴⁴ «Респонсивность» здесь это отсылка к бахтинской «ответности».

¹⁴⁵ *Shotter J.* The social construction of our "inner" lives // *Journal of Constructivist Psychology.* 1997. No. 10(1). P. 8.

тральным понятием его работ становится понятие «социальной подотчетности» (*social accountability*), под которым он подразумевает тот «факт, что мы должны говорить только определенным уже установленным способом, с тем, чтобы отвечать требованиям, налагаемым на нас необходимостью поддерживать статус ответственных членов нашего общества. Данное долженствование является моральным долженствованием»¹⁴⁶. Мы «социально» обязаны, утверждает Шоттер, описывать себя и мир таким образом, который будет понятен и доступен другим. Мы описываем свой опыт так, как от нас ожидают другие, а не так, как мы его испытываем, то же касается и опыта нашей внутренней жизни. «Социальная подотчетность» является также и причиной, по которой мы считаем, что «внутри» нас существует некое «Я»¹⁴⁷. У Шоттера наше самосознание находится не «внутри» нас, оно проявляется в коммуникативных практиках, рождаясь в каждый момент нашего диалогического взаимодействия с Другим, содержание нашей «внутренней» жизни проявляется в наших способах «проживания» жизни – в наших ответах, на происходящее вокруг нас¹⁴⁸. Другой конструкционист М. Биллинг утверждает, что «люди общаются не потому, что у них есть внутренние мысли, которые они хотят выразить, напротив, у них есть внутренние мысли, которые могут быть выражены, потому что они способны общаться»¹⁴⁹. Наше мышление, исходя из последнего, конструируется нашим общением, а не наоборот.

К. Герген, замечает, что «значительная доля человеческой деятельности вырастает из взаимообмена и направлена на дальнейший взаимообмен. Когда я пишу эти строки, в них отражаются, например, мои бесчисленные диалоги с коллегами и студентами, посредством которых я устанавливаю отношения с читателями. Это не “мой” слова, их авторство мнимое. Я, скорее, носитель определенных отношений, которые превращаю в новые отношения»¹⁵⁰. Так, не

¹⁴⁶ *Shotter J.* Social accountability and the social construction of you // *Texts of Identity*. L., 1989. P. 140–141.

¹⁴⁷ *Ibid.*

¹⁴⁸ *Ibid.*

¹⁴⁹ *Billig M.* *Arguing and Thinking: a Rhetorical Approach to Social Psychology*. 2nd edition. Cambridge, 1996. P. 141.

¹⁵⁰ *Джерджен К.* Социальная психология как социальное конструирование: становление взгляда // *Джерджен К. Дж.* Социальный конструкционизм: знание и практика. Минск, 2003. С. 43.

давая этому достаточно весомых объяснений, Герген превращает констатацию влияния других людей на *Я* индивида в утверждение о том, что в *Я*, помимо этого перекрестка социальных отношений, вовсе ничего нет. Герген не учитывает здесь уникальности каждого *Я*: например, если группа студентов слушает одних и тех же преподавателей, это не означает, что на выходе мы будем иметь одинаково мыслящих специалистов. Это связано не только с тем, что каждый из студентов имеет отличный от других круг социальных взаимодействий, но и с множеством других факторов – темпераментом, вниманием к словам преподавателя, самочувствием студента в каждый конкретный момент времени и т. д. Каждый индивидуальный опыт уникален и неповторим, то, что я основываюсь в своей деятельности и творчестве на моем опыте взаимодействий с другими людьми, не означает, что я не отвечаю за свои идеи и за свои поступки. Диалогичность *Я* не означает, что *Я* не существует, напротив, диалог должен вестись между двумя самостоятельными субъектами, он не существует сам по себе.

2.9. Дискурсы и голоса

Ни один социально-конструкционистский текст не обходится без упоминания *дискурса*. Именно в дискурсах кроется то самое социальное *нечто*, которое играет решающую роль в способах нашего конструирования себя, других людей и всей реальности в целом. Дискурс выступает в роли той непреодолимой силы, которая диктует те законы, по которым субъект воспринимает и категоризирует мир и самого себя здесь и сейчас.

Дискурс – одно из самых часто употребляемых и в то же время одно из наиболее размытых понятий в современной философии, имеющей дело с проблемой языка. Это некая совокупность принятых определенной социальной группой в определенных социокультурных условиях способов говорения о мире в целом или каком-либо из отдельных объектов, а также совокупность социальных действий, обусловленных этими способами. Так, согласно Мишелю Фуко, к работам которого конструкционисты часто обращаются, дискурсы являются «практиками, которые формируют объекты, о

которых они говорят»¹⁵¹. Вслед за работами Фуко и развиваемыми под его влиянием работами М. Пешё¹⁵², дискурс приобретает политическое звучание, говоря «дискурс» всегда в уме держится «идеология», «именно в дискурсе достигается связь языка с идеологией и политикой и принуждение к интерпретации смысла в определенном направлении»¹⁵³. Дискурс в конструкционистском понимании не просто задает определенные стандарты описаний и категоризаций, он *принуждает* к ним и в этой мере выступает как идеология.

Дискурсы могут быть весьма широкими по охвату (например, дискурс средневекового общества) или же дробиться на более частные дискурсы вплоть до бесконечно узких. Например, общий «средневековый» дискурс может подразделяться на дискурсы различных сословий, а те, в свою очередь, на дискурсы мужские и женские. В романе С. Кларк «Джонатан Стрейндж и мистер Норрел» один из персонажей разоблачает ложь, когда его незнакомый собеседник, называющий себя шляпником и продавцом разных дамских товаров, вместо конкретных названий лент, чепцов и прочих предметов дамского туалета использует только выражение «разные финтифлюшки». Очевидно, что профессиональный галантерейщик подобными товарами скорее будет называть конкретные «артикулы», нежели использовать словечко, которым пользуются те, кто не знает точных терминов. Это пример профессионального дискурса, точнее, его незнания.

Дискурс, таким образом, подразумевает под собой то, как и с помощью каких слов, выражений и метафор конкретная социальная группа описывает мир. В.Берр отмечает, что «дискурс создает систему отсчета, способ интерпретирования мира и придания ему смысла, который позволяет “оформиться” некоторым “объектам”»¹⁵⁴. Такое понимание дискурса, по сути, следует куайновской гипотезе онтологической относительности и гипотезе лингвистической относительности Сепира-Уорфа: он задает, а точнее, *конструирует* онтологию мира, о котором в этом дискурсе говорится.

¹⁵¹ Foucault M. The Archaeology of Knowledge. L., 1972. P. 42. Цит. по: Burr V. An Introduction to Social Constructionism. P. 38.

¹⁵² Pecheux M. Analyse automatique du discours. Paris, 1969 и др.

¹⁵³ Огурцов А.П. Дивергенция и конвергенция концепций дискурса – их эпистемологические основания (ст. 1-я) // Методология науки и дискурс-анализ. М., 2014. С. 30.

¹⁵⁴ Burr V. Op. cit. P. 38.

Дискурсы предоставляют нам набор репертуаров, с помощью которых мы можем описывать себя и других, например, мы можем описывать человека как «женственного», «юного» или «с ограниченными возможностями». «Каждый дискурс представляет ограниченное количество “слотов” для людей. Например, наши дискурсы сексуального поведения, дают нам очень мало вариаций – наиболее очевидными являются ”гомосексуальный” и “гетеросексуальный”»¹⁵⁵. Идентичность, таким образом, варьируется в зависимости от избранного дискурса.

Понятие дискурса частично перекликается с понятием речевых жанров у Бахтина. Бахтин утверждает, что каждой сфере деятельности, требующей использования языка, соответствует целый репертуар речевых жанров, т. е. определенных устойчивых типов высказываний, которые мы склонны употреблять в данной сфере деятельности. Всякое высказывание позволяет человеку проявить свою индивидуальность, и здесь жанры различаются. Простая реплика в диалоге не позволяет достаточно проявить себя, тогда как художественная литература как сложный жанр позволяет раскрыть свою индивидуальность наиболее полно. Таким образом, каждый речевой жанр предписывает свой способ описания мира.

Речевых жанров имеется бесконечное множество, и человек неодинаково хорошо владеет всеми из них. Так, ученый, постоянно выступающий перед аудиторией и известный как хороший оратор, может оказаться беспомощным в светском жанре, поскольку плохо владеет жанровыми формами данной сферы¹⁵⁶. Разбиение коммуникативной активности на жанры и указание на неравномерное овладение ими, подчеркивает фрагментацию сознания и Я, которая наблюдается в идентичности, описываемой социальными конструкционистами.

Дискурсы выражаются с помощью «голосов» – еще один полюбившийся конструкционистам образ. Этот термин нигде явно не проговаривается и используется как самоочевидный. Наиболее близкая коннотация, присутствующая здесь, это «право голоса», т. е. право на участие в принятии политических решений. В социальном конструкционизме за «голосом» остается оттенок политического, главное в «голосе» – это возможность быть услы-

¹⁵⁵ Burr V. Op. cit. P. 96.

¹⁵⁶ Бахтин М.М. Проблема речевых жанров.

шанным. «Голос», как правило, принадлежит той или иной социальной группе, которая высказывает свою версию видения мира в целом или отдельных его аспектов. Социальный конструкционизм, говоря о «голосах», постоянно ссылается на противостояние маргинализированных и доминирующих дискурсов, а также вводит понятие «тоталитарного» дискурса, т. е. такого дискурса, который не терпит альтернативных точек зрения, по сравнению с которым «голоса» других дискурсов «звучат» слабо. К примеру, дискурс классической ньютоновской механики не мог признавать такие описания мира, которые противоречили основным законам Ньютона. Такого рода «тоталитарные» дискурсы, по мнению социального конструкционизма, выступают как идеологии, ограничивающие возможность для выражения своих точек зрения на мир другими «голосами». Так, многие авторы-конструкционисты, в первую очередь, в рамках феминистской философии, «берут на вооружение» марксистские представления о классовом сознании и классовой борьбе. Применительно же к проблеме самосознания «тоталитарный» дискурс классической философии диктует существование единого и неделимого «монологического» Я, монолитного субъекта, тогда как с точки зрения социального конструкционизма это не более чем порождение локальной европейской культуры конкретной эпохи.

2.10. Как возможно конструирование сознания?

Таким образом, рассмотрев ключевые понятия и темы, связанные с социально-конструкционистским подходом к сознанию, мы можем теперь вкратце сформулировать его основные черты.

Как мы уже отметили в начале, подход социального конструкционизма к сознанию принципиально отличается, в частности, от когнитивной психологии или аналитической философии, фокусом интереса. Он не пытается вскрывать механизмы работы мозга, лежащие в основе тех или иных сознательных процессов, не занимается логическим анализом языковых структур, выражающих различные состояния сознания. Он не ставит вопрос о происхождении сознания (ответ на него, впрочем, подразумевается – сознание рождается в процессе социальных взаимодействий и является одной из соци-

альных конструкций). Основной интерес конструкционистов сосредоточен на влиянии, которое социокультурная среда оказывает на то, каким образом мир отражается сознанием индивида, а также на то, каким образом индивид воспринимает самого себя, т. е. на его самосознание. Поскольку истоки социального конструкционизма лежат в социальной психологии, основной акцент делается именно на взаимодействие индивида с различными социальными группами (к которым он принадлежит или которым он противопоставит). Эти социальные группы являются носителями дискурсов – способов описания мира, дискурсы же свою очередь оказывают воздействие на сознательные процессы индивида. Сознание в социальном конструкционизме никогда не нейтрально, социальный конструкционизм не говорит о восприятии, например, красного цвета самого по себе, для каждого индивида восприятие красного будет социально нагруженным политическими, культурными и прочими коннотациями.

Можно выделить несколько ключевых моментов, определяющих конструкционистский подход к сознанию:

1) индивидуальное сознание и самосознание социально сконструированы, они появляются в результате социальных взаимодействий, взаимодействий индивида с другими людьми;

2) главным конструирующим сознание и самосознание «инструментом» является язык, а точнее, языковая среда и коммуникативные практики, в которые погружен индивид;

3) язык предшествует индивидуальному сознанию и предопределяет его. Усваивая нормы родного языка, индивид не только определенным образом начинает репрезентировать себя и конструировать свое самосознание (результат этого конструирования может быть выражен в форме нарратива), но и его описание мира (и, следовательно, познание мира) зависит от усвоенных норм языка и конкретных дискурсов, в которые он оказывается погружен в разных социокультурных ситуациях;

4) постоянство и единство *Я* ставятся социальным конструкционизмом под сомнение, или же, в радикальных версиях, объявляются иллюзией. Вместо единого и постоянного *Я* предлагается говорить об изменчивой идентичности или идентичностях;

5) способы саморепрезентации и понимания самосознания зависят от доминирующих в обществе метафор описания сознания, разного рода «идеологий» и «тоталитарных» дискурсов.

Центральная фигура социального конструкционизма – Кеннет Герген – утверждает: «Я, скорее, носитель определенных отношений, которые превращаю в новые отношения»¹⁵⁷. Мы, таким образом, сталкиваемся в социальном конструкционизме с «пустой личностью»¹⁵⁸, поскольку конструкционисты полагают что мнения, эмоции, аттитуды и т. д. не являются «свойствами» личности, но конструируются в процессе взаимодействий с другими. С точки зрения Гергена, в постмодернистском и конструкционистском отношении к Я меньше эгоцентризма, индивидуализма, важна не уникальность отдельного индивида, а отношения, в которые он включен. На место Я приходят Мы¹⁵⁹. Он нагружает подобные представления надеждой на улучшение взаимопонимания между представителями разных культур и социумов, утверждая, что в отказе от своей индивидуальности мы более легко выходим на уровень взаимодействия с другими.

В чем основные слабые стороны конструкционистского подхода? Наиболее уязвимым местом представляется попытка социального конструкционизма отказаться от Я, объявить его иллюзией или «пустышкой». Социальный конструкционизм в принципе склонен быстро «перескакивать» от умеренных идей к радикальным заявлениям. Если умеренная идея о сконструированности самосознания и идентичности в ходе социальных интеракций, в которые вовлекается индивид, вряд ли вызовет у кого-либо серьезные возражения (социум, несомненно, участвует в становлении нашего сознания), то приравнивание сконструированности объекта к его нереальности уже оказывается спорным. Как справедливо замечает В.А. Лекторский в своей критике конструкционизма, «сконструированность не обязательно означает нереальности того, что построено. Если “Я”, личность, идентичность – это социальные конструкции, из этого вовсе не следует их нереальность. И стол, за которым я сижу, тоже построен, сконструирован. Однако он не перестаёт от этого существовать. Феномен “Я” возникает в определённом возрасте и в определённых культурно-историче-

¹⁵⁷ Джерджен К.Дж. Социальная психология как социальное конструирование: становление взгляда. С. 43.

¹⁵⁸ Burr V. Op. cit.

¹⁵⁹ Джерджен К.Дж. Упадок и крушение личности // Джерджен К.Дж. Социальный конструкционизм: знание и практика. Минск, 2003. С. 107–115.

ских условиях. Но когда “Я” возникло, оно становится реальностью, при этом такой, в которой далеко не всё ясно как самому его носителю, так и другим»¹⁶⁰. Социальный конструкционизм же, с его склонностью к релятивизму, пытается отказаться от этой реальности Я, как и вообще от какой-либо объективной реальности. Однако представляется справедливым утверждать, что Я не может быть сведено исключительно к случайным наборам социальных интеракций. Это не означает, что мы должны понимать Я как неделимую субстанцию, подобно тому, как оно понималось в классической философии. Я является сложной системой, включающей и телесные механизмы, и социокультурное наполнение, и специфический, уникальный для каждого индивида опыт – как опыт восприятия, так и биографический опыт. Каждое Я занимает свое уникальное место в пространстве, и во времени, и в системе социальных связей, и эта уникальность позиции оказывается залогом неповторимости опыта индивида. Опыт же может восприниматься как целостный только благодаря использованиям таких категорий, как Я и идентичность. При всей изменчивости самосознания, на которую справедливо указывают социальные конструкционисты, всегда остается нечто, что является инвариантом, нечто, что порой не позволяет мне совершить какой-то поступок, потому что «я не такой человек». Причина воздержания от поступка в этом случае лежит не в том, что он плохо бы вписался в сюжет создаваемого мной нарратива, а в том, что все совокупные обстоятельства моей индивидуальной жизни удерживают меня от него, он не следует из моего предшествующего опыта самосознания. Как справедливо пишет Д. Бэксёрст, «единство нашей психической жизни не есть артефакт нарратива. Совсем наоборот. Возможность персональных нарративов основывается на том факте, что единство подразумевается в самой идее психической жизни человека»¹⁶¹. Чувства отсутствия связности, неуверенности в своей идентичности, поисках себя и т. д., которые на разных этапах жизни могут достигать индивида, не должны «компрометировать фундаментальное единство этой жизни и... опровергать рациональность ее субъекта»¹⁶².

¹⁶⁰ Лекторский В.А. Конструктивизм vs реализм // Эпистемология и философия науки. 2015. Т. XLIII. № 1. С. 25.

¹⁶¹ Бэксёрст Д. Формирование разума. М., 2014. С. 105.

¹⁶² Там же.

Социальный конструкционизм настаивает на отказе от *Я* не просто ради бунта против традиции, за этим отказом лежит анализ сложной социокультурной жизни современной эпохи и идея борьбы за разнообразие точек зрения и «голосов», за идеалы мультикультурализма и демократии. Действительно, *Я* современной эпохи более открыто, более гибко, благодаря множеству открывшихся новых коммуникационных возможностей. Но не ведет ли это к тому, что, впуская в себя Другого, как призывают конструкционисты, мы утрачиваем себя? А если у нас нет четкой системы ценностей, убеждений, верований, то как мы можем относиться с уважением и пониманием к ценностям, убеждениям и верованиям другого? Так, борясь с идеологией «индивидуализма» и «субъектоцентризма», социальные конструкционисты, по сути, предлагают альтернативную идеологию – идеологию социально сконструированного мира без субъекта. Такая идеология ведет не только к обретению свободы, но и к утрате ответственности за свои поступки и, как следствие, может рано или поздно привести к хаосу, за которым неизбежно следует приход нового тоталитарного дискурса.

Однако идея социального конструирования сознания имеет и позитивные моменты. Она, несомненно, явилась одним из радикальных ответов не только на засилье естественнонаучных методов в психологии, но и на попытку полностью подменить исследования сознания нейронаукой. Р. Харре, один из наиболее глубоких и, как следствие, менее радикальных представителей социального конструкционизма, отмечает:

Несмотря на очевидную истину, что нахождение мозга в определенном состоянии является необходимым условием для когнитивной деятельности, нужно быть очень осторожным в предположении, что это является и достаточным условием. Должны также присутствовать и все остальные условия, такие как присутствие других людей, и их активная коммуникация с принимающим мыслительную операцию субъектом. Но нужно быть также весьма осмотрительным в интерпретации исследований потери когнитивных способностей в результате травмы мозга. Можно подумать об очевидности того, что если в результате травмы определенной части мозга невозможным становится выполнение того или иного психологического действия, то, если это действие выполняется, значит, раздел мозга невредим. Если разрывается велосипедная цепь, то на нем больше нельзя

ездить, но сама цепь не может произвести движение. Минутное размышление подскажет нам то, что повреждение, сводящее на нет правильное выполнение действия, может затрагивать только один фрагмент механизма и, вполне вероятно, не самую важную его часть¹⁶³.

Так, все три предлагаемые Харре грамматики описания человека описывают один и тот же поток действий, но нельзя обойтись при описании человека только одной из них, поэтому психология всегда будет гибридной, как и наши исследования сознания. Радикальные конструкционисты делают акцент на П-грамматике, которая склонна к коллективизму, поскольку коммуникация является коллективной, совместной деятельностью. Именно отсюда в радикальном социальном конструкционизме возникает интенция отбросить индивидуальные самосознания и идентичности ради отношений, в которые они вступают. Тем не менее мы не можем отказаться от М-грамматики, описывающей индивидуальные химические процессы, происходящие в организме человека, и от О-грамматики, описывающей действия организма вне придания им смыслов. Наше *Я* не сводится только к дискурсу П-грамматики.

Ни одна из ветвей этой дуалистичной онтологии не может подчинить себе другую. Человеческие существа в молекулярной онтологии являются машинами, не обладающими моральными характеристиками. Мозг в онтологии персон является инструментом для выполнения задач, устанавливаемых дискурсивно¹⁶⁴.

С этими же выводами соглашаются и многие представители когнитивных наук, в частности, Алва Ноэ отмечает: «Эмпирические исследования сознания и человеческой природы принимают без доказательств (*for granted*), что проблема для науки заключается в том, чтобы понять, как сознание возникает в мозге. То, что сознание возникает в мозге, не оспаривается»¹⁶⁵, тогда как, с точки зрения Ноэ, необходимо брать проблему сознания в значительно

¹⁶³ Харре Р. Гибридная психология: союз дискурс-анализа с нейронаукой. С. 54–55.

¹⁶⁴ Там же. С. 59.

¹⁶⁵ Noe A. *Out of Our Heads: Why You Are Not Your Brain and Other Lessons from the Biology of Consciousness*. N.Y., 2010. P. 24. Цит. по: Суцкин М.А. Вы – это ваш мозг? Почему когнитивная наука нуждается в поведенческой и ситуативной перспективе // Социо-антропологические измерения конвергентных технологий. Методологические аспекты. Курск, 2015. С.192.

более широкой перспективе: «Мир и наше отношение к нему являются источником сознания и опыта, а не мозг или нейронная активность сами по себе. Мир, встроенность в экологический и социокультурный контекст, – подчеркивает Ноэ, – определяют наш опыт, наши привычки и даже, по крайней мере, частично наши высокоуровневые интеллектуальные компетенции, вроде языка или игры в шахматы»¹⁶⁶. Так, социальный конструкционизм является одним из тех подходов, которые возвращают социокультурную проблематику в исследования сознания.

Важными являются также предлагаемые конструкционистами исследования идентичности личности. Сложная, фрагментарная структура самосознания, составные многоаспектные идентичности – это неизбежное следствие усложнившихся социальных и коммуникативных отношений, характерных для второй половины XX в. – начала XXI в. Рассматривая современные представления о децентрации и распадении Я, Е.А. Никитина задается вопросом: «Возможно, фрагментарность, “раздробленность” сознания – это и есть “нормальное” состояние индивидуального сознания, не скованного жесткими нормативными требованиями среды, а временным является скорее качество единства, возникающее под давлением конкретно-исторических условий (например, культурной традиции или жестких идеологических требований)?»¹⁶⁷. Однако, как она верно отмечает далее, на самом деле, «исчезает не “Я”, не субъект или личность, а прежние пределы наших знаний о них и привычные трактовки данной проблемы»¹⁶⁸. Социальные конструкционисты задают как раз новые трактовки проблем сознания, самосознания и Я, фиксируя недочеты предшествующих теорий сознания и самосознания. Это фрагментированное, сложносоставное, размытое Я, нуждающееся в том, чтобы быть проговоренным, оформленным в виде нарратива, это описанное социальным конструкционизмом Я позволяет подойти к тем новым проблемам сознания, которые ставит современная информационная эпоха, открывая перспективу достаточно эффективного их обсуждения. Понятие идентичности начинает играть здесь важную роль, по-

¹⁶⁶ Суцин М.А. Вы – это ваш мозг? Почему когнитивная наука нуждается в поведенческой и ситуативной перспективе. С. 193.

¹⁶⁷ Никитина Е.А. В поисках утраченного единства сознания: исчезло ли Я? С. 32.

¹⁶⁸ Там же. С. 33.

скольку главным вопросом остается вопрос о том, как увязать все эти различные стороны индивидуального бытия воедино. Поэтому в конструкционистских исследованиях идентичности заложен большой потенциал для современных исследований сознания и самосознания.

В заключение хотелось бы предложить еще одну метафору, которая, как представляется, наилучшим образом может описать самосознание с точки зрения его конструирования. Это метафора сознания как «открытого произведения». Понятие «открытое произведение» было введено недавно ушедшим из жизни Умберто Эко – одним из важнейших мыслителей конца XX – начала XXI в.¹⁶⁹. «Открытым произведением» для Эко является такое произведение (оно может быть не только произведением художественной литературы, но и музыкальным произведением, и даже научным текстом), которое требует активности читателя (исполнителя) при его восприятии (воспроизведении), и которое допускает множество толкований, а не одну лишь трактовку, предзаданную автором (однозначность трактовки – характеристика «закрытого произведения»). Так, мы можем понимать *Я* индивида как «открытое произведение», в котором сам индивид является и автором, и исполнителем, а Другие, также выступая с позиций «читателя» («слушателя»), привносят свое понимание самости, дополняя создаваемый человеком *Я*-нарратив. «Открытое произведение» бесконечно гибко, и все же его интерпретации ограничены определенными сюжетными рамками и наборами смыслов. Каждый видит в «открытом произведении» нечто свое, но нельзя увидеть в нем все, что угодно. Именно такое представление о конструируемом и реконструируемом самосознании представляется наиболее соответствующим действительности.

Однако, помимо вопроса о том, как конструируется сознание, представляется интересным рассмотреть также вопрос, как конструируется знание о нем, как конструируется наука о сознании. Эта тема будет рассмотрена в заключительной главе нашей монографии.

¹⁶⁹ Эко У. Открытое произведение. Форма и неопределенность в современной поэтике. СПб., 2004; Роль читателя. Исследования по семиотике текста. СПб., М., 2005.

ГЛАВА 3.

ПРОБЛЕМА ИЗУЧЕНИЯ СОЗНАНИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ РЕФЛЕКСИИ НАД НАУКОЙ

Выше были рассмотрены активно развиваемые сегодня подходы к ответу на вопрос о том, что есть сознание, как оно возможно и как связано с телесной, материальной стороной жизни.

С одной стороны, были рассмотрены разнообразные попытки представителей современной аналитической философии сознания объяснить сознание исходя из особенностей логики и языка рассуждения, специфики ключевых понятий и концептов осмысления сознательного опыта. Особое внимание было уделено разбору крайне вариативных сценариев усмотрения связи обыденного сознания с телесными, чувственными процессами (*mind-body problem*).

С другой стороны, были проанализированы попытки представителей социального конструкционизма объяснить сознание как сумму векторов влияния социума и культурно-исторических обстоятельств на становление человеческого сознания с особым акцентом на анализе процессов социального конструирования высших форм сознания (самосознание, идентичность, Я).

Третий, *эпистемологический* взгляд на проблему объяснения человеческого сознания в некотором смысле противостоит двум вышеназванным и связан с исследованием того, как именно научные дисциплины представляют сознание в качестве объекта изучения и как организуют получаемые научные знания. Важное отличие данной главы от двух других состоит в том, что в ней внимание сосредоточено не на том, что уже освоено научным мышлением, не на сознании как оно понимается наукой. В частности,

в главе не будут разбираться сами теории сознания психологии и нейронауки, а также не будет проводиться философская интерпретация результатов научных исследований. Назначение философии науки и эпистемологии в другом: в анализе роли эпистемологических форм организации знаний в науке, в выделении развитых и отсталых способов организации научной деятельности, в определении перспективных зон приложения сил ученых и философов по исследованию сознания. Основной замысел настоящей главы состоит в том, чтобы показать, как разные способы организации научных знаний (конструирование объекта изучения и систематизация знаний) предопределяют достижения и возможности ученых в деле познания человеческого сознания.

Теоретические предпосылки данного анализа связаны с концептуальным аппаратом теории социальных эстафет, разработанным отечественным философом М.А. Розовым¹⁷⁰, и выполняются в русле реализуемого автором настоящей главы проекта эмпирической эпистемологии¹⁷¹.

3.1. Актуальная ситуация в исследованиях сознания

В философии вопрос о сознании всегда был метафизическим и рассматривался как фундаментальная проблема осмысления бытия человека. Но после того как были сформулированы основные концепции человеческого духа и сознания, метафизический пафос пошел на убыль, пока во второй половине XX в. проблема осмысления человеческого сознания в онтологической перспективе снова не вернулась в философскую повестку.

В 1960-х гг. появились когнитивные науки (объединяющие психологию, лингвистику, нейронауку, антропологию и компьютерные дисциплины), для которых изучение человеческого сознания и познания стало основным объектом интереса и приложения сил¹⁷². Как выразился об этом английский психолог Алан Бэддели, «важнейший

¹⁷⁰ Розов М.А. Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии. М., 2008.

¹⁷¹ Загидуллин Ж.К., Кузнецова Н.И. Контуры эмпирической эпистемологии на базе теории социальных эстафет // Философия науки. Вып. 19: Эпистемология в междисциплинарных исследованиях. М., 2014. С. 101–124.

¹⁷² Миллер Дж. Когнитивная революция с исторической точки зрения // Вопр. психологии. 2005. № 6. С. 104–109.

сдвиг в когнитивной психологии и вообще в когнитивной науке за последние 20 лет заключается в том, что понятие сознания приобрело статус признанной, изучаемой научной проблемы»¹⁷³.

Ученые обнаружили большое число новых фактов и наблюдений, а также изобрели множество методов исследования мозга, что позволило визуализировать процессы, происходящие в мозге человека и животных при решении различных когнитивных и двигательных задач. Теперь сознание и другие психические процессы, сделавшись «видимыми», стали доступны для научного изучения¹⁷⁴.

Успехи когнитивной науки поставили философию перед необходимостью решить следующие две задачи: определить рамки и способы объяснения обнаруженного учеными эмпирического материала, а также построить продуктивную кооперацию с эмпирическими дисциплинами¹⁷⁵. Параллельно началась реализация проекта натурализации философии¹⁷⁶, призывавшего философов строить и обосновывать свои рассуждения результатами и достижениями эмпирических наук (в частности, экспериментальной психологии). Казалось бы, именно расцвет когнитивных наук и должен был обеспечить продуктивное сотрудничество философии и науки.

Поначалу все так и было. Аналитическая философия сознания активно включилась в теоретическое оснащение ученых и предложила множество решений метафизических проблем, связанных с сознанием¹⁷⁷. Эти решения были сформулированы в рамках традиции анализа языка, на основе метода мысленных экспериментов и концептуальных построений. В некоторых случаях философы напрямую стремились задать образцы осмысления результатов нейронаук в приложении к вопросам этики, философии религии и вопросам о свободе воли человека (как, например, это заявлено в проекте «нейрофилософии» Патриции Чёрчленд¹⁷⁸).

¹⁷³ Цит. по кн.: Баарс Б., Гейдж Н. Мозг, познание, разум: введение в когнитивные нейронауки: в 2 ч. М., 2014. Ч. 2. С. 59.

¹⁷⁴ Sejnowski T.J. Consciousness // *Daedalus*. 2015. Winter. No. 144. P. 123–132.

¹⁷⁵ Лекторский В.А. Когнитивная наука как вызов эпистемологии // Эпистемология: новые горизонты. М., 2011. С. 5–34.

¹⁷⁶ Quine W.V. Epistemology Naturalized // *Quine W.V. Ontological Relativity and Other Essays*. N.Y., 1969. P. 69–90.

¹⁷⁷ Иванов Д.В. Сознание как объект метафизических исследований // *Вопр. философии*. 2009. № 2. С. 86–96.

¹⁷⁸ Churchland P.S. *Neurophilosophy: Toward a Unified Science of the Mind-Brain*. Cambridge, 1986. P. 546.

В результате аналитическая философия сознания и нейрофилософия построили сложную систему аргументации и сформировали рафинированный стиль размышлений о сознании и сознательном опыте¹⁷⁹. Но стало ли это полезным для когнитивной науки (при всей условности вопроса о полезности философских концепций), позволило ли это ученым повысить эффективность своих исследований?

Рефлексия ученых на этот счет дает скорее отрицательный ответ: им по-прежнему не хватает теоретического аппарата, соответствующих понятий и концепций, которые бы помогли осмыслить имеющееся эмпирическое богатство научных данных о сознании. Поэтому, вероятно, будет преждевременным говорить, что кооперация философов и ученых в деле изучения сознания состоялась.

Более того, известный современный российский нейрофизиолог, один из ведущих исследователей сознания К.В. Анохин утверждает, что «в сфере синтеза фактов в единую картину наблюдается все более драматическое отставание. Особенно углубляется разрыв между молекулярно-генетическими исследованиями и изучением психических и когнитивных функций мозга... Устранение данного разрыва вряд ли может быть достигнуто лишь за счет дальнейшего накопления фактов в каждой из отдельных областей исследования мозга. История науки показывает, что средством преодоления подобных противоречий могут служить лишь синтетические теории, которые берут на себя миссию объединения знаний во все более дифференцирующейся дисциплине»¹⁸⁰. Одна из последних оценок положения дел с изучением механизмов человеческого сознания в когнитивных науках, которую дает К.В. Анохин, сводится к тому, что ученые заняты поиском «такой теории, которая описывала бы основные вещи, связанные с мозгом и разумом... И [была бы] универсальна для разных нервных систем»¹⁸¹. Стоит также обратить внимание, что ученые сегодня более детально формулируют свой запрос: им нужна не просто объяснительная концепция, им нужны

¹⁷⁹ Васильев В.В. О прогрессе в философии сознания за последние 50 лет // Историко-философский альманах. Вып. 3. М., 2010. С. 265–268.

¹⁸⁰ Анохин К.В. Молекулярные основы обучения и развития мозга: на пути к синтезу // Когнитивные исследования: Проблема развития. Сб. науч. тр. Вып. 3. М., 2009. С. 101.

¹⁸¹ Анохин К.В. Мозг, творчество, сознание // Философия творчества: материалы Всерос. науч. конф. (г. Москва, 8–9 апр. 2015 г.). М., 2015. С. 47–48.

эпистемологические средства объединения и интеграции множества научных знаний о сознании из разных научных дисциплин и относимых к различным нервным системам (человека, ребенка, животного и т. п.), то есть, по сути, ученым нужны эффективные «коллекторские программы» систематизации знаний (подробнее о таких программах будет рассказано ниже).

Но могла ли аналитическая философия сыграть объединяющую роль по отношению к знаниям когнитивной науки? Была ли у философов этого направления такая задача? Вероятно, нет, что следует и из первой главы настоящей монографии, где скрупулезно приведена логика рассуждений и дана оценка эффективности решений «трудной проблемы сознания» со стороны аналитических философов. Ни одна из разобранных там концепций не претендует на определение новой категориальной сетки или формулирование конкретной программы объединения научных знаний о сознании.

В ходе попыток сотрудничества аналитических философов и когнитивных ученых в конце XX в. обнаружилось их принципиальное расхождение в понимании сознания. Аналитические философы сводят феномен человеческого сознания к сознательному опыту, а его содержание приравнивают к элементарным чувственным восприятиям, ощущениям, сенсорным впечатлениям человека – все то, что они называют «квалиа»¹⁸². Когнитивные ученые, в первую очередь психологи, напротив, традиционно относят сознание к высшим психическим функциям¹⁸³, то есть к сложным формам развития человеческой психики, возникающим в течение жизни человека, имеющим социальное происхождение и произвольную регуляцию, а также сформированным при участии языка из натуральных психических процессов (к которым, в том числе, относятся элементарная сенсорная чувствительность, ощущения и т. п.). По сути, философы и психологи говорят о принципиально разных объектах мысли, что заставляет сомневаться в продуктивности их сотрудничества.

Казалось бы, психологам легче найти взаимопонимание с социальными конструкционистами, которые сами не чужды психологии и претендуют на реформирование практики научного изучения

¹⁸² Иванов Д.В. Природа феноменального сознания.

¹⁸³ Выготский Л.С. Развитие высших психических функций (из неопубликован. тр.). М., 1960.

сознания в социальной психологии. Ведь они в своих концепциях утверждают идею социальной обусловленности человеческого сознания. Однако и тут когнитивным ученым не приходится ждать серьезной помощи¹⁸⁴. Активность социальных конструкционистов в основном разворачивается на поле философского анализа факторов, влияющих на генезис человеческого сознания. Социальное взаимодействие, культурно-исторический процесс формирования человека и различных социальных общностей – все это рассматривается ими как привилегированная сфера движущих сил и причин, детерминирующих сознание. При таком понимании социального мира и места человека в нем научно-экспериментальное изучение сознания становится *избыточным*. Не случайно лидеры этого направления в философии и психологии, Кеннет Герген и Ром Харре, единодушно приходят к выводу, что психология практически без остатка может быть сведена к историческому анализу языка и языковых практик, к дискурс-анализу и нарратологии¹⁸⁵. Проекты социальных конструкционистов не нуждаются в эксперименте.

Таким образом, ситуация с научным исследованием сознания состоит в том, что лидеры философского фронта не стремятся помочь ученым и, соответственно, пока мало ориентированы на кооперацию с представителями эмпирических наук. Ученые же, в свою очередь, стоят перед необходимостью самостоятельного осмысления непрерывно увеличивающегося объема результатов эмпирических исследований, проводящихся с использованием новейших технологий и в условиях междисциплинарной коммуникации. В этой ситуации ученые интуитивно очень точно фиксируют источник собственных проблем, указывая на трудности организации и объединения научных знаний в дифференцирующихся дисциплинах изучения мозга и сознания.

Поэтому естественно сделать вывод, что эпистемологическая специфика деятельности ученых по изучению сознания – это и есть то, что нуждается в философско-эпистемологическом анализе, что должно стать предметом развернутой критики и философской рефлексии. Прежде чем перейти к этому, нужно уточнить, что

¹⁸⁴ Труфанова Е.О. О преимуществах и недостатках социального конструкционизма. С. 32–36.

¹⁸⁵ Gergen K.J. Social psychology as history. P. 309–320; Harre P. Гибридная психология: союз дискурс-анализа с нейронаукой. С. 38–63.

в настоящей главе речь не будет идти о понимании «сознания как совокупности знаний» или о субъективности человека основанной на знании. Разговор пойдет о специфике организации процессов производства и систематизации самих научных знаний, полученных учеными в рамках исследования человеческого сознания.

3.2. Понимание научного знания в эмпирической эпистемологии

Британский математик, логик и философ Альфред Н. Уайтхед в начале XX в. сформулировал идею, согласно которой предназначение научного познания состоит в том, чтобы заменить объективное видение обыденного сознания (здорового смысла) научными конструкциями¹⁸⁶. Это суждение особенно важно для изучения сознания, ведь каждый ученый и философ располагает собственным (от первого лица) представлением о содержании своего сознания, и данный факт сильно затрудняет научное познание сознания, вводя исследователей в заблуждение. Но о каких научных конструкциях в изучении сознания должна идти речь, в чем их специфика, структура, элементная база? Чем они отличаются от обыденных представлений? Попробуем ответить на эти вопросы.

Как известно, наука это сложное социальное явление, существующее в историческом и культурном горизонте жизни человечества. В XX в. делалось много разных попыток определить суть науки и научного познания, но есть ряд характеристик, которые большинство исследователей признают важнейшими. Предназначение науки – преумножать и сохранять знания человечества за счет коллективной и сложно кооперативной деятельности ученых, при этом существование и воспроизводство науки не зависит от сроков жизни конкретного исследователя, научного коллектива или научной организации («гносеологическая робинзопада» неадекватна для понимания науки). Предназначение науки реализуется на основе публичного и рационального описания способов получения, обоснования и воспроизводства знаний учеными (наука – это система с рефлексией). Научные знания

¹⁸⁶ *Whitehead A.N. The Anatomy of Some Scientific Ideas // Whitehead A.N. The Aims of Education and Other Essays. N.Y., 1967. P. 152–153.*

имеют универсальное значение в том смысле, что содержание знаний не меняется от того, кто, где и сколько раз использовал это знание (принцип воспроизводимости, объективности и общезначимости знаний).

Исходя из представленного понимания науки, можно утверждать, что она конституируется двумя базовыми процессами познания: получением (производством) *новых* знаний и систематизацией (отбором и обеспечением когерентности) *существующих* научных знаний. Эти процессы существуют параллельно, во многом переплетаясь в реальной научной работе. Реализуются эти процессы в форме двух типов социальных программ науки: исследовательские программы (получение знаний) и коллекторские программы (отбор и систематизация знаний). Об этом писал известный российский философ М.А. Розов, «науку можно рассматривать как механизм централизованной социальной памяти, которая аккумулирует практический и теоретический опыт человечества и делает его всеобщим достоянием»¹⁸⁷.

В основе получения и систематизации научных знаний лежит механизм воспроизводства деятельности с миром по образцам. Опыт передается от человека к человеку по непосредственным образцам (социальным эстафетам): когда один ученый повторяет за другим определённый набор действий с изучаемой частью мира, то тем самым реализуется простейшая эстафетная структура. Наука смогла стать культурно-историческим феноменом только тогда, когда подобные эстафеты были вербализованы, т. е. когда содержание образца (акта деятельности) было описано с целью дальнейшего воспроизведения без непосредственного контакта с «первоисточником». Наука создала массовую практику воспроизводства деятельности с миром на основе опосредованных (вербализованных) образцов – научных знаний. Поэтому одно из определений научного знания, которое будет далее использоваться, как раз и опирается на роль образцов: научное знание – это вербализация содержания образцов поведения и деятельности ученых с миром с целью переноса опыта на другие ситуации или другие объекты (материал деятельности)¹⁸⁸.

¹⁸⁷ Розов М.А. Наука как традиция // Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия науки и техники. М., 1995. С. 90.

¹⁸⁸ Розов М.А. Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии. С. 153.

Структура научного знания в элементарном случае может быть представлена как эстафетная структура, объединяющая референцию знания¹⁸⁹ (представление объекта знания) и репрезентацию (представление содержания знания в форме целостного акта деятельности с объектом). То есть референт научного знания – это способ конкретного и наглядного представления объекта изучения науки в пригодном для исследования виде¹⁹⁰, а репрезентация – это описание деятельности с так представленным объектом изучения (референтом знания).

Поясним сказанное. У всякой научной дисциплины есть свой объект изучения (познания), который, однако, часто не дан ученым непосредственно. Нередко бывает так, что к объекту науки вообще невозможно применить никаких исследовательских процедур (как, например, к «битве при Ватерлоо» или к «космологической черной дыре»). Несмотря на это, ученые проводят свои исследования и получают новые знания. Как это возможно? Это возможно за счет того, что ученый применяет свои исследовательские процедуры только к небольшой части объекта изучения, к какому-то его аспекту, который удалось представить в доступной и наглядной форме, т. е. к *референту* научных знаний. По сути, референт это своего рода «объект-посредник»¹⁹¹, доступный для научно-исследовательского манипулирования, а полученные из оперирования с этим референтом-посредником новые знания интерпретируются ученым как знания об объекте познания в целом. От того, насколько удачно ученые найдут, сконструируют или просто «позаимствуют» у другой дисциплины референты

¹⁸⁹ Специально следует отметить, что в настоящей работе *референция* понимается не так, как в традиционной логической семантике, т. е. как отнесенность языковых выражений к предметной действительности (см.: *Куайн У.* Заметки по теории референции // *Куайн У.* С точки зрения логики. М., 2010. С. 188–199). Референция есть способ представления объекта исследования в знании, включающий не только языковые выражения, но и экстралингвистические эстафеты.

¹⁹⁰ На основе теории социальных эстафет была введена типология референтов знаний в науке (морфологические, функциональные и методические референты): см.: *Загидуллин Ж.К.* Психология в оптиках философского анализа // *Вопр. философии.* 2013. № 4. С. 59–69.

¹⁹¹ *Розов М.А., Антипов Г.А.* Элементы-посредники в структуре эмпирического исследования // *Проблемы логики и методологии науки.* Науч. тр. Вып. 95. Новосибирск, 1973. С. 74–84.

научных знаний, напрямую зависит успех реализуемых учеными исследовательских действий. Ведь значение референта научных знаний состоит в том, что его тактико-технические возможности («степени свободы») и категориальные характеристики детерминируют *все* пространство возможных эмпирических фактов и знаний, которые ученый сможет получить, манипулируя тем или иным типом референтов.

Наивно было бы думать, что под каждое новое знание создается свой собственный референт или что каждый ученый самостоятельно должен конструировать референты для своей работы. Наука во многом держится на том, что в ней организованы процессы инфраструктурного характера, которые имеют дело с референтами, удачно найденными кем-то из исследователей. Можно даже представить функционирование науки в виде особого конвейера, на котором «выложены» эти референты и к которому каждый ученый может обратиться и использовать для организации своего исследования. Ниже будет представлена картина того, какой именно конвейер референтов знаний ученым удалось построить в рамках исследования человеческого сознания, каковы особенности функционирования знаниевого «организма» науки и в чем именно имеется дисбаланс в развитии инфраструктуры дисциплин, занимающихся изучением сознания.

Для решения перечисленных задач, помимо анализа элементарного строения научного знания, будет интересно проанализировать наукообразующие программы систематизации знаний. Как известно, специфику науки и ее дисциплинарную организацию определяют не столько исследовательские программы (легко преодолевающие границы дисциплин), сколько *коллекторские* программы, сфокусированные на систематизации и отборе научных знаний. По словам М.А. Розова, «формирование науки – это формирование механизмов глобальной, централизованной социальной памяти, т. е. механизмов накопления и систематизации всех знаний, полученных и получаемых человечеством, это формирование коллекторских программ»¹⁹².

Сам факт появления коллекторских программ в науке означает заметные, даже революционные перемены в развитии науки вплоть до того, что некоторые дисциплины (например, экология

¹⁹² Розов М.А. Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии. С. 173.

или культурология) формируются за счет появления специфических коллекторских программ, которые переорганизывают существующие знания, добытые в рамках других дисциплин.

Вместе с коллекторскими программами в науке появляются новые требования к процедурам получения знаний: они должны пройти стандартизацию, чтобы была возможность провести сопоставление научных результатов друг с другом. Поэтому «наука требует описания образцов и формулировки принципов исследования, ученый должен показать, как он пришел к тому или иному результату и почему он считает его истинным»¹⁹³. Как следствие, развивается практика доказательства и обоснования полученных знаний, уточняются методики работы – все это характеристики научного познания, непосредственно связанные с коллекторскими программами.

Кроме того, систематизация и обеспечение когерентности знаний может дать побочный результат, который будет использован в другой дисциплине, в другой коллекторской программе. Например, броуновское движение открыл ботаник Браун при изучении цветочной пыльцы, а Дарвин вошел в историю становления математической статистики. И таких примеров в истории науки огромное множество. Вновь обращаясь к М.А. Розову, отметим: «Способность ассимилировать побочные результаты других научных дисциплин связывает все науки в некоторое единство и означает невозможность дисциплинарной истории науки. Эта история должна быть всеобщей»¹⁹⁴.

Коллекторские программы, наконец, обеспечивают не только систематизацию и когерентность знаний, но и их трансляцию и воспроизводство. Они формируют дисциплинарный облик науки, а их анализ позволяет увидеть специфику работы научной инфраструктуры данной дисциплины и обеспечивающих ее процессов (развитие приборов и аппаратных технологий исследования, подготовка кадров, развитие научных библиотек и музеев, появление тех или иных версий истории дисциплины и т. п.).

¹⁹³ *Розов М.А.* Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии. С. 271.

¹⁹⁴ Там же. С. 273.

3.3. Проблема поиска референтов для изучения сознания

Теперь, когда мы уточнили основные понятия эпистемологического анализа научной деятельности¹⁹⁵, вернемся к тому, как в XX в. складывалась практика изучения сознания. Ниже будут представлены наиболее типичные примеры исследования сознания в XX в., примеры разработки основного «строительного материала» для формирования корпуса научных знаний о сознании. Для этого необходимо начать с рассмотрения психологии и психофизиологии конца XIX в. – первой половины XX в., т. к. именно в этот период были разработаны основные способы и варианты референции сознательных явлений, которые во второй половине XX в. получили массовое использование в современных научных исследованиях и предопределили состояние научных знаний о сознании сегодня.

Наиболее естественные для научного изучения референты знания – это морфологические референты, т. е. представление объекта изучения в материале изучаемого объекта, например, в виде *эталонного эмпирического экземпляра* объекта изучения, который тем или иным способом «законсервирован» для дальнейшего использования в рамках научного исследования. Скажем, биология, химия и геология создали целые музеи и коллекции референтов: в геологии это образцы горных пород, минералов и почв, в биологии – образцы биологических материалов, чучела и законсервированные организмы, в химии – наборы выделенных или синтезированных химических веществ.

С этой точки зрения в социально-гуманитарных науках (в частности, в психологии) долгое время было невозможно эмпирически исследовать сознание человека, т. к. отсутствовали соответствующие морфологические референты. Как об этом писал известный англо-американский психолог (и ученик основателя психологии в Германии Вильгельма Вундта) Эдвард Титченер, «в то время как новооткрытое насекомое или редкий минерал возможно уложить в коробку и переслать от одного наблюдателя к другому в отдалённую страну, – психолог никогда не может подобным образом предоставить свое сознание на рассмотрение другого психолога»¹⁹⁶.

¹⁹⁵ Загидуллин Ж.К., Кузнецова Н.И. Контуры эмпирической эпистемологии на базе теории социальных эстафет. С. 101–124.

¹⁹⁶ Титченер Э.Б. Очерки психологии. СПб., 1898. С. 28.

Иными словами, имеющиеся на конец XIX в. знания о специфике и функционировании сознания не имели своего референта, что породило обоснованные сомнения в том, является ли вообще корпус этих знаний и представлений научным знанием.

Что же позволило науке преодолеть эту ситуацию, выйти за пределы «перспективы первого лица»? Ситуацию резко переломила формирующаяся в это время экспериментальная психология и психофизиология за счет успешного создания (конструирования) разного рода референтов знаний, т. е. представление явлений сознания в доступном для исследования виде. Какие же были созданы референты и в чем их специфика?

В начале XX в. бихевиористы и необихевиористы смогли найти, пусть и своеобразный, морфологический референт человеческого сознания, признав таковым комплекс из экспериментального ящика-лабиринта («проблемный ящик Торндайка») и помещенного в него лабораторного животного (крыса, голубь, дождевые черви, кошка, собака, обезьяна). Такая конструкция позволяла исследователю осуществлять парциальное экспериментальное воздействие на испытуемое животное и трактовать его реакцию на воздействие как признак сознательного поведения, а потом переносить полученные представления о сознательных явлениях с животных на человека. Об этом писал создатель «когнитивного» направления необихевиоризма Эдвард Толмен: «Все самое важное в психологии... может быть установлено в ходе экспериментального и теоретического анализа детерминант поведения крысы в лабиринте»¹⁹⁷.

Вероятно, с позицией Толмена полностью бы согласились и известнейший русский физиолог (с заменой крыс на собак), лауреат Нобелевской премии и создатель теории условных рефлексов И.П. Павлов¹⁹⁸, и современные нейрофизиологи – исследователи сознания¹⁹⁹. Дело в том, что сконструированный Толменом морфологический референт стал настолько популярен, что эта конструкция – ящик-лабиринт и лабораторная крыса – не претерпев значимых изменений, используется и в современных нейронауках. Дру-

¹⁹⁷ Tolman E.C. The determiners of behavior at a choice point // Psychological Review. 1938. No. 45. P. 34.

¹⁹⁸ Павлов И.П. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей деятельности (поведения) животных. М., 1973.

¹⁹⁹ Александров Ю.И., Анохин К.В. и др. Нейрон. Обработка сигналов. Пластичность. Моделирование. Фундаментальное руководство. Тюмень, 2008.

гой вопрос, что сегодня в исследованиях присутствует большое число технологических новшеств, связанных с «приготовлением» крысы к исследованию в виде прикрепления к ней новейших аппаратов фиксации физиологических процессов (от электродов, вживленных в кору головного мозга, до аппаратов, фиксирующих электрическую активность мозга, сердца, кожно-гальванические реакции и т. п.). Предназначение всех этих технических средств – сделать «видимыми» и количественно представимыми процессы в коре головного мозга и теле животного за счет добавления к морфологическому референту сложных знаково-семиотических конструкций, фиксирующих события, происходящие в проблемном ящике. Нейронауки продемонстрировали пример поэтапного развития одного типа референта знаний о сознании и создание на его основе, по сути, нового типа референции (подробнее об этом будет сказано ниже). Как об этом пишут в известном современном учебнике по когнитивным нейронаукам Бернард Баарс и Николь Гейдж, «...идеального метода нет. Наши знания о мозге – это своего рода коллаж из множества фрагментов головоломки, собранных в правдоподобную целостную картину... Технология визуализации мозга обеспечила прорыв в когнитивной нейронауке благодаря добавлению новых фактов к результатам, полученным ранее методами когнитивной психологии, психофизики, поведенческого обусловливания, фундаментальной нейробиологии. До появления этой технологии наши знания основывались на результатах экспериментов на животных и отрывочных клинических наблюдениях за людьми с поражениями мозга»²⁰⁰.

Во многом повышение продуктивности и интенсификация исследований сознания и мозговых процессов в нейронауках связаны с решением именно задачи обеспечения видимости изучаемых процессов. Возникли даже новые методические (инструментальные) научные дисциплины, отвечающие за разработку аппаратных средств изучения сознания и мозга. Например, буквально на наших глазах сегодня возникает новая наука – «нейрофотоника»²⁰¹, дисциплина, изучающая, как средствами оптической физики и

²⁰⁰ Баарс Б., Гейдж Н. Мозг, познание, разум: введение в когнитивные нейронауки: в 2 ч. Ч. 2. М., 2014. С. 33.

²⁰¹ Доронина-Амитонова Л.В. и др. Нейрофотоника: оптические методы исследования и управления мозгом // Успехи физ. наук. 2015. Т. 185. № 4. С. 371–392.

с использованием лазерных технологий сделать прозрачным (в прямом смысле слова, прозрачным для световых лучей) мозг живых (!) крысы, голубя или другого экспериментального животного. Такая технология позволяет исследователям непосредственно увидеть изменения на клеточном уровне в коре головного мозга по результатам выполнения животным заданий экспериментатора, например, зафиксировать клеточные следы памяти. Создание волоконно-оптических эндоскопов и нейроинтерфейсов, по мысли ученых, позволит использовать в исследовательской ситуации живых и подвижных животных, уберет сложные и громоздкие аппараты «просвечивания» мозга (томографы, рентгеновский аппарат и пр.), а также позволит в значительной степени избавиться от субъективности в трактовке результатов работы подобных аппаратов.

Уже из приведенных примеров видно, что морфологический референт в науке, в особенности в изучении сознания, – достаточно сложная рукотворная конструкция, иногда требующая значительной предварительной подготовки участников эксперимента (как, например, вживление фистулы в слюнные железы собакам Павлова). Кроме того, становится очевидным большой недостаток морфологических референтов – они подходят для представления исключительно простых форм сознания и поведения (например, двигательных навыков, простых реакций на внешние воздействия, элементарных условных рефлексов и т. п.). Дело в том, что у Толмена крыса бегает по Т-образному лабиринту, в ответвлениях которого установлена либо еда, либо «наказание» (удар током). По сути, экспериментальная ситуация воспроизводит простейший акт выбора между двумя альтернативами. Понятно, что получаемые знания на таком ограниченном морфологическом референте можно относить к сложному поведению и явлениям сознания человека с большой долей условности. Но, несмотря на это, морфологический референт, сконструированный бихевиористами (ящик-лабиринт с крысой), по-прежнему активно используется в современных нейронаучных исследованиях²⁰², а значит, все трудности и ограничения, связанные с ним, наследуются этими исследованиями.

²⁰² *Анохин К.В.* Молекулярные основы обучения и развития мозга: на пути к синтезу. С. 101–114; *Александров Ю.И., Анохин К.В. и др.* Нейрон. Обработка сигналов. Пластичность. Моделирование. (Фундаментальное руководство). Тюмень, 2008.

Стремление представить морфологически сложные психические феномены неизбежно наталкивается на конструктивные ограничения подобного рода референтов. Это хорошо заметно, например, в попытках тех же бихевиористов представить морфологически высшие формы сознания – самосознание и мышление – в том же бихевиоризме. В частности, в «периферической теории мышления» основатель бихевиоризма Джон Б. Уотсон попытался представить сознательные процессы через совокупность скрытых микродвижений рук и гортани человека, имеющих место при построении речевых высказываний. По его мнению, мышление – это «навык гортани», и его органом служит не мозг, а гортань и рука²⁰³. Ученые хорошо научились фиксировать микродвижения рук и голосового аппарата человека, а также анализировать параллельно идущие макродвижения тела и интеллектуальное поведение испытуемых в процессе решения задач, но никаких значимых для понимания сознания результатов это не дало.

Бихевиористская теория мышления, породив множество экспериментальных исследований, больше способствовала развитию инструментальных средств исследования в психофизиологии и психологии, нежели помогла узнать про мышление нечто новое. Это была неудачная попытка, но она показала ученым всю проблематичность поиска и конструирования морфологических референтов для изучения сознания. Впрочем, современные наследники бихевиоризма – когнитивные психологи – не оставляют надежд на создание морфологических референтов для сложных психических феноменов (познавательных процессов), что проявляется в стремлении использовать в этом качестве компьютеры и различные человеко-машинные комплексы²⁰⁴.

Эпистемологическая революция в изучении сознания произошла в конце XIX – начале XX вв. в экспериментальной психологии. Классик и основатель первой психологической лаборатории экспериментальной психологии Вильгельм Вундт и его ученики смогли сконструировать и ввести в научный оборот новый особый тип референтов знаний о сознании – *функциональные референ-*

²⁰³ Уотсон Дж. Бихевиоризм // История психологии. Период открытого кризиса (начало 10-х – середина 30-х годов XX века). М., 1992. С. 106.

²⁰⁴ Величковский Б.М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. М., 2006.

ты, то есть знаково-семиотические заменители объекта изучения. У Вундта это получилось только после того, как он изменил всю ситуацию научного эксперимента по изучению сознания.

Традиционно Вундту приписывают честь внедрения в психологию экспериментального метода, соединившего организационный каркас психофизиологического эксперимента и интроспекцию как метод непосредственного изучения сознания. Как писал Титченер, изучение сознания «основывается на самонаблюдении большого числа опытных наблюдателей»²⁰⁵. Обращает на себя внимание термин «*опытный наблюдатель*», который становится понятным только в контексте нововведений Вундта. В частности, Вундт установил жесткое правило: каждый испытуемый в психологическом эксперименте должен пройти длительную подготовку по освоению метода «организованной интроспекции». По сведениям авторитетного американского историка психологии Эдвина Боринга, «Вундт указывал, что ни один испытуемый, который выполнил менее 10 000 интроспективно проконтролированных реакций, не подходит как источник сведений для публикации из его лаборатории»²⁰⁶.

Испытуемые, прежде чем стать «опытными наблюдателями», должны были освоить язык и технику описания психических элементов сознания, которые могли бы быть «восприняты» в ходе эксперимента. Список этих элементов был задан систематикой психических феноменов, детально разработанной Вундтом²⁰⁷.

Каждому экспериментальному стимулу, вызывающему сложную (многосоставную) сенсорную реакцию испытуемого, Вундт поставил в соответствие нормативный состав сенсорных элементов этой реакции. Вот как описывались, например, вкусовые ощущения: «*”вкус”* лимонада состоит из сладкого вкуса, кислого вкуса, запаха (аромат лимона), ощущения температуры и ощущений чего-то острого, щиплющего (осязательное ощущение). “*Вкус”* известковой воды состоит из слегка сладковатого вкуса, из ощущения тошноты (обычное ощущение), ощущения температуры и

²⁰⁵ Титченер Э.Б. Очерки психологии. СПб., 1898. С. 25.

²⁰⁶ Боринг Э.Г. История интроспекции // История психологии. Период открытого кризиса (начало 10-х – середина 30-х годов XX века). С. 25.

²⁰⁷ Вундт В. Очерк психологии. СПб., 1896; Вундт В. Основы физиологической психологии. Об элементах душевной жизни. Интенсивность ощущения. М., 2010.

жгучего (осязательного) ощущения. “Вкус” чая состоит из горького вкуса, из запаха, из ощущения температуры и из вяжущего (осязательного) ощущения»²⁰⁸. Испытуемые после некоторой тренировки «узнавали» в себе только определенные реакции и описывали их вундтовскими шаблонными фразами-описаниями. Кроме того, для унификации «узнавания» Вундт настаивал на том, чтобы испытуемый и экспериментатор регулярно менялись местами, добиваясь тем самым еще и единообразия «понимания» того, о чем говорят испытуемые. Вундт кодифицировал описания психических феноменов сознания и организовал использование испытуемыми и экспериментаторами этих шаблонных текстов-описаний, которые, по сути, и были функциональными *референтами-заменителями* психических феноменов сознания, пригодных для научного изучения.

Важное конструктивное требование к функциональным референтам состоит в том, что они должны позволять применять к ним исследовательские процедуры (измерение, анализ, эксперимент и т. п.). Варьируя и усложняя сенсорные стимулы, восприятие которых испытуемые описывали стандартным набором фраз, Вундт изучал закономерности соединения элементов сознания (т. е. шаблонных фраз) друг с другом в зависимости от стимула, т. е. исследовал особенности и правила соединения введенных им референтов в восприятии испытуемых.

Конструктор, на базе которого создавался набор референтов экспериментальной психологии, Вундт позаимствовал из физиологии органов чувств (не случайно он вначале назвал развиваемую им психологию «физиологической»). Вся совокупность элементарных сенсорных ощущений (общим числом, по подсчетам Титченера, 42 415 элементов) была привязана к строению и особенностям функционирования органов чувств человека и служила, по мнению Титченера, источником «откуда черпается все содержание души нормального человека»²⁰⁹.

Таким образом, Вундт, сконструировав функциональные референты для психологии, открыл ворота для систематического производства научных знаний о сознании.

²⁰⁸ Титченер Э.Б. Указ. соч. С. 42.

²⁰⁹ Там же. С. 52–53.

Найденный Вундтом способ задания референтов в дальнейшем активно использовался учеными, например, при построении различных типологий личности. Так, известный немецкий психиатр из Вюрцбурга Карл Леонгард, составил в 1970-х гг. типологию «акцентуированных черт личности», понятах как чрезмерно усиленные индивидуальные черты личности, обладающие тенденцией к переходу в патологическое состояние при неблагоприятных обстоятельствах²¹⁰. Для их представления он предложил использовать тексты-описания, взятые из классических литературных произведений (кодифицированных самой культурой): Толстого, Достоевского, Гоголя, Шекспира, Сервантеса, Бальзака, Гёте, Стендаля²¹¹. По мнению Леонгарда, гениальные писатели умеют прекрасно изображать «не только типических персонажей, но и типические ситуации», где проявляется «единообразие поведения... типических персонажей, подчеркивая типичность их манер, реплик»²¹². Литературные описания выступили в роли функциональных референтов-заменителей изучаемых Леонгардом акцентуированных личностей, т. е. по выполняемой *эпистемической задаче* были аналогичны описаниям элементов сознания В. Вундта. С этой точки зрения становится понятна важнейшая роль художественной литературы для изучения сознания: она выступает в качестве неисчерпаемого источника разнообразных референтов научных знаний.

Серьезную помощь в поиске подходящих референтов для изучения сознания оказали психиатрия и психотерапия (психоанализ). В своей развитой форме психоанализ разработал ряд *функциональных референтов* для такого сложного объекта изучения как «сознание психически больного человека». В отличие от нововведений Вундта, референтами стали не стандартизированные шаблонные фразы (эквивалент «атомов сознания»), а сложно устроенные и целостные «классические случаи лечения», описанные, проанализированные и введённые в научный оборот основателем психоанализа Зигмундом Фрейдом и его коллегами (психиатрами, психотерапевтами). Случаи-референты включали в себя описание симптомов, биографические и объективные данные о жизни

²¹⁰ Леонгард К. Акцентуированные личности. Киев, 1989.

²¹¹ Там же. С. 252–529.

²¹² Там же. С. 290.

пациентов, историю болезни, ход и результаты лечения. Хорошо известны случаи «Анны О.», «Доры», «человека с волками», «маленького Ганса»²¹³, а в экзистенциальной психотерапии – случай «Эллен Вест»²¹⁴. Эпистемологическая функция этих случаев-референтов состоит не только в том, чтобы продемонстрировать эффективность лечения, тем более, имеется масса фактов, доказывающих, что главные персонажи этих случаев не всегда были избавлены от своих симптомов²¹⁵. Классические случаи нужны для того, чтобы представить *в стандартизированной форме*²¹⁶ изучаемый психический феномен, сохранив его структурную и качественную сложность, а также дать возможность строить различные гипотезы и объяснения о причинах болезни, типологии симптомов заболевания, эффективности медикаментозного лечения и т. п. Именно это и требуется от референта научных знаний.

Одним из самых известных и любопытных для эпистемологического анализа случаев-референтов в экзистенциальной психологии является «случай Эллен Вест»: описание истории болезни и хода неудачного лечения в начале XX в. 30-летней девушки Эллен Вест. Она страдала, как мы бы сейчас сказали, «расстройством пищевого поведения» (данное заболевание имеет код F50.0 в соответствии с принятой сегодня классификацией психических заболеваний – МКБ-10²¹⁷).

Эллен была пациенткой ряда психиатров, в том числе двух очень известных – Эмиля Крепелина (ученик Вундта и автор до сих пор используемой классификации психических заболеваний) и Эйгена Блейлера (он ввел понятие «шизофрения» и описал ее

²¹³ Фрейд З. Знаменитые случаи из практики. М., 2007.

²¹⁴ Бинсвангер Л. Случай Эллен Вест. Антрополого-клиническое исследование // Экзистенциальная психология. Экзистенция. М., 2001. С. 361–511.

²¹⁵ Руткевич А. М. Как Фрейд подгонял факты под свою теорию // Руткевич А. М. Психоанализ. Истоки и первые этапы развития: Курс лекций. М., 1997. С. 156–161.

²¹⁶ В психиатрии и психотерапии давно сложились стандартные формы описания случая (для взрослых и детей – свои), обычно зафиксированные в виде таблиц или структурированных для записей листков, куда вписываются данные анамнеза (история болезни) и катамнеза (история болезни после выписки больного из лечебницы).

²¹⁷ Классификация психических и поведенческих расстройств: клинические описания и указания по диагностике. Международная классификация болезней, 10-й пересмотр (МКБ-10). Киев, 2005. С. 176.

виды). Они диагностировали у нее меланхолию и шизофрению, но вопреки проводимому ими лечению Эллиен Вест покончила жизнь самоубийством в 1918 г. Сам же случай был воссоздан в 1944 г. известным швейцарским психиатром и основоположником экзистенциальной психологии Людвигом Бинсвангером по материалам, обнаруженным в архивах возглавляемой им психиатрической больницы в Швейцарии.

Бинсвангер вместе с подробным описанием «случая Эллиен Вест» дал свою версию причин ее заболевания. Спустя много лет после Бинсвангера два других лидера экзистенциального движения в психологии – Карл Роджерс и Ролло Мэй – построили свои альтернативные версии объяснения этого случая²¹⁸. Бинсвангер считал, что Крепелин и Блейлер изначально неверно трактовали страдания Эллиен Вест как выражение конституционно-генетических особенностей ее организма. Страдания, по мнению Бинсвангера, были выражением «болезни к смерти», и то, что Эллиен покончила жизнь самоубийством, есть подлинное проявление ее экзистенции²¹⁹. Напротив, Мэй и Роджерс выступили резко против интерпретации позитивного смысла (подлинности) самоубийства Эллиен Вест. Мэй считал, что психиатры проглядели «банальную анорексию», а общую подростковую увлеченность девушки философией спутали с «синдромом философской интоксикации», свойственного для раннего начала шизофрении²²⁰. В свою очередь, Роджерс делал упор на другом аспекте этого случая: он считал, что родители и психиатры не разглядели в Эллиен Вест человеческого достоинства, ее подавляли и отрицали ее выбор²²¹. По его мнению, Эллиен была доведена родными и врачами до отчаяния, что подтолкнуло ее к самоубийству.

Таким образом, «случай Эллиен Вест» позволил построить четыре полноценные версии объяснения произошедшего (Э. Крепелина/Э. Блейлера, Л. Бинсвангера, Р. Мэя, К. Роджерса) и тем са-

²¹⁸ Бинсвангер Л., Мэй Р., Роджерс К. Три взгляда на случай Эллиен Вест // Консультативная психология и психотерапия. 1993. № 3. С. 25–74.

²¹⁹ Там же. С. 432–433.

²²⁰ May R. The Discovery of Being: Writings in Existential Psychology. N.Y.: Norton, 1983. P. 40–42.

²²¹ Rogers C. Ellen West and Loneliness // Review of Existential Psychology and Psychiatry. 1961. Vol. 1. No. 2. P. 94–101.

мым выполнил роль функционального референта, прекрасно представившего особенности сознания больной девушки в контексте ее жизни и лечения.

Небезынтересно и то, что отечественная психиатрия также активно использовала эпистемологические находки психоанализа. Так, хорошо известны примеры кочующих в психиатрии и психопатологии из учебника в учебник описаний ряда конкретных случаев-пациентов: больной шизофренией («председатель всего мира»), больной-эпилептик («дом с тысячью окнами»), синдром Кандинского-Клерамбо («враги посредством невидимых лучей заставляет меня делать то, что я не хочу») ²²². Эти примеры выполняют ту же эпистемологическую функцию, что и классические случаи в психоанализе, – представляют объект исследования в наглядном и типизированном виде (референт знаний).

Классические случаи-референты (чей «возраст» нередко исчисляется 70–100 годами ²²³) до сих пор являются обязательным элементом подготовки клинических психологов, психиатров и психотерапевтов: углубленное знакомство с ними позволяет освоить навык выделения тех аспектов, которые психологическая наука и практика считают важными в изучаемом объекте (характеристики сознания больной личности, бессознательного, экзистенции). При этом случаи-референты давно вышли за пределы психиатрии и представляют различные психологические феномены нормальных или избирательно гениальных людей ²²⁴. Тут можно добавить также, что успех дискурса-анализа и нарративного анализа явлений сознания ²²⁵ будет во многом зависеть от возможностей исследователя получить доступ к подобному рода случаям-референтам, т. к. этот тип функциональных референтов фиксирует человеческое сознание в форме связного рассказа, совокупности языковых выражений, языковых практик и к нему удобно применять соответствующие методы изучения.

В конце XX в. в современной когнитивной науке появился счастливый пример обретения единого функционального референта для множества научных знаний о сознании. Вероятно, имен-

²²² Руководство по психиатрии. / Под ред. А.В. Снежневского: в 2 т. М., 1983.

²²³ *Каннабих Ю.В.* История психиатрии. 2е изд. М., 2015.

²²⁴ *Лурия А. Р.* Маленькая книжка о большой памяти // Хрестоматия по общей психологии. Психология памяти. М., 1979. С. 193-207; *Роллс Дж.* Классические случаи в психологии. СПб., 2010.

²²⁵ *Харре Р.* Гибридная психология: союз дискурса-анализа с нейронаукой. С. 38–63.

но этим можно объяснить успехи когнитивных ученых в описании эмпирических фактов и закономерностей. Речь идет о гигантском рывке в развитии нейропсихологии и других нейронаук, который стал возможен благодаря введению в оборот оптических методов исследования мозга – позитронно-эмиссионная томография (ПЭТ), магнитно-резонансная томография (МРТ), функциональная МРТ (фМРТ) и магнитная энцефалография (МЭГ). Наибольшее распространение из них получил метод фМРТ как самый удобный.

Как известно, нейропсихология во многом была создана усилиями советского классика психологии А.Р. Лурия (соратник и ученик Л.С. Выготского) и его коллег. Лурия стремился выяснить, в какой мере психические процессы реализуются в мозговых структурах и, наоборот, как можно из понимания мозговых структур и их динамической организации понять что-то о сознании, памяти, мышлении, восприятии. Он исследовал послевоенных пациентов – людей с осколочными ранениями головы. Лурия разрабатывал способы диагностики психических нарушений у таких больных и возможности их реабилитации. В 1940–1950 гг. «увидеть» человеческий мозг в работе было невозможно. Поэтому в создаваемой дисциплине все держалось на гениальной интуиции самого А.Р. Лурии. Он рисовал обобщенные и абстрактные рисунки-схемы коры головного мозга человека и отмечал на них функциональное распределение психических функций, которое смог обнаружить в ходе традиционного патопсихологического исследования пациентов с осколочными ранениями. Как сейчас выясняется, его рисунки были очень точны. Но когда в 1990-х гг. появилась ядерно-магнитная томография (а потом модифицированная и улучшенная версия этого метода – фМРТ), нужда в интуиции Лурии отпала – появился способ «увидеть» функционирование головного мозга человека. Ученые при помощи контрастного вещества и аппаратуры с магнитами (но без рентгена) смогли визуализировать кровоток в тканях коры головного мозга. Согласно нейрофизиологической теории, что приток крови есть признак активизации того или иного отдела мозга, следовательно, ученые получили возможность видеть по-слойно и в динамике картину изменения кровоснабжения, а значит, и активности мозга, точнее, разных частей мозга – в зависимости от того, чем занят испытуемый, который теперь мог оставаться в сознании и выполнять различные психологические задачи.

Вообще сам способ создания функционального референта при помощи увязывания субъективных и объективно измеряемых процессов, как это имеет место в случае использования метода фМРТ для изучения активности головного мозга человека и животных, далеко не нов. Еще в 1930-е гг. А.Р. Лурия использовал похожий прием при изобретении полиграфа («детектора лжи») в связи с практическим запросом правоохранительных органов²²⁶. При разработке полиграфа Лурия опирался на свой более ранний опыт создания сопряжённой моторной методики для исследования аффективных реакций²²⁷. Он пришел к выводу, что «единственная возможность изучить механику внутренних “скрытых” процессов сводится к тому, чтобы соединить эти скрытые процессы с каким-нибудь одновременно протекающим рядом доступных для непосредственного наблюдения процессов поведения, в которых внутренние закономерности и соотношения находили бы себе отражения»²²⁸. Фактически, Лурия искал подходящие референты для изучаемых «внутренних процессов» и нашел их в записи рисунка «простого нажима пальцем на воспринимающую пневматическую таблицу», сопряженную с ассоциативным экспериментом известного психотерапевта и создателя аналитической психологии К.Г. Юнга. В эксперименте Юнга испытуемого просят сказать первое пришедшее на ум слово в ответ на стимульное слово, и при этом измеряется время латентной реакции – время, потребовавшееся на ответ. Считается, что отклонение от среднего времени латентной реакции демонстрирует аффективную (конфликтной природы) значимость стимульного слова²²⁹.

Однако для целей уголовного судопроизводства анализ этого рисунка был слишком сложен, поэтому Лурия изменил методику, а именно – связал ассоциативный эксперимент со стандартным физиологическим измерением частоты сердцебиения и кожно-

²²⁶ Лурия А.Р. Психология в определении следов преступления // Лурия А.Р. Психологическое наследие: Избранные труды по общей психологии. М., 2003. С. 106–125.

²²⁷ Лурия А.Р. Сопряженная моторная методика и ее применение в исследовании аффективных реакций (экспериментально-психологическое исследование) // Лурия А.Р. Психологическое наследие: Избр. тр. по общ. психологии. М., 2003. С. 51–105.

²²⁸ Там же. С. 60.

²²⁹ Лурия А.Р. Природа человеческих конфликтов. М., 2002.

гальванических реакций рук (сопротивление кожи меняется, если человек вспотел) у испытуемых во время ответов на вопросы или реакции на стимульное слово. По мысли Лурия, такое сочетание методик позволило не просто определить аффективно значимое слово, но и делать это *вопреки* сознательному желанию испытуемых (преступников) подавить или исказить свои реакции. Иными словами, сочетание субъективных заданий (индивидуальная подборка стимульного ряда слов и вопросов) и объективно фиксируемых физиологических параметров волнения (внутреннего конфликта) испытуемых и обеспечило желаемый эффект. Построенный Лурией функциональный, знаково-семиотический референт аффективных реакций человека (параллельная запись предъявляемого стимульного материала и динамики изменения физиологических параметров состояния человека), соединенный с относительно простым аппаратным оборудованием, оказался настолько эффективным, что нашел себе массовое использование не только в уголовной практике, но и во многих психологических экспериментах, в психиатрии, при подготовке политиков, артистов, разведчиков. Более того, поскольку аффективные реакции теперь были «видны» в момент их осуществления (появилась «обратная связь»), то на основе полиграфа были разработаны аппаратные комплексы, призванные научить человека (спортсмена, разведчика) сознательно управлять своими реакциями, включая управление физиологическими процессами.

Но вернемся к методу фМРТ головного мозга. По сути, этот метод смог воплотить давнюю мечту Титченера: явления сознания человека стали видны и доступны исследованию, а их запись в виде трехмерной компьютерной модели теперь легко можно переслать коллеге на другой континент. Огромным шагом вперед для нейробиологии и нейрофизиологии стало применение трехмерного компьютерного моделирования для изображения мозга. Сегодня активно используются динамические 3D-модели коры головного мозга: ими можно манипулировать (поворачивать, выделять слои, прогнозировать изменение картинки), проводить математическую и статистическую обработку (например, оценивать частоту задействования определенного участка мозга при одних и тех же интеллектуальных операциях у разных людей) и многое другое, что предопределило бурное развитие нейронаук в последние десятилетия.

У нейропсихологии (и еще у ряда дисциплин, входящих в круг когнитивной науки) появился очень своеобразный функциональный референт знаний о сознании и других психических процессах. Эпистемологическая специфика такого способа представления работы мозга состоит в том, что данный референт не содержит теорий, заранее объясняющих связь психических процессов и работу мозга, т. е. отсутствует так называемая «теоретическая нагруженность фактов». По отношению к получаемому от фМРТ изображению работы мозга можно ставить различные исследовательские цели, применять различные теории и по разному объяснять, что происходит в коре головного мозга человека. Данный тезис можно проиллюстрировать тем, что один и тот же референт активно используется различными научными дисциплинами (нейропсихологией, нейрофизиологией, когнитивной психологией и нейронаукой в целом) для своих, совсем не связанных друг с другом, теорий.

Одна из важнейших задач науки – обеспечение теоретической нейтральности «используемого» референта научных знаний – трудно выполнима в случае изучения человеческого сознания. И большая удача современных ученых состоит в том, что оптические методы изучения (фМРТ является оптическим методом) позволяют изучать явления сознания и их реализацию в мозговых процессах человека или экспериментальных животных. Решение задачи нейтральности референта требует достаточно нетривиальных технических решений. Это значит, что в науке постоянно должны идти методические и технологические исследования, ориентированные на улучшение способа представления объекта познания, чтобы сделать его более наглядным, более «чистым».

Сами ученые активно рефлектируют бурное развитие аппаратных средств изучения мозга. Например, известный нейробиолог и пионер в исследованиях компьютерной нейронауки Терренс Дж. Седжновски систематизировал данные о развитии аппаратных средств по исследованию различных таксономических единиц нейронауки при изучения мозга за более чем четверть века истории этих дисциплин (1988–2014 гг.)²³⁰. Он составил матрицу, где размерность исследуемых объектов (от синапсов к отдельным структурам мозга и мозгу в целом) сопоставлена с исследуемой

²³⁰ *Sejnowski T.J. Summary: Cognition in 2014 // Cold Spring Harbor Symposium Quantitative Biology. 2014. Vol. 79. P. 238.*

длительностью работы мозга (от наносекунд до нескольких дней). И в так сконструированном пространстве разместил различные оптические методы исследования мозга (такие как фМРТ, позитронно-эмиссионная томография, локальная регистрация потенциала, электронная микроскопия и т. п.).

Оказалось (см. Рис. 2), что за период с 1988-го по 2014-й год аппаратные средства изучения мозга вдвое увеличили свое «покрытие», и сегодня они заполняют матрицу на 75–80 % (т. е. способны обеспечить исследование выбранных единиц организации мозга в течение заданного временного промежутка функционирования мозга примерно в $\frac{3}{4}$ случаев).

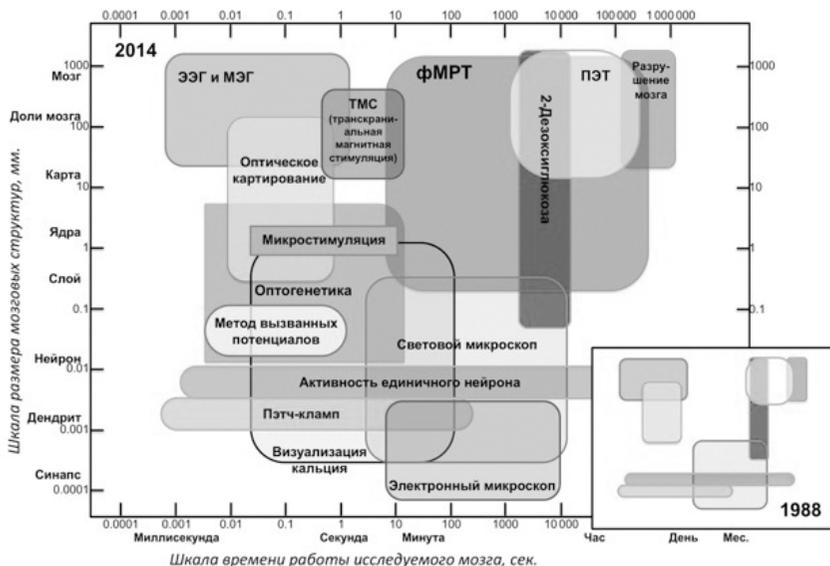

Рис. 2. Динамика развития методов регистрации нейронной активности в современной нейронауке за период с 1988 по 2014 гг. (Sejnowski T.J., 2014)

По сути, нейрофизиологи и нейробиологи в этой матрице зафиксировали пространство для проектирования и конструирования референтов знаний о мозговых процессах (в том числе сопровождающиеся явлениями сознания). Пока это еще не сами рефе-

ренты, т. к. в матрице указаны только методы регистрации активности, но любой ученый, глядя на эту матрицу, уже может сформулировать для себя принципиальное задание на создание такого референта. Матрица помогает определить практическую задачу поиска конструкции референта, которая бы объединяла испытуемого и аппаратные средства регистрации нейронной активности в рамках экспериментальной ситуации так, чтобы была обеспечена наглядность и доступность мозга и явлений сознания для исследования в рамках заранее определенных параметров объекта изучения (размерность исследуемых мозговых структур и длительность функционирования их в эксперименте).

Описанные выше функциональные и морфологические референты знаний о явлениях сознания, изобретенные в XX в., не могли полностью удовлетворить возрастающие запросы современной научной (экспериментальной) практики. Поиски новых референтов ни на минуту не прекращались. Уже упомянутый нами Зигмунд Фрейд, создавая психоанализ как научную дисциплину (как метанауку), стремился обеспечить ее новыми и эвристичными референтами, что ему не без блеска удалось сделать.

Важнейшая заслуга Фрейда состоит в том, что он одним из первых ввел в научный оборот третий тип референтов знаний о сознании – их условно можно назвать методические референты. В чем их отличие от вышеописанных морфологических и функциональных референтов? Их особенность в том, что они представляют объект изучения не через его материал (морфологию) и не через его функциональный заменитель (знаково-семиотическую конструкцию), а посредством *подробно описанной и стандартизированной процедуры (методики) получения воспроизводимого представления объекта изучения для конкретного исследования*. В случае психоанализа речь идет о сновидениях. Психоаналитики изучают и объясняют то, что получается в процессе применения методики толкования сновидений. При этом заранее сказать, что именно будет получено, нельзя, известна только методика толкования снов.

Принципиальное отличие методического референта от морфологического и функционального состоит в том, что он *не находится в отношениях подобия или изоморфности* с изучаемым объектом. Получаемые объектные представления, фактически, имеют «од-

норазовый характер» под конкретное исследование и конкретного пациента. Но благодаря описанной и опробованной методике – такой «одноразовый» референт знания можно получать бесконечное число раз (воспроизводимость референта обеспечена).

Другой вопрос, что задача обеспечения *соразмерности* (эпистемологической адекватности) методики изучаемому объекту, конечно же, имеет значение для введения в научный оборот методических референтов. В большинстве случаев это достигается за счет валидации и статистической выверки используемой методики: уточнение процедур производится после многократного пробного использования методики на статистически значимом объеме исследуемого материала. Только после такой «подгонки» она объявляется методическим референтом и начинает активно участвовать в массовом производстве научных знаний.

Фрейд предложил на роль ключевого методического референта изучаемых психоанализом сознательных и бессознательных явлений запись сновидений человека²³¹. В самом деле, сновидения значительно удобнее вундтовских шаблонных фраз: не надо специально готовить испытуемых и предлагать им заучивать тексты-описания психических феноменов сознания.

Фрейд считал, что «толкование сновидений есть Царская дорога к познанию бессознательного в душевной жизни»²³². Вопреки неповторимости снов (ни одно сновидение не повторяется дважды), каждый человек может их представить в отчужденной письменной форме. Запись сновидения была использована Фрейдом в качестве референта бессознательных процессов. Однако сама по себе запись мало что значила. Непосредственно референт появлялся в процессе процедурно организованного толкования сновидения. Фрейд продемонстрировал это на культурных образцах, анализируя широко известные сновидения Леонардо да Винчи или Федора Достоевского²³³.

В реальной психоаналитической практике толкование сновидение – это сложный, требующий высокой квалификации, процесс: записанное сновидение психоаналитик последовательно несколько раз подряд толкует вместе с пациентом, выделяя раз-

²³¹ Фрейд З. Толкование сновидений. М., 2005.

²³² Там же. С. 277.

²³³ Фрейд З. Воспоминания Леонардо да Винчи о раннем детстве. М., 2006.

личные смысловые, сюжетные и символические единицы. Например, анализ сновидения начинается с того, что пациент расчленяет свой записанный сон, выделяя в нем сюжет и сюжетные события, в которых динамические параметры состояния главного героя сновидения («протагониста») ярко выражены (гнев, страх, неадекватное безразличие, вялость и т. п.). Потом в тексте сновидения опознаются общеупотребимые символы проявлений основных сил бессознательной психики (Либи́до и Морти́до), которые описал и систематизировал Фрейд. Далее в сновидении анализируются так называемые «дневные остатки»: выделяется всё, что хоть как-то напоминает протагонисту события прошедшего дня или более длительного периода. Делается это при помощи метода свободных ассоциаций, когда пациент озвучивает любые свои воспоминания или ассоциации по каждому ключевому элементу сновидения, в том числе с учётом всех сделанных им невольных ошибок при написании или произнесении текста сновидения (описки, ослышки, оговорки). И только затем психоаналитиком строится полноценная смысловая (сюжетная) интерпретация сновидения, в которой особое внимание уделяется динамическим аспектам истории (нарратива) сновидения, а также тем эмоциональным реакциям, которые обнаруживаются во время анализа сновидения у пациента и у самого психоаналитика (учет субъективности психоаналитика). Конечная интерпретация сновидения должна учитывать как общезначимые символы, так и «дневные остатки», а также динамические элементы сюжета сновидения и различные психологические события сеанса терапии. Интерпретация сновидения фиксируется в терминах структурных представлений психоанализа о психике и сознании человека (Я, Оно, Сверх-Я), и должна доходить до постановки диагноза или определения ключевого невротического конфликта, имеющегося у данного пациента и выраженного в данном сновидении. Примерно так психоаналитик проводит работу по толкованию каждого сновидения, следуя методическим указаниям Фрейда и заданным образцам толкования.

Представленная выше техника толкования сновидений была методически описана и вошла в обязательный арсенал любого психоаналитика²³⁴. Как видно, техника толкования сновидения

²³⁴ *Томэ Х., Кёхэле Х.* Современный психоанализ. Т. 1–2. М., 1996; *Гринсон Р.Р.* Техника и практика психоанализа. М., 2003.

достаточно сложна и насыщена разнообразными знаково-семиотическими средствами анализа. С эпистемологической точки зрения процедура толкования позволяет сформировать методический референт знания за счет того, что в уникальном и неповторимом сновидении выделяются общезначимые символы и смысловые сюжетные интерпретации. Полученный результат анализа сновидения можно изучать, сравнивать и классифицировать, т. е. подвергать уже общенаучным процедурам исследования, вплоть до математической обработки и типологических обобщений (в рамках психоаналитической типологии личности, построенной на основе выделения ядерного невротического конфликта).

Немного забегаая вперед, добавим, что результат анализа сновидения также соотносился с хорошо разработанной систематикой психоаналитических диагнозов, каждый из которых содержит и описания симптоматики, и гипотезы о причинах и генезисе заболевания, и рекомендации по дальнейшему излечению пациента. Иными словами, «приготовленный» психоаналитиком методический референт знания на материале конкретного пациента и его сновидения связывался с описанием потенциального акта деятельности (терапевтические воздействия и рекомендации). В итоге у психоаналитика получается референт знания, сопряжённый с соответствующим репрезентатором (об их специфике будет сказано ниже), а вместе они образуют знание о данном типе неврозов и способах его лечения.

Тот же прием по созданию методических референтов, что и у Фрейда, активно используется в психодиагностических тестах²³⁵. Если первоначально психологические тесты создавались, исходя из определённых представлений об интеллекте, личности, способностях (тесты Стэнфорд-Бине, шкалы интеллекта Кетелла, Миннесотский многоаспектный личностный опросник ММРП и т. п.), то сегодня все перевернулось. Как саркастически заметил историк психологии Э. Боринг, «интеллектом называется то, что измеряют тесты»²³⁶. Эта фраза очень точно фиксирует практику работы психологов с референтом знания и критическое значение референта для научного исследования, без которого у ученых нет возможно-

²³⁵ Анастаси А., Урбина С. Психологическое тестирование. СПб., 2007; Бодалев А.А., Столин В.В., Аванесов В.С. Общая психодиагностика. СПб., 2000.

²³⁶ Boring E.G. Intelligence as The Test It // New Republic. 1923. No. 36. P. 35–37.

сти производить знание, но когда он появился, то нередко происходит рефлексивное «схлопывание»: средство исследования становится объектом изучения, точнее – становится полноправным представителем исследуемого объекта изучения.

Психологические тесты стали неизменным элементом многих экспериментальных исследований в психологии²³⁷, и это объясняется тем, что они позволили зафиксировать и представить для изучения объекты психологии (профиль личности, сознание и самосознание личности и т. п.). Стандартная схема такого научного исследования состоит в том, что на первом этапе ученый «формирует» методический референт изучаемого объекта – проводит тестирование будущих испытуемых несколькими тестами, потом организует тот или иной эксперимент с их участием, а в заключение вновь подвергает обследованию с помощью того же набора психологических тестов, который использовался на первом этапе. За счет последнего шага психолог фиксирует изменения в объекте изучения под воздействием эксперимента. Использование на первом этапе и в конце исследования тех же самых психодиагностических тестов также гарантирует ученому постоянство объекта изучения и корректность получаемых знаний, так как они получены при работе с одним и тем же референтом.

Известный психолог и методолог экспериментирования в психологии Дональд Т. Кэмпбелл классифицировал все возможные планы экспериментальных исследований в психологии²³⁸ – получилось 16 планов²³⁹, из которых двенадцать (!) самых используемых содержат в себе описанную выше схему выделения методического референта – предварительное и последующее обследование испытуемых набором тестов. Популярность такого способа задания референта научных знаний подтверждают также сведения аме-

²³⁷ Современная экспериментальная психология: в 2 т. М., 2011.

²³⁸ *Кэмпбелл Д.* Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях. М., 1980. С. 34–191.

²³⁹ Речь идет о планах (схемах) экспериментов в психологии, в которых выражено принципиальное устройство эксперимента для того, чтобы «связать вмешательство с эффектом и исключить все другие объяснения наблюдаемого изменения». Делается это за счет наличия контрольных групп, предварительного и последующего тестирования, различных способов обеспечения валидности результатов и нивелирования влияния экспериментатора или обстоятельств эксперимента на испытуемых.

риканских социологов науки, которые подсчитали, что, начиная с 1980-х гг. XX в., тесты присутствуют более чем в трети всех проводимых исследований в американской и европейской психологии²⁴⁰.

Есть другой, не менее показательный пример использования методических референтов знаний в экспериментальной психологии и когнитивной науки. Один из известных советско-российских психологов, профессор МГУ Ю.Б. Гиппенрейтер на заре своей академической карьеры (в 1962–1978 гг.) проводила под руководством классика советской психологии А.Н. Леонтьева масштабные исследования познавательных процессов человека на материале изучения процесса решения зрительных, двигательных (ручных) и мысленных (в уме) задач. В качестве способа представления изучаемых познавательных процессов Ю.Б. Гиппенрейтер использовала фиксируемую специальными техническими средствами *запись произвольных и произвольных движений глаз испытуемых*²⁴¹: траектория движения глаз, длительность фиксации на одной точке, координацию движений глаз и руки. Как она пишет, «главным и безусловным фактором, определяющим движение глаз... является решаемая субъектом задача... движения глаз являются элементами целенаправленной деятельности человека»²⁴². Понятно, что Гиппенрейтер не пыталась выдать запись движений глаз за сами познавательные процессы, как это в свое время сделал упомянутый ранее Дж. Уотсон. Гиппенрейтер использовала запись как своеобразный *методический референт*, представляющий сознательные интеллектуальные процессы в доступном для изучения виде.

После того как Гиппенрейтер получила картину двигательной активности глаз у значительного числа испытуемых в разных обстоятельствах решения интеллектуальных задач, она начала строить объяснительные гипотезы и применять статистические методы анализа к полученным данным (записям движения глаз). В результате проведённой исследовательской работы она сделала вывод, что исследование позволило обнаружить объективный метод «анализа временной структуры деятельности», а также представить произвольные саккадические движения глаз в ка-

²⁴⁰ Koch S. Postscript // A Century of psychology as science. Washington, 1992. P. 951–968.

²⁴¹ Гиппенрейтер Ю.Б. Движение человеческого глаза. М., 1978.

²⁴² Там же. С. 11–12.

честве «объективного индикатора структурных единиц деятельности»²⁴³. На этом примере хорошо видно, как ученые используют описанный способ задания объекта изучения (посредством создания методического референта знания) не через конкретные характеристики объекта, а через процедурно *организованную методику* получения искомых объектных характеристик. Надо сказать, что сама методика изучения психических процессов через регистрацию движений глаз остается по-прежнему востребованной в экспериментальной психологии, благо, что современные аппаратные возможности²⁴⁴ позволяют делать это более точно и более комфортно для испытуемого²⁴⁵.

В этом плане можно утверждать, что в основе методического референта изначально лежит либо морфологический, либо функциональный (как при регистрации движения глаз) способ представления изучаемого объекта, однако получаемые представления имеют быстро преходящий или уникальный характер. Понятно, что референт должен представлять объект изучения в предположении о его типичности, распространенности, чтобы получаемые знания от манипулирования с этим референтом можно было относить к большому классу конкретных объектов изучения. Поэтому ученые начинают стандартизировать саму методику получения «одноразовых» объектных представлений, т. е. этот тип референтов целенаправленно «очищается» от уникальности морфологии представляемого объекта изучения. Смысл такой «очистки» – обеспечить воспроизводимость результатов использования методики и резко расширить сферу ее применения.

Еще одним очень показательным примером формирования методического референта является психологический личностный опросник. Известный британский ученый-психолог, создатель факторной модели личности и популярных тестов интеллекта IQ Ганс Айзенк считает, что психологи строят факторные теории лич-

²⁴³ Гиппенрейтер Ю.Б. Движение человеческого глаза. С. 237.

²⁴⁴ Сейчас подобная установка называется «айтрекер» система видеорегистрации движений глаз человека, а результаты работы этой аппаратуры называются «окулограмма».

²⁴⁵ Барабанчиков В.А., Окутина Г.Ю., Окутин О.Л. Чувствительность айтрекеров и точность регистрации движения глаз // Современная экспериментальная психология: в 2 т. Т. 1. М., 2011. С. 191–212.

ности подобно тому, как и биологи строят свою таксономию²⁴⁶. Айзенк в общих чертах описал алгоритм создания факторных теорий личности, выделив ряд этапов, а именно:

а) создание масштабной по количеству людей выборки (обычно несколько сот человек, а иногда и до тысячи испытуемых²⁴⁷), как правило, ориентированной на валидность по социально-демографическим признакам (морфологический референт);

б) составление для этой выборки очень широкого набора личностных характеристик и проверка посредством различных анкет-опросников того, обнаруживают ли у себя эти черты обследуемые люди;

в) обобщение при помощи аппарата математической статистики и факторного анализа выделенных черт в факторы за счет выделения корреляций черт друг с другом, исключения синонимов или близких по качеству черт;

г) многократное применение факторного анализа к результатам предыдущего этапа с целью сокращения количества факторов 2-го и 3-го порядка до небольшого списка.

В итоге учёный-психолог имеет ограниченный набор «личностных факторов», организованных иерархически, которые при необходимости можно развернуть вплоть до конкретных характеристик личности испытуемых из выборки, а также до самих анкет-опросников, которыми проводилось эти обследования. Именно так появился ряд наиболее популярных личностных опросников: PEN Айзенка и его трехфакторная модель личности, «Пятёрка Нормана» и 16-факторная теория Кеттелла 16PF²⁴⁸.

Проделав этот долгий путь, учёный-психолог получает диагностическое средство – личностный опросник, стандартизированный на значительной выборке и выражающий эмпирическую (индуктивно полученную) факторную теорию личности. Можно

²⁴⁶ Айзенк Г. Ю. Количество измерений личности: 16, 5 или 3? Критерии таксономической парадигмы // Иностранная психология. 1993. Т. 1. № 2. С. 10.

²⁴⁷ Самая большая выборка в истории психологии – 17 381 мужчин и женщин – была использована для исследования адекватности 16-факторной теории личности Кеттелла в 90-х годах двумя американскими психологами: Krag S.E., Johns E.F. A large-scale cross-validation of second-order personality structure defined by 16PF // Psychological Reports. 1986. No. 5. P. 683–693.

²⁴⁸ Они же и дали название цитируемой статье Г. Айзенка «Количество измерений личности: 16,5 или 3?».

заметить, что в эпистемологическом смысле психологические опросники являются *правопреемниками* способа референции, придуманного Вундтом. В опросниках также используются шаблонные фразы или стандартные формулировки психологических свойств, испытуемым также предлагается «обнаружить» эти свойства у себя, и, наконец, в случае опросника собственно референтом, представляющим сознание для исследования, становится результат заполнения и обработки результатов опроса (так называемый «профиль личности»), по отношению именно к нему фиксируются закономерности и интерпретируются результаты. Главное отличие опросника от «организованной интроспекции» Вунда состоит в том, что опросники технологизировали процесс его использования, и теперь нет надобности в длительной подготовке каждого испытуемого (все проверки и валидизация тестов-опросников проводится на предварительной стадии его подготовки или при адаптации зарубежных опросников). В итоговой версии личностного опросника уже отсутствует связь с конкретными проявлениями морфологии (конкретные черты людей, входящих в первоначальную выборку): все сведено к процедурной методике, которая должна измерить проявления «факторов личности»²⁴⁹. Влияние экспериментального воздействия описывается как количественные изменения проявлений факторов личности, выявляемых опросниками, что позволяет судить об относительной эффективности этого влияния. Такие исследования очень распространены, например, при оценке эффективности психотерапии, фармакологического лечения и т. п.²⁵⁰.

Не будем сейчас оценивать методологическую и философскую корректность рассмотренного способа рассуждения и формирования инструментария ученого. Это не является задачей данной работы. Важнее показать, что траектория жизни референтов подразумевает широкое использование их в научных исследованиях, что характерно для большинства методических референтов науч-

²⁴⁹ Соответственно, за счет этих этапов формирования опросника заранее определяется преимущественно математический тип репрезентаторов, в котором фиксируются результаты исследования.

²⁵⁰ *Eysenck H. J.* The effects of psychotherapy. An evaluation // *Journal of Consulting Psychology*. 1952. Vol. 16. P. 319–327; *Айзенк Г.Дж.* Сорок лет спустя: новый взгляд на проблемы эффективности в психотерапии // *Психол. журн.* 1994. Т. 14. № 4. С. 3–19.

ных знаний о сознании. И чем меньше в методическом референте знания исходно присутствует морфологические элементы объекта изучения, тем к большей сфере применения такой референт приспособлен.

Итак, подведем промежуточные итоги. Как выше было показано, ученые (в основном, психологи, психоаналитики, нейробиологи и нейрофизиологи) в XX веке последовательно решали проблему референции явлений сознания для целей изучения их и производства научных знаний, результатом этого стала разработка и использование трех видов референтов научных знаний – *морфологических, функциональных и методических*. Это явилось решающим обстоятельством, предопределившим расцвет исследований сознания и наук о сознании, в особенности после того, как удалось показать работу мозга и соотнести мозговые процессы с целенаправленным, сознательным поведением испытуемых.

Проведенный анализ также показал, что программа референции научных знаний о сознании – достаточно сложное образование, нуждающееся в разнообразном вспомогательном (инфраструктурном) обеспечении: необходимы постоянные технико-технологические разработки и пробы, нужны «музеи и библиотеки» морфологических и функциональных референтов, важно наличие практики экспертизы и диагностики референтов, крайне важно наличие развитых методических дисциплин и хорошего инженерно-технического обеспечения науки. И важно подчеркнуть, что ученые, исследующие человеческое сознание, решали проблему референции знаний во многом вопреки, а не благодаря имеющейся инфраструктуре, которая в отношении исследования сознания развита крайне неравномерно (например, методические дисциплины есть, а «музеев» – нет, что в принципе объяснимо спецификой объекта изучения).

3.4. Проблема репрезентатора в исследованиях сознания

Изобретение референтов научных знаний о сознании – это только полдела. Собственно научное знание появляется тогда, когда ученый начинает описывать целостный акт деятельности (реальный или потенциальный) с выбранным референтом, т. е.

конструирует репрезентатор получаемого научного знания. Репрезентаторы – это вербализация образцов той деятельности, которая приводит нас к решению поставленной задачи. К сожалению, в философии и эпистемологии нет детальной классификации репрезентаторов, за исключением их категориальных характеристик. Как писал об этом М.А. Розов: «Традиция выделения типов знания по их категориальному содержанию идет еще от Аристотеля, но такая типология по определению является очень общей»²⁵¹.

Пример репрезентаторов М.А. Розов приводит на материале теоретической механики: «Равнодействующая двух сил выражается по величине и направлению диагональю параллелограмма, построенного на слагаемых силах». Очевидно, что строить параллелограмм можно только на отрезках прямых, но никак не на силах. Эти последние, следовательно, надо еще изобразить соответствующим образом. Репрезентация предполагает здесь наличие определенных эстафет изображения объекта и эстафет работы с этими изображениями. Говоря более конкретно, мы должны уметь представить слагаемые силы в виде векторов и уметь строить на них параллелограмм»²⁵².

Репрезентаторы нередко заимствуются из других дисциплин, сфер научно-технического творчества или социокультурных практик. Более того, развитие науки напрямую связано с развитием арсенала репрезентаторов, эта работа идет целенаправленно в так называемых методических дисциплинах, о которых мы упоминали выше на примере «нейрофотоники». Как об этом ярко пишет Розов, «математика, например, – это индустрия репрезентаторов. Современная физика была бы невозможна без дифференциальных уравнений, без теории групп, без тензорного анализа, без теории линейных операторов... География была бы невозможна без географической карты, а это предполагает и определенную систему координат, и теорию картографических проекций»²⁵³.

Об этом же писал в 1958 г. известный советский психофизиолог и создатель физиологии активности Н.А. Бернштейн. Он утверждал, что развитие инженерии и техники подталкивало физиологов и психологов описывать жизненные процессы «по образ-

²⁵¹ Розов М.А. Указ. соч. С. 185.

²⁵² Там же. С. 186.

²⁵³ Там же. С. 187.

цам и подобиям инженерных сооружений... Например, представление о нервах как кабелях из изолированных (миелином) электропроводников, о внутримозговых коммуникациях как подобии центральных телефонных станций... и в наши дни такая установка мышления... не в меньшей мере влияет на умы, представляя к их услугам волновые процессы, полупроводники, мембраны, квантовые микрорепрезентаторы»²⁵⁴.

Возможности применения тех или иных репрезентаторов во многом зависят от эрудиции и пристрастий самого ученого, его опыта и образования, т. е. от всего доступного ему объема образцов поведения и деятельности коллег и деятелей из других наук, других практик. Об этом много и подробно размышлял известный химик и классик философии науки Майкл Полани, когда обсуждал проблематику неявного (личностного) знания²⁵⁵. Однако есть другой фактор, ограничивающий произвол ученого в выборе репрезентаторов получаемых научных знаний. Речь идет о конструктивных особенностях и ограничениях используемых референтов, а также об ограничениях системы оперирования, внутри которой ученый манипулирует референтом знания.

Например, изначально Вундт начинал строить физиологическую психологию, он брал в качестве основы физиологический конструктор для создания референтов знаний о сознании. Не случайно система органов чувств и физиологические процессы, протекающие при восприятии сенсорных стимулов, и были теми конструктивными элементами, с которыми начинал работать Вундт. Но когда Вундт трансформировал эксперимент, ввел в его ядро интроспекцию, а потом начал формировать функциональный референт знаний о сознании на основе кодифицированных текстово-описаний элементарных реакций сознания испытуемых на сенсорные стимулы, то он почти с неизбежностью пришел к другому (не физиологическому, а атомистическому) конструктору для создания репрезентаторов. Почему? Дело в том, что вундтовские «элементы сознания» имели жесткие параметры: стандартны, просты по строению, неизменны во времени. Что с ними можно делать? Их можно обнаружить в ответ на стимул, отличить друг от друга, выяснить, с какими другими «элементами» они соседствуют

²⁵⁴ Бернштейн Н.А. Физиология движений и активность. М., 1990. С. 405–406.

²⁵⁵ Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М., 1985.

и создают ли устойчивые связи с другими такими же неизменными «элементами сознания» в ответ на одни и те же сенсорные стимулы. Получается, что элементы сознания у Вундта по своим параметрам подобны атомам. Поэтому, выбрав тексты-описания как основу референции, Вундт оказался ограничен в возможностях действовать с ними и был обречен прийти к репрезентаторам атомистики. Естественно, что из ограниченного набора операций с референтами Вундт вывел свои «атомистические представления о сознании» и это позволило ему сформулировать законы сознательной жизни: закон творческого синтеза, закон контраста, психических отношений, гетерогонии целей²⁵⁶.

Другой вид референтов психологических знаний – морфологические – сами по себе мало имеют степеней свободы для использования в связке с различными репрезентаторами. Например, референты бихевиористов (в виде лабораторного животного в лабиринте), вопреки богатым инженерно-техническим возможностям по созданию разнообразных условий в лабиринте, ограничены основным экспериментальным событием – движением животного из точки А в точку Б через препятствия лабиринта. Именно это событие интерпретируется как сознательное поведение, соответственно все, что удастся выяснить при изменении условий этого движения, воспринимается как содержание получаемых знаний. Как правило, репрезентаторы для такого случая задаются на множестве самих референтов – в виде различных операций манипулирования с экспериментальным животным. Чтобы как-то преодолеть ограниченность материала такой референции, ученые активно прибегают к помощи математических репрезентаций²⁵⁷. Именно математика или, точнее, математическая статистика и факторный анализ всегда позволяют переносить сведения, полученные при помощи манипуляций с крысами в лабиринте, на человека: математическая обработка результатов эксперимента с крысами дает репрезентатор (число или кривую на графике), уже не связанный с материалом референта, что позволяет легко переносить обнаруженные закономерности на другие объекты. Благо, эксперименты с крысами имеют, как правило, большое число повторений, облегчая математическую обработку результатов.

²⁵⁶ Вундт В. Очерк психологии. С. 208–221.

²⁵⁷ Розов М.А. Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии. С. 188.

Так, в начале XX в. известный американский психолог, коллега и соратник Дж. Уотсона Роберт М. Йеркс²⁵⁸ проводил эксперименты с крысами, выясняя отношение силы стимула и скорости обучения у крыс в лабиринте: в лабиринте имелись два выхода – черного и белого цвета, при попытке крысы выйти через черный ход она получала удар током, а через белый – нет. Сила тока в процессе эксперимента плавно повышалась. В эксперименте участвовало около 40 крыс, каждая из которых в совокупности прошла через этот тест не менее 750 раз (3 сета по 250 проб) с различными вариациями: смена правой/левой стороны для разного цвета выхода, повышение силы электроудара и т. п.²⁵⁹ В итоге Р. Йеркс и его коллега Л. Додсон сформулировали закон зависимости продуктивности деятельности от мотивации (так называемый «закон оптимума мотивации Йеркса-Додсона»). Закон в современной формулировке гласит, что по мере увеличения интенсивности стимула (уровня сознательной мотивации) качество обучения (деятельности) человека «изменяется по криволинейной функции в виде колоколообразной (перевернутой U-образной) кривой: сначала повышается, затем, после перехода через точку наиболее высоких показателей успешности деятельности (в этой точке мотивация была названа оптимумом), постепенно понижается»²⁶⁰.

Что же позволило ученым перейти от крыс к человеку и от беготни по лабиринту к деятельности и мотивации? Когда Йеркс нанес на условный график результаты серий экспериментов с крысами, он обнаружил воспроизводящуюся колоколообразную кривую. А так как даже самый элементарный математический репрезентатор уже *не привязан к материалу референта*, то это дало возможность Йерксу экстраполировать обнаруженную закономерность с поведения крыс на поведение человека, назвав успешность движения в лабиринте «продуктивностью обучения (деятельности) человека», а интенсивность электроударов за неправильный выход – «уровнем сознательной мотивации». В дальнейшем эта кривая была проверена на других животных, а потом и на людях (где сложность деятельности была представлена сложностью ин-

²⁵⁸ Yerkes R.M., Dodson L.D. The relation of strength of stimulus to rapidity of habit formation // Journal of comparative neurology and psychology. 1908. No. 18. P. 459.

²⁵⁹ Idem. P. 459–482.

²⁶⁰ Большой психол. слов. М., 2009. С. 199–200.

теллектуальных задач, а уровень сознательной мотивации испытуемых обеспечивался размером денежного вознаграждения). Так эта кривая доказала свою воспроизводимость и была признана обоснованным научным знанием.

Стоит также отметить, что математические репрезентаторы сопряжены с большим числом других эстафет, использующих знания из таких репрезентаторов. Именно поэтому закон Йеркса–Додсона мгновенно нашел себе применение в организации и проектировании различных практик: в образовании, в психотерапии (когнитивно-поведенческая терапия), в управлении научными и творческими коллективами.

Итак, выше была описана специфика двухуровневых репрезентаторов, используемых вместе с референтами сознательных явлений: над непосредственными манипуляциями с морфологическим или функциональным референтом надстраивается новый уровень – *абстрактных обобщений* (математические, статистические закономерности, графико-геометрические изображения и схематизации), которые в силу своей свободы от материала позволяют осуществлять перенос обнаруживаемых закономерностей на другие ситуации и даже на другие объекты изучения. Объединение морфологического референта и двухуровневого репрезентатора в экспериментах Йеркса создали *пример полноценного научного знания* о сознательной мотивации человека. Подобного рода объединения производятся и в отношении функциональных референтов.

Ситуация с методическими референтами обстоит несколько сложнее. Во-первых, надо помнить, что сам методический референт есть результат долгой работы с научным знанием, которое за счет стандартизации и рефлексивных переключений *«очищено»* от исходных объектных характеристик, когда оставлен только методический, процедурный план действий ученого по формированию актуальных представлений об объекте изучения.

Во-вторых, дополнительные сложности возникают в связи с применением методических референтов, поскольку они используются внутри другой последовательности действий исследователя-экспериментатора, вроде экспериментальных планов упомянутого выше Кэмпбелла. В этом смысле методические референты не предписывают ученому выбор какого-то определенного вида репрезентаторов.

Расцвет наук о сознании в конце XX в. и в начале XXI в. можно объяснить появлением большого разнообразия референтов знаний о сознании и последовательным уходом от использования исключительно морфологических референтов как трудоемких и ограниченных, либо компенсацией их ограниченности за счет двухуровневой структуры репрезентаторов, где ведущая управляющая роль принадлежит абстрактным математическим обобщениям. Как следствие, ученые получили возможность вместе с набором референтов использовать и втягивать в свою работу различные образцы репрезентаторов из многих других наук и социокультурных практик, развивая репертуар собственных «комплекующих» для производства научных знаний. Особенно важную эмансипирующую от прихотливой морфологии психических явлений роль сыграли в этом процессе так называемые методические (инструментальные) дисциплины, такие как психометрия, психодиагностика, психофизиология, оптическая физика, математическая статистика и факторный анализ, качественная социология.

Введённые выше представления о научном знании (в частности, о референции и репрезентации) позволяют сравнивать совершенно разные практики, исследовательские ситуации и целые научные дисциплины, занимающихся изучением сознания. Видно, что в них идёт интенсивный поиск практического способа представления сознания в удобном и доступном для исследования виде (поиск объекта-посредника или референта знания).

Проанализированный материал хорошо иллюстрирует мысль об опосредованности познания нашими инструментами, орудиями, исследовательскими средствами. Мысль Уайтхеда, который говорил о конструкциях, мы развиваем до представлений об «исследовательской машине» науки как опосредующем звене научного познания. Эпистемология сегодня (в частности, в версии эмпирической эпистемологии) начинает рассматривать не только приборную компоненту как объект своего анализа. Вся экспериментальная ситуация с инженерно-техническим оснащением, выбором морфологических элементов изучаемого объекта, с конструированием объектов-посредников, – все это становится доступным для философской рефлексии и критике.

Все это создало условия для накопления в большом количестве разнообразных научных знаний о сознании, которые требовалось упорядочивать, приводить в систему, переорганизовывать.

3.5. Проблема когерентности знаний о сознании и коллекторские программы

Следует оговориться, что в современной науке и философии полноценных коллекторских программ, обеспечивающих последовательную систематизацию и когерентность научных знаний о сознании, катастрофически *мало*. От отсутствия такого типа программ сильно страдает, например, современная аналитическая философия сознания, что заметно по тому, как представители этого философского направления при попытке высказать свою точку зрения на проблему сознания каждый раз вынуждены линейно восстанавливать всю цепочку аргументов и мысленных экспериментов по решению «трудной проблемы сознания»²⁶¹. Это признак отсутствия коллекторской программы, когда для систематизации и реорганизации знаний не используются иные средства кроме последовательного изложения набора аргументов.

Попробуем все же описать существующие коллекторские программы в отношении знаний о сознании. Для этого обратимся к научной психологии, ситуация в которой хотя и не назовешь блестящей, но она позволяет обнаружить наличие трех коллекторских программ.

Наиболее распространённая – *история научной дисциплины*. Это универсальный способ относительной систематизации и изложения разнородных психологических знаний и сведений в учебниках и монографиях. Саму историю дисциплины, как правило, ведут, начиная с Античности²⁶², пытаясь проиллюстрировать красивую фразу классика психологии памяти Германа Эббингауза, которой он еще в 1908 г. начал свой очерк о психологии словами: «Психология имеет долгое прошлое и очень краткую историю»²⁶³.

Надо иметь в виду, что внутренняя история научной дисциплины – это один из самых «логически слабых» видов коллекторских программ, так как предполагает условную систематизацию

²⁶¹ Васильев В.В. Трудная проблема сознания. М., 2009.

²⁶² Ждан А.Н. История психологии. От Античности до наших дней. М., 2005; Ярошевский М.Г. История психологии. От античности до середины XX века. М., 1985; Робинсон Д.Н. Интеллектуальная история психологии. М., 2005; Хант М. История психологии. М., 2009.

²⁶³ Эббингауз Г. Психология // Философия в систематическом изложении. М., 2006. С. 185–261.

знаний в виде соотнесения со шкалой времени. История дисциплины не решает проблем взаимной согласованности знаний (а ведь это основная функция коллекторских программ). В данной коллекторской программе «история дисциплины» – психология выглядит как совокупность слабо сочетаемых, а порой и просто противоречивых фактов и сведений о человеке и различных аспектах его существования. При этом изложение истории дисциплины происходит так, как если бы все персонажи истории были нашими современниками, т. е. изложение построено в духе откровенного презентизма²⁶⁴.

Результатом того, что психологи излагают историю своей дисциплины, начиная с античности, в презентистской манере, является неизбежная бессодержательность обобщений. Однако именно такая история воспроизводится из учебника в учебник. Рационально предположить, что она выполняет какую-то важную задачу воспроизводства дисциплины, становления профессионализма психологов. Выяснить эту задачу можно по тому, что *именно* психология хочет обосновать как повторяющееся, остающееся постоянным на протяжении всей истории европейской цивилизации.

Попытка психологов «усмотреть» происхождение дисциплины от древних греков нужна для того, чтобы ввести в оборот и *исторически обосновать представления о психике как совокупности психических процессов* (восприятие, мышление, память, эмоции и т. д.). **В самом деле, чем, строго говоря, обоснован в психологии именно такой набор психических процессов?** Может ли психология каким-либо образом, в опоре на объективные или хотя бы логически ясные параметры, доказать, что психика делится на эти процессы? А сами процессы – мышление, память, эмоции – чем именно они отличаются друг от друга? Ни анализ систематики психических явлений в психологии, ни данные психофизиологии, ни результаты исследований когнитивной психологии не дают объективных оснований для деления психики на традиционные психические процессы. Скорее исследования показывают обратное: большинство натуральных психических функций настолько взаимно переплетены, что от-

²⁶⁴ Кузнецова Н. И. Презентизм и антикваризм как дилемма историко-научного исследования // Познание социальной реальности. Теория познания. Т. 4. М., 1995. С. 351–374.

личить, например, процессы внимания, восприятия, памяти и когнитивной обработки воспринимаемых стимулов – совершенно невозможно.

В этих обстоятельствах психологи вынужденно пошли на «военную хитрость»: они предложили обосновать это фундаментальное предположение о психических процессах исторически, взяв за точку отсчёта рассуждения Аристотеля. Как известно, самое первое описание состава психических функций было предложено Аристотелем в трактате «О душе», где этот состав был выражением онтологических представлений об иерархии видов живых существ и их «душах» (растительной, животной, разумной). Аристотель поделил отправления этих душ на ощущения, чувства, мышление и волю²⁶⁵. Взяв аристотелевские описания за базовые, история психологии представляет дело так, что все остальные философы и психологи, в целом соглашаясь, только уточняли и развивали данную систематику психических процессов. Как писал об этом классик советской психологии С.Л. Рубинштейн, Кант окончательно закрепил в психологии «трехчленное деление психики на ум, чувство и волю»²⁶⁶.

Нетрудно заметить, что к сегодняшнему дню в этой систематике психических процессов мало что изменилось, а ее основательность объясняется тем, что ее используют уже более двух тысяч лет. Современные психологи пользуются этой систематикой психических процессов в полном объеме и время от времени дополняют ее «новыми процессами» (способности, воображение, мотивация и др.). Когда-то выдающийся русский физиолог и основоположник рефлексологии В.М. Бехтерев высказал очень точную оценку состояния дел в психологии, которая актуальна и до сих пор. В разговоре с отечественным психологом и психофизиологом К.К. Платоновым он сказал: «Попробуйте когда-нибудь перенести опыт систематики животных и растений на классификацию психологических явлений и понятий. Ведь там еще долиннеевский хаос»²⁶⁷. История психологии подкрепила эту «хаотичную» систематику исторической преемственностью и ссылками на авторитеты, тем самым укоренив их в профессиональном сознании психолога-ученого.

²⁶⁵ Аристотель. О душе // Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 1. М., 1976. С. 371–448.

²⁶⁶ Рубинштейн С.Л. Философские корни экспериментальной психологии // Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М., 1973. С. 78.

²⁶⁷ Цит. по: Платонов К.К. О системе психологии. М., 1972. С. 4.

Таким образом, в психологии сложились две сопряженные коллекторские программы *относительной систематизации знаний*: история дисциплины и систематика психических процессов. В логическом смысле обе эти программы достаточно слабые, т. к. они не вводят жестких критериев объединения научных знаний в единое целое. Помимо этих двух программ, имеется еще и третья – *таксономическая*, организующая совокупность сведений вокруг более или менее самостоятельного объекта изучения психологии. Как об этом писал один из создателей советской психологии П.П. Блонский, объектами изучения являются «психология взрослого, ребенка, животных, примитивных народов и ненормального человека»²⁶⁸. По сути, весь корпус знаний психологии раскладывается по таксономическим единицам, внутри каждой из которых знания организованы через систематику психических процессов и исторически. Эти три коллекторские программы взаимно поддерживают и обосновывают друг друга. Но насколько это эффективно с точки зрения эпистемологии? Ведь на этом список коллекторских программ психологии и исчерпывается.

По сути, психологические сведения и научные знания организованы в психологии наподобие исторической дисциплины, хотя психология и не является таковой. Вероятно, именно это обстоятельство дало основание для критики и провозглашения лозунга о «психологии как истории» со стороны социальных конструкционистов²⁶⁹. Как известно, основной корпус знаний в исторических дисциплинах не может быть *фальсифицирован*, т. к. они привязаны только к шкале времени и потому непротиворечивым образом существует в рамках исторических программ систематизации знаний. Поэтому, например, открытия в исследованиях произвольной памяти не приводят к тому, что в психологии других таксономических единиц (большого человека или ребёнка) что-либо начало меняться или отбраковываться.

Только относительно трех рассмотренных коллекторских программ можно сказать, что они пронизывают различные отрасли психологии: историческое рассмотрение взглядов психологов из разных школ и раскладка этих взглядов через призму психических процессов, а также через призму таксономических единиц (взрос-

²⁶⁸ Блонский П.П. Очерк научной психологии. М., 1921. С. 27.

²⁶⁹ Gergen K.J. Social psychology as history. P. 309–320.

лый, ребенок, больной человек и т. д.) – это три универсальных способа изложения накопленных знаний в психологии, в том числе знаний о сознании. Однако после того, как корпус основных психологических дисциплин был сформирован, коллекторские программы перестали обеспечивать процессы переноса знаний между дисциплинами и их согласование. В результате психологические процессы сознания и воли, которые изучаются у взрослых людей, у детей и у больных людей – это, фактически, три принципиально разных объекта изучения ученых-психологов, которые они почти не пытаются сравнивать.

Подводя итоги настоящего анализа коллекторских программ, то следует отметить, что качественное развитие психологии как науки, по сути, было заторможено из-за дефицита коллекторских программ, обеспечивающих когерентность психологических знаний. Имеющиеся три программы не способны обеспечить единство систем знания в психологии, так как они представляют «мягкие» версии коллекторских программ. Следствием этого является то, что сегодня практически любая теория и любой психологический факт о сознании равно возможны в психологии. Точнее у психологов просто нет эпистемологических средств определения истинности и объективности получаемых знаний о сознании, нет средств верификации или фальсификации научных знаний.

Для других дисциплин (нейронауки, нейробиология, психофизиология и пр.), занимающихся исследованием сознания, последствия вышеописанной ситуации с систематизацией знаний в психологии достаточно серьезны. Дело в том, что психология сегодня по отношению к любым исследованиям сознания выполняет роль методологического обеспечения²⁷⁰. В частности, она задает систематику психических процессов, функций и перечень явлений сознания, по отношению к которым нейронауки строят свои эксперименты и модели для объяснения, как же все это реализовано в мозговом субстрате. Важнейший аспект объекта изучения ней-

²⁷⁰ В этом смысле, автор настоящего раздела не разделяет часто в последнее время высказываемый скепсис относительно того, а есть ли вообще место для психологии в когнитивных науках, см. *Фаликман М.В.* Когнитивная парадигма: есть ли в ней место психологии? // Психол. исслед. 2015. Т. 8. № 42. С. 3. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 13.06.2016).

ронаук заимствуется из научной психологии. При этом, как было показано выше, происхождение и логичность этих систематик под большим вопросом, сама же психология не ставит сегодня задач по доработке и уточнению этих систематик. По сути, нейронауки являются заложниками эпистемологических особенностей и темпов развития организации знаний о сознании в психологии, что поясняет, в том числе, актуальность настоящей работы.

У проблемы систематизации и обеспечения когерентности научных знаний о сознании есть еще один аспект, связанный с «обратимостью» научных знаний о сознании. Традиционно эпистемология и философия науки различают знания-описания и знания-предписания – как логически нетождественные образования. Первые фиксируют характеристики явления или объекта безотносительно к деятельности, вторые дают определенный алгоритм действия. Со времен формулировки «гильотины Юма» считается, что между этими двумя типами знания пролегает непреодолимая граница²⁷¹. Но если мы обратимся к материалу научных дисциплин, то картина будет не такой однозначной.

В тех науках, где в функционируют онтологизированные знания и где знания «очищаются» от следов процедур по их получению, водораздел между описанием и предписанием обозначен резко. Описания состава почв Марса и Венеры в астрономии и астрофизике не имеют шансов, даже гипотетически, стать предписанием по созданию подобного рода планет. Но имеются научные дисциплины, в которых преобразования описаний в предписания и обратно возможны, хотя взаимно не симметричны. Например, в той же химии добытые предписания по получению того или иного химического соединения не всегда могут быть обратимы без дополнительных уточнений и преобразований в описания свойств такого соединения. Так, на основании описания того, что «вода – это соединение двух частей водорода и одной части кислорода», можно синтезировать воду, восприняв вышеуказанную фразу как руководство к действию. Но описание полученного вещества (как «жидкости со свойствами А, Б и С») значительно отличается от первоначальной версии, содержащей указание количества газов водорода и кислорода, входящие в ее состав.

²⁷¹ Касавин И.Т. Дэвид Юм и современная эпистемология // Эпистемология и философия науки. 2011. № 1. С. 5–17.

В этом плане психология – достаточно необычная наука, в особенности в отношении явлений сознания. В ней принципиально *все* описания могут быть трансформированы в предписания и обратно без какой-либо потери смысла или искажений. Например, из того факта, что незаконченные действия человек запоминает в 1,9 раз лучше, чем законченные (так называемый «эффект Зейгарник»), любой психолог выведет рецепт повышения уровня запоминаемости различных навыков, скажем, у школьников, и также с легкостью переведет полученные результаты в описание самого эффекта Зейгарник. То же самое легко проиллюстрировать на примере упомянутого уже «закона оптимума мотивации Йеркса–Додсона» или на примере «числа Мюллера», характеризующего объем оперативного внимания как 7 ± 2 единиц содержания.

Описанный выше анализ научных знаний о сознании в психологии наводит на мысль о том, что именно эта особенность работы психолога (обратимость знаний) делает затруднительным процесс их систематизации и обеспечения когерентности. В самом деле, как систематизировать, отбраковывать знания в науке, когда изучаемые явления готовы стать чем угодно, практически не оказывают «сопротивления» исследователю?

Наиболее очевидный выход в этом случае будет состоять в том, чтобы начать контролировать методическую сторону получения и использования знаний. Другими словами, систематизаторов от психологии должно интересовать не содержание научных знаний, а формально-процедурная сторона соответствия методики получения знания нормам получения «правильного» знания: правильно ли выдержан экспериментальный план, обеспечена ли валидность опросника, нет ли неучтенных влияний на испытуемых и т. п. Соответственно, коллекторская программа по аккумуляции психологических знаний должна допускать, по сути, очень большой люфт в объектных представлениях, они должны быть не жесткими. Какой смысл отбраковывать якобы неверные знания, когда достаточно найти подходящий объект изучения психологии, и там уж знание будет обязательно верным (практически работающим)?

Если высказанная гипотеза верна, тогда становится оправданным массовое использование именно методических референтов психологических знаний (как об этом написано выше). Ведь они допускают большое разнообразие объектных интерпретаций – в

зависимости от практической ситуации, в которой используются. Кроме того, существующая практика систематизации научных знаний в психологии детерминирована имеющимися «слабыми» коллекторскими программами, которые организуют нечеткую систематизацию знаний, без попыток ввести те или иные критерии истинности, когерентности, валидности.

Подобная картина наблюдается в отношении систематизации знаний о сознании и в других научных дисциплинах помимо психологии, даже несмотря на то, что большинство из них имеют естественнонаучное происхождение (психофизиология, нейронаука, нейробиология и т. п.). Это объясняется тем, что процессы осмысления и систематизации научных знаний в этих науках пока сильно отстают от темпов развития экспериментальной практики и роста эмпирической базы изучения сознания. Кроме того, сам вопрос об эпистемологическом статусе исследований сознания и о кооперации научных дисциплин в деле изучения сознания попал в повестку размышлений ученых относительно недавно. При этом интеллектуальных средств и концептуальных моделей для продуктивного решения этих вопросов в самих этих дисциплинах нет. Это дело философии и эпистемологии.

3.6. Вместо заключения

Проведенный анализ показал большое разнообразие имеющихся в арсенале ученого способов представления сознания для научного исследования (использование трех типов референтов – морфологических, функциональных и методических). Немалую роль в обеспечении этого играет инженерия и компьютерные науки, а также разработка новых методов анализа мозговых процессов и структур. Проанализированные примеры референции явлений сознания, очевидно, обладают большим конструктивным потенциалом и эвристичностью, особенно те, что смогли преодолеть морфологические особенности сознания как объекта изучения. Однако использование этого потенциала все время тормозится отставанием в развитии более высоких этажей эпистемологического организма современных наук о сознании – наличием небогатого репертуара репрезентаторов научных знаний и отсутствием силь-

ных коллекторских программ, которые позволяли бы активно реализовывать систематизацию и обеспечивать когерентность всего корпуса научных знаний о человеческом сознании.

Полученное описание ситуации частично подтверждается тем, что большинство научных исследований сознания маркируется учеными как «междисциплинарные». В смысле эпистемологических концептов, введенных в настоящей главе, это значит, что в этих исследованиях еще не сложилась дисциплинарная матрица или, точнее, сильная коллекторская программа, которая собственно и могла бы определить дисциплинарный облик наук о сознании. Если бы таковая программа появилась, то вместе с ней появилась бы и развитая единая научная дисциплина, где нашли бы свое естественное и логичное место естественнонаучный инструментарий и социально-гуманитарные представления о человеческом сознании. Но пока этого не произошло.

Известный философ, сформулировавший различие легких и трудных проблем сознания, Дэвид Чалмерс в завершении своей публичной лекции, прочитанной им в Москве 14 июня 2016 г. на философском факультете МГУ им. М.В. Ломоносова и посвященной 300-летней истории решения проблемы сознания, высказал мысль, что создание фундаментальной теории сознания – это проект для совместной работы философов и ученых на следующие 300 лет. Факт этого публичного признания очень примечателен. Яркий представитель аналитической философии сознания в явной форме отказывается от попыток конкурировать с учеными в вопросах объяснения человеческого сознания (как это было до недавнего времени) и призывает и философов, и ученых – работать вместе. Осталось только решить, какую задачу в этом проекте должен взять на себя философ. К сожалению, Чалмерс об этом ничего не говорит.

Данную монографию можно было бы представить как попытку очертить круг возможных ролей и функций философии в решении проблем сознания. В частности, в главе 1 представлен опыт решения проблемы сознания в метафизической перспективе без учета научных работ (современная аналитическая философия сознания), в главе 2 представлен опыт проектирования философских оснований для инициации научного изучения человеческого сознания (социальный конструкционизм и проекты модернизации социальной психологии) и, наконец, в данной главе представлен

опыт философско-эпистемологического анализа эффективности научного исследования сознания и специфики способов организации знаний о сознании в науке с целью увеличения продуктивности имеющихся практик научного изучения сознания (анализ с точки зрения эмпирической эпистемологии на базе теории социальных эстафет). Главный вывод проделанного анализа состоит в следующем: существующая практика систематизации научных знаний в научных дисциплинах, исследующих сознание, взаимно поддерживается распространенными референтами и репрезенторами научных знаний в них. Дефицит коллекторских программ пока остается преобладающим фактором, формирующим эпистемологический облик современных наук о сознании. Однако настоящее исследование, а также методологический потенциал, которым обладает философия науки и эмпирическая эпистемология, дает основание думать, что порочный круг, не дающий развиваться наукам о сознании, может быть разорван. В решении этой задачи, возможно, и состоит роль философии в совместном с учеными проекте по решению проблемы сознания и построению фундаментальной теории сознания, который упоминал Дэвид Чалмерс в своей московской лекции.

Проделанный выше анализ практики работы ученых дает основание утверждать, что перспективы наук о сознании напрямую зависят от эффективности организации научных знаний и познавательной деятельности ученых, от способности научного сообщества осознать и изменить текущую организацию знаний в своих дисциплинах с опорой на помощь и содействие философов-эпистемологов.

Заключение

В заключение следует сказать несколько слов об основных результатах проделанной нами работы. Мы подходили к проблеме сознания тремя разными путями, обусловленными различными сферами научных интересов и различными «школами» каждого из авторов. Тем не менее эти пути, так или иначе, ведут к одной цели – к прояснению понимания одного из сложнейших существующих в мире феноменов – сознания, во всей полноте и неоднозначности этого понятия. Мы продемонстрировали, что исследования сознания продолжают оставаться междисциплинарными, они не только используют познавательные ресурсы разных философских дисциплин и подходов, но и опираются как на работы ученых самого разного толка (психологов, физиологов, представителей вычислительной науки), так и на результаты исследований сознательной активности человека с помощью современных технологий. В связи с этим, как и было продемонстрировано в нашей книге, вопрос о возможных формах кооперации философов и ученых снова актуализируется и возвращается в повестку современных философских размышлений о сознании.

В каждой из трех глав были представлены результаты исследований различных аспектов проблемы сознания, но главным результатом монографии в целом можно считать то, что мы показали, что для полноты картины проводимых исследований необходимо такое понимание сознания, которое учитывает проблему его телесного воплощения, социокультурной среды, в которую носитель сознания погружен, и проблему деятельностного участия сознающего субъекта в мире. Только такое многоаспектное понимание сознания, как нам представляется, может быть продуктивным для дальнейших попыток объяснения феномена сознания.

Проблема сознания, несомненно, как и другие философские проблемы, не имеет окончательного решения. Мы попытались лишь внести свою небольшую лепту в попытку решения этой неразрешимой проблемы.

Список литературы

- Айзенк Г.Ю.* Количество измерений личности: 16, 5 или 3? Критерии таксономической парадигмы // *Иностранная психология*. 1993. Т. 1. № 2. С. 9–23.
- Айзенк Г.Дж.* Сорок лет спустя: новый взгляд на проблемы эффективности в психотерапии // *Психологический журнал*. 1994. Т. 14. № 4. С. 3–19.
- Александров Ю.И., Анохин К.В. и др.* Нейрон. Обработка сигналов. Пластичность. Моделирование. Фундаментальное руководство. Тюмень: Изд-во ТГУ, 2008. 548 с.
- Анастаси А., Урбина С.* Психологическое тестирование. СПб.: Питер, 2007. 688 С.
- Анохин К.В.* Мозг, творчество, сознание // *Философия творчества: материалы Всероссийского научного конференции*. г. Москва, 8–9 апр. 2015 г.). М., 2015. С. 47–48.
- Анохин К.В.* Молекулярные основы обучения и развития мозга: на пути к синтезу // *Когнитивные исследования: Проблема развития*. Сб. науч. тр.: Вып. 3. М., 2009. С. 101–114
- Аристотель.* О душе // *Аристотель*. Соч.: в 4 т. Т. 1. М., 1976. С. 371–448.
- Баарс Б., Гейдж Н.* Мозг, познание, разум: введение в когнитивные нейронауки: в 2 ч. М.: БИНОМ, Лаб. знаний, 2014. 552 с., 467 с.
- Барабанищikov В.А., Окутина Г.Ю., Окутин О.Л.* Чувствительность айтрекеров и точность регистрации движения глаз // *Современная экспериментальная психология*: в 2 т. Т. 1. М., 2011. С. 191–212.
- Барт Р.* Смерть автора // *Барт Р.* Избр. работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 384–391.
- Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров // *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 237–280.
- Бахтин М.М.* Проблемы поэтики Достоевского. М.: Худож. лит., 1972. 470 с.
- Бернштейн Н.А.* Физиология движений и активность. М.: Наука. 1990. 494 с.
- Бинсвангер Л.* Случай Эллис Вест. Антрополого-клиническое исследование // *Экзистенциальная психология*. Экзистенция. М., 2001. С. 361–511.
- Бинсвангер Л., Мэй Р., Роджерс К.* Три взгляда на случай Эллис Вест // *Консультативная психология и психотерапия*. 1993. № 3. С. 25–74.
- Блонский П.П.* Очерк научной психологии. М.: Учпедгиз, 1921. 96 с.
- Бодалев А.А., Столин В.В., Аванесов В.С.* Общая психодиагностика. СПб.: Речь, 2000. 440 с.

Большой психологический словарь / Под редакцией *Б.Г. Мецеракова, В.П. Зинченко*. М.: АСТ-Москва, 2009. 816 с.

Боринг Э.Г. История интроспекции // История психологии. Период открытого кризиса (начало 10-х – середина 30-х годов XX века). М., 1992. С. 20–47.

Бэксхёрст Д. Формирование разума. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. 368 с.

Васильев В.В. О прогрессе в философии сознания за последние 50 лет // Историко-философский альманах. Вып. 3. М., 2010. С. 265–268.

Величковский Б.М. Когнитивная наука. Основы психологии познания: в 2 т. М.: Смысл. 2006. 448с., 432с.

Витгенштейн Л. Философские исследования // *Витгенштейн Л.* Филос. работы. Ч. 1. М., 1994. С. 75–319.

Вундт В. Основы физиологической психологии. Об элементах душевной жизни. Интенсивность ощущения. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 330 с.

Вундт В. Очерк психологии. СПб.: Изд. Ф. Павленкова. 1896. 224 с.

Выготский Л.С. Мышление и речь // *Выготский Л.С.* Психология развития человека. М., 2005. С. 664–1018.

Выготский Л.С. Развитие высших психических функций (из неопубликованных трудов). М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960. 496 с.

Гиппенрейтер Ю.Б. Движение человеческого глаза. М.: МГУ, 1978. 256 с.

Гринсон Р.Р. Техника и практика психоанализа. М.: «Когито-Центр», 2003. 495 с.

Декарт Р. Размышления о первой философии, в коих доказывается существование Бога и различие между человеческой душой и телом // *Декарт Р.* Соч.: в 2 т. Т. 2. М., 1994. С. 3–72.

Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 672 с.

Деннет Д. Виды психики: на пути к пониманию сознания. М.: Идея-Пресс, 2004. 184 с.

Деннет Д.К. Почему каждый из нас является новеллистом // *Вопр. философии*. 2003. №2. С.126-127.

Деррида Ж. О грамматологии. М.: Ad Marginem, 2000. 512 с.

Джерджен К.Дж. Технология и Я: от сущностного к возвышенному // *Джерджен К.Дж.* Социальный конструкционизм: знание и практика. Минск, 2003. С. 90–106.

Джерджен К.Дж. Место психики в сконструированном мире // *Джерджен К.Дж.* Социальный конструкционизм: знание и практика. Минск, 2003. С. 48–73.

Джерджен К.Дж. Социальная психология как социальное конструирование: становление взгляда // *Джерджен К.Дж.* Социальный конструкционизм: знание и практика. Минск, 2003. С. 31–47.

Джерджен К.Дж. Упадок и крушение личности // *Джерджен К.Дж.* Социальный конструкционизм: знание и практика. Минск, 2003. С. 107–115.

Доронина-Амитонова Л.В., Федотов И.В., Федотов А.Б., Анохин К.В., Жёлтиков А.М. Нейрофотоника: оптические методы исследования и управления мозгом // Успехи физ. наук. 2015. Т. 185. № 4. С. 371–392.

Дубровский Д.И. Зачем субъективная реальность, или «почему информационные процессы не идут в темноте?» // *Дубровский Д.И.* Сознание, мозг, искусственный интеллект. М.: ИД Стратегия-Центр, 2007. С. 139–163.

Дубровский Д.И. Мозг и психика // Вопр. философии. 1968. № 8. С. 125–135.

Дубровский Д.И. По поводу статьи Э.В. Ильенкова «Психика и мозг» // Вопр. философии. 1969. № 3. С. 142–146.

Ждан А.Н. История психологии. От Античности до наших дней. М.: Фонд «Мир», 2005. 367 с.

Загидуллин Ж.К. Психология в оптиках философского анализа // Вопр. философии. 2013. № 4. С. 59–69.

Загидуллин Ж.К., Кузнецова Н.И. Контуры эмпирической эпистемологии на базе теории социальных эстафет // Философия науки. Вып. 19: Эпистемология в междисциплинарных исследованиях. М.: ИФ РАН, 2014. С. 101–124.

Иванов Д.В. Природа феноменального сознания. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 240 с.

Иванов Д.В. Сознание как объект метафизических исследований // Вопр. философии. 2009. № 2. С. 86–96.

Ильенков Э.В. Психика и мозг (ответ Д.И. Дубровскому) // Вопр. философии. 1968. № 11. С. 145–155.

Ильенков Э.В. Становление личности: к итогам научного эксперимента // Коммунист. 1977. № 2. С. 68–79.

Каннабих Ю.В. История психиатрии. 2е изд. М.: Акад. проект, 2015. 426 с.

Касавин И.Т. Дэвид Юм и современная эпистемология // Эпистемология и философия науки. 2011. № 1. С. 5–17.

Классификация психических и поведенческих расстройств: клинические описания и указания по диагностике. Международная классификация болезней, 10-й пересмотр (МКБ-10). Киев: Сфера, 2005. 300 с.

Куайн У. Заметки по теории референции // *Куайн У.* С точки зрения логики. М., 2010. С. 188–199.

Кузнецова Н.И. Презентизм и антикваризм как дилемма историко-научного исследования // Познание социальной реальности. Теория познания. Т. 4. М., 1995. С. 351–374.

Кэмпбелл Д. Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях. М.: Прогресс, 1980. С. 34–191.

Лекторский В.А. Я // *Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001. С. 173–184.

Лекторский В.А. Когнитивная наука как вызов эпистемологии // Эпистемология: новые горизонты. М., 2011. С. 5–34

Лекторский В.А. Конструктивизм vs реализм // Эпистемология и философия науки. 2015. Т. XLIII. № 1. С. 19–26.

Леонгард К. Акцентуированные личности. Киев: Высш. шк., 1989. 544 с.

Локк Д. Опыт о человеческом разумении // *Локк Д.* Соч.: в 3 т. Т. 1. М., 1985. С. 78–582.

Лурия А.Р. Природа человеческих конфликтов. М.: Когито, 2002. 527 с.

Лурия А.Р. Психология в определении следов преступления // *Лурия А.Р.* Психологическое наследие: Избр. тр. по общ. психологии. М., 2003. С. 106–125.

Лурия А.Р. Сопряженная моторная методика и ее применение в исследовании аффективных реакций (экспериментально-психологическое исследование) // *Лурия А.Р.* Психологическое наследие: Избр. тр. по общ. психологии. М., 2003. С. 51–105.

Лурия А.Р. Маленькая книжка о большой памяти // Хрестоматия по общей психологии. Психология памяти. М., 1979. С. 193–207.

Люк Х.Е. История психологии. М.: Науч. мир, 2012. 272 с.

Маркс К. Немецкая идеология // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд. 2-е. Т.3. М., 1955. С. 7–544.

Маркс К. Тезисы о Фейербахе // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Изд. 2-е. Т. 3. М., 1955. С. 1–4.

Мах Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому. М.: Издат. дом «Территория будущего», 2005. 304 с.

Миллер Дж. Когнитивная революция с исторической точки зрения // Воп. психологии. 2005. № 6. С. 104–109.

Михайлов И.Ф. Человек, сознание, сети. М.: ИФ РАН, 2015. 196 с.

Никитина Е.А. В поисках утраченного единства сознания: исчезло ли Я? // Вест. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 2009. № 5. С. 31–44.

Огурцов А.П. Дивергенция и конвергенция концепций дискурса – их эпистемологические основания (ст. 1-я) // Методология науки и дискурс-анализ. М., 2014. С. 7–47.

Павлов И.П. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей деятельности (поведения) животных. М.: Наука, 1973. 660 с.

- Патнэм Х.* Значение и референция // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. М., 1982. С. 377–390.
- Патнэм Х.* Разум, истина и история. М.: Праксис, 2002. 296 с.
- Платонов К.К.* О системе психологии. М.: Мысль, 1972. 216 с.
- Полани М.* Личностное знание. На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985. 344 с.
- Пуцаев Ю.В.* История и теория Загорского эксперимента: была ли фальсификация? (II) // Вопр. философии. 2013. № 10. С. 124–134.
- Пуцаев Ю.В.* История и теория Загорского эксперимента. Начало (I) // Вопр. философии. 2013. № 3. С. 132–147.
- Робинсон Д.Н.* Интеллектуальная история психологии. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. 568 с.
- Розов М.А.* Наука как традиция // *Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А.* Философия науки и техники. М.: Контакт-Альфа, 1995. С. 85–141.
- Розов М.А.* Теория социальных эстафет и проблемы эпистемологии. М.: Новый хронограф, 2008. С. 153
- Розов М.А., Антипов Г.А.* Элементы-посредники в структуре эмпирического исследования // Проблемы логики и методологии науки. Науч. тр. Вып. 95. Новосибирск: НГПУ, 1973. С. 74–84.
- Роллс Дж.* Классические случаи в психологии. СПб.: Изд. Питер, 2010. 256 с.
- Рубинштейн С.Л.* Философские корни экспериментальной психологии // *Рубинштейн С.Л.* Проблемы общей психологии. М., 1973. С. 68–90.
- Руководство по психиатрии. / Под ред. *А.В. Снежневского*: в 2 т. М.: Медицина, 1983. 480 с., 544 с.
- Руткевич А.М.* Как Фрейд подгонял факты под свою теорию // *Руткевич А.М.* Психоанализ. Истоки и первые этапы развития: Курс лекций. М., 1997. С. 156–161.
- Серл Дж.* Открывая сознание заново. М.: Идея-Пресс, 2002. 256 с.
- Современная экспериментальная психология: в 2 т. / Под ред. *В.А. Барабанищикова*. М.: Ин-т психологии РАН, 2011.
- Степанянц М.Т.* Восточная философия. М.: Вост. лит., 1997. 503 с.
- Суцин М.А.* Вы – это ваш мозг? Почему когнитивная наука нуждается в поведенческой и ситуативной перспективе // Социо-антропологические измерения конвергентных технологий. Методол. аспекты. Курск, 2015. С. 191–210.
- Титченер Э.Б.* Очерки психологии. СПб.: Изд. Ф. Павленкова, 1898. 286 с.
- Томэ Х., Кёхэле Х.* Современный психоанализ. Т. 1–2. М.: Прогресс, 1996. 576 с., 776 с.
- Труфанова Е.О.* О преимуществах и недостатках социального конструкционизма // Эпистемология и философия науки. 2015. Т. 43. № 1. С. 32–36.

Труфанова Е.О. Дилемма «Nature vs nurture» в становлении личностных характеристик Я // Познание и сознание в междисциплинарной перспективе. Ч. 2. М., 2014. С. 27–67.

Труфанова Е.О. Политическое vs эпистемологическое: релятивизм в социальном конструкционизме и феминистской философии // Релятивизм как болезнь современной философии. М., 2015. С. 228–264.

Труфанова Е.О. Социальный конструкционизм в теории познания: истоки, проблематика, современный потенциал // Эпистемология: перспективы развития. М., 2012. С. 389–400.

Улановский А.М. Конструктивистская парадигма в гуманитарных науках // Эпистемология и философия науки. 2006. Т. 10. № 4. С. 129–141.

Уотсон Дж. Бихевиоризм // История психологии. Период открытого кризиса (начало 10-х – середина 30-х годов XX века). М., 1992. С. 96–107.

Фаликман М.В. Когнитивная парадигма: есть ли в ней место психологии? // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 42. С. 3. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 13.06.2016).

Фодор Дж., Пылишин З. Коннекционизм и когнитивная структура: критический обзор // Язык и интеллект. М., 1996. С. 230–313.

Фрейд З. Воспоминания Леонардо да Винчи о раннем детстве. М: Азбука-классика, 2006. 224 с.

Фрейд З. Знаменитые случаи из практики. М: Когито-Центр, 2007. 214 с.

Фрейд З. Толкование сновидений. М.: Фирма СТД, 2005. 512 с.

Фромм Э. Марксова концепция человека // Фромм Э. Душа человека. М., 1992. С. 375–414.

Фуко М. Археология знания. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2004. 416 с.

Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1994. 448 с.

Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сад, 1994. 408 с.

Фуко М. Что такое автор? // *Фуко М.* Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М., 1994. С. 9–46.

Хант М. История психологии. М.: АСТ Москва, Харвест, 2009. 864 с.

Харре Р. Гибридная психология: союз дискурс-анализа с нейронаукой // Эпистемология и философия науки. 2005. Т. VI. № 4. С. 38–63.

Чалмерс Д. Сознательный ум: В поисках фундаментальной теории. М.: УРСС: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 509 с.

Черниговская Т. «До опыта приобрели черты...». Мозг человека и породивший его язык // Логос. 2014. № 1(97). С. 79–96.

Штейнер Е.С. О личности в Японии и Китае, хотя, строго говоря, в Японии и Китае личности не было // Одиссей. Человек в истории. М., 1990. С. 38–47.

Эббингауз Г. Психология // *Философия в систематическом изложении.* М., 2006. С. 185–261.

Эко У. Открытое произведение. Форма и неопределенность в современной поэтике. СПб.: Акад. проект, 2004. 384 с.

Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. СПб.: Symposium, М.: Изд-во РГГУ, 2005. 502 с.

Юм Д. Трактат о человеческой природе // *Юм Д.* Соч.: в 2 т. Т. 1. М., 1996. С. 53–656.

Ярошевский М. Г. История психологии. От античности до середины XX века. М.: Мысль, 1985. 576 с.

Ash M.G. Academic Politics in the History of Science: Experimental Psychology in Germany (1879–1941) // *Central European History* (Brill Academic Publishers). 1980. Vol. 13. No. 8. September. P. 255–286.

Billig M. Arguing and Thinking: a Rhetorical Approach to Social Psychology. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 336 p.

Block N. Inverted Earth // *Philosophical Perspectives.* 1990. Vol. 4. Action Theory and Philosophy of Mind. P. 53–79.

Boring E.G. A history of experimental psychology. Second edition. N.Y.: Appleton-Century-Crofts inc., 1957. 777 p.

Boring E.G. Intelligence as The Test It // *New Republic.* 1923. No. 36. P. 35–37.

Bruner J. Making Stories: Law, Literature, Life. Cambridge: Harvard University Press, 2002. 144 p.

Burge T. Individualism and the Mental // *Midwest Studies in Philosophy.* 1979. No. 4. P. 73–122.

Burr V. An Introduction to Social Constructionism. L.; N.Y.: Routledge, 1995. 208 p.

Burr V. Social Constructionism. 2nd Edition. L.; N.Y.: Routledge, 2003. 240 p.

Chalmers D. Conscious Mind. Oxford: Oxford University Press, 1996. 432 p.

Churchland P. The Neurocomputational Perspective. Cambridge (MA): MIT/Bradford Books. 1989. 341 p.

Churchland P.S. Neurophilosophy: Toward a Unified Science of the Mind-Brain. Cambridge: MIT Press, 1986. 546p.

Churchland P.S., Sejnowski T. Neural Representation and Neural Computation // *Mind and Cognition* / Ed. by W. Lycan. Oxford, 1990. P. 133–152.

Clark A. Mindware. An Introduction to The Philosophy of Cognitive Science. Oxford: Oxford University Press, 2001. 336 p.

Cohen J.D. The red and the real: An essay on color ontology. Oxford: Oxford University Press, 2009. 278 p.

- Cowles M.* Statistics in Psychology: An Historical Perspective. New Jersey & L.: Lawrence Erlbaum Associates, 2001. 260 p.
- Davies B., Harré R.* Positioning: the discursive production of selves // Journal for the Theory of Social Behaviour. 1990. 20(1). P. 43–63.
- Dennett D.* Brainstorms. Philosophical Essays on Mind and Psychology. L.: MIT Press, 1981. 377 p.
- Dennett D.* Real patterns // Journal of Philosophy. 1991. No. 88(1). P. 27–51.
- Dretske F.* Phenomenal Externalism or If Meaning Ain't in the Head, Where Are Qualia? // Philosophical Issues. 1996. Vol. 7. Perception. P. 143–158.
- Eysenck H. J.* The effects of psychotherapy. An evaluation // Journal of Consulting Psychology. 1952. Vol. 16. P. 319–327.
- Gergen K.J.* Realities and Relationships: Soundings in Social Constructionism. Cambridge: Harvard University Press, 1994. 368 p.
- Gergen K.J.* Social psychology as history // Journal of Personality and Social Psychology. 1973. Vol. 26. No. 2. P. 309–320.
- Gergen K.J.* The Saturated Self: Dilemmas of Identity in Contemporary Life. N.Y.: Basic Books, 2002. 320 p.
- Gergen K.J.* The social constructionist movement in modern psychology // American Psychologist. 1985. No. 40. P. 266–275.
- Gergen K.J.* Social Constructionism in Context. L.: SAGE, 2001. 240 p.
- Grice H.P.* Personal Identity // Mind. 1941. No. 50. P. 330–350.
- Harman G.* The Intrinsic Quality of Experience // Philosophical Perspectives. 1990. Vol. 4. Action Theory and Philosophy of Mind. P. 31–52.
- Harré R.* Language games and the texts of identity // Texts of Identity. L., 1989. P. 20–35.
- Harré R.* Personal Being: A Theory for Individual Psychology. Cambridge: Harvard University Press, 1984. 299 p.
- Harré R.* The Singular Self. An Introduction to the Psychology of Personhood. L.; Thousand Oaks; New Dehli: SAGE Publications, 1998. 208 p.
- Hearst E.* One Hundred Years: Themes and Perspectives // The First Century of Experimental Psychology. N.Y.: L. Erlbaum Associates, 1979. P. 1–37.
- Hermans H. J. M., Kempen H. J. G., van Loon R. J. P.* The dialogical self: Beyond individualism and rationalism // American Psychologist. 1992. No. 47. P. 23–33.
- Jackson F.* Epiphenomenal Qualia // Philosophical Quarterly. 1982. No. 32. P. 127–136.
- Koch S.* Postscript // A Century of psychology as science. Washington: APA. 1992. P. 951–968.
- Krag S.E., Johns E.F.* A large-scale cross-validation of second-order personality structure defined by 16PF // Psychological Reports. 1986. No. 5. P. 683–693.

- Levine J.* Materialism and qualia: the explanatory gap // *Pacific Philosophical Quarterly*. 1986. No. 64. P. 354–361.
- Lewis D.* Extrinsic properties // *Philosophical Studies*. 1983. No. 44. P. 197–200.
- Mair M.* Kelly, Bannister and a story-telling psychology // *International Journal of Personal Construct Psychology*. 1989. No. 2. P. 1–14.
- May R.* *The Discovery of Being: Writings in Existential Psychology*. N.Y.: Norton, 1983. P. 40–42.
- Nagel T.* What is it like to be a bat? // *Philosophical Review*. 1974. No. 83. P. 435–450.
- Noe A.* *Out of Our Heads: Why You Are Not Your Brain and Other Lessons from the Biology of Consciousness*. N.Y.: Hill and Wang, 2010. 232 p.
- Parfit D.* *Reasons and Persons*. Oxford: Clarendon Press, 1984. 560 p.
- Parfit D.* Personal Identity // *Philosophical Review*. 1971. Vol. 80. P. 3–27.
- Pêcheux M.* *Analyse automatique du discours*. Paris: Dunod, 1969. 139 p.
- Perry J.* *A Dialogue on Personal Identity and Immortality*. Indianapolis: Hackett Publishing, 1978. 56 p.
- Personal Identity. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1975. 248 p.
- Personal Identity. Oxford: Blackwell, 1984. 168 p.
- Potter J.* Discourse Analysis and Constructionist Approaches: Theoretical Background // *Handbook of qualitative research methods for psychology and the social sciences*. Leicester, 1996. P. 125–140.
- Prince G.* *Narratology: The Form and Function of Narrative*. B.: Mouton, 1982. 193 p.
- Putnam H.* Psychological predicates // *Art, Mind, and Religion* / Ed. by W.H. Capitan, D.D. Merrill. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1967. P. 37–48.
- Quine W.V.* *Epistemology Naturalized* // *Quine W.V. Ontological Relativity and Other Essays*. N.Y.: Columbia University Press, 1969. P. 69–90.
- Quinton A.* The Soul // *The Journal of Philosophy*. 1962. Vol. 59. No. 15. July. P. 393–409.
- Rogers C.* Ellen West and Loneliness // *Review of Existential Psychology and Psychiatry*. 1961. Vol. 1. No. 2. P. 94–101.
- Sarbin T.R.* The narrative as root metaphor for psychology // *Narrative Psychology: The Storied Nature of Human Conduct*. N.Y., 1986. P. 3–21.
- Sejnowski T.J.* Consciousness // *Daedalus*. Winter. 2015. No. 144. P. 123–132.
- Sejnowski T.J.* Summary: Cognition in 2014 // *Cold Spring Harbor Symposium Quantitative Biology*, 2014. Vol. 79. P. 237–241.
- Shoemaker S.* *Self-Knowledge and Self-Identity*. L.: Cornell University Press, 1963. 276 p.

Shotter J. Life inside dialogically structured mentalities: Bakhtin's and Voloshinov's account of our mental activities as out in the world between us // *The Plural Self: Polypsychic Perspectives*. L., 1999. P. 71–92.

Shotter J. Social accountability and the social construction of you // *Texts of Identity*. L., 1989. P. 133–151.

Shotter J. The social construction of our “inner” lives // *Journal of Constructivist Psychology*. 1997. 10(1). January. P. 7–24.

Tolman E.C. The determiners of behavior at a choice point // *Psychological Review*. 1938. No. 45. P. 1–41.

Whitehead A.N. The Anatomy of Some Scientific Ideas // *Whitehead A.N. The Aims of Education and Other Essays*. N.Y., 1967. P. 152–153.

Whorf B. L. Language, thought and reality: Selected writings of Benjamin Lee Whorf. N.Y.: Wiley, 1956. 294 p.

Williams B. Personal Identity and Individuation // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1957. No. 67. P. 229–252.

Yerkes R.M., Dodson L.D. The relation of strength of stimulus to rapidity of habit formation // *Journal of comparative neurology and psychology*. 1908. No. 18. P. 459–482.

Consciousness: Explanation, Construction, Reflection

Dmitry Ivanov – CSc in Philosophy, Senior Research Fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; email: ivdmitry@mail.ru

Elena Trufanova – CSc in Philosophy, Senior Research Fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; email: eltrufanova@gmail.com

Zhan Zagidullin – CSc in Philosophy, Affiliated Research Fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; email: autist2000@mail.ru

The monograph deals with the problem of consciousness from the three different approaches and touches three different aspects of this problem. Firstly, it's the mind-body problem and, specifically, the problem of phenomenal properties. Secondly, it's the problem of the social construction of the self-consciousness and thirdly, it's the problem of the methodology of the research in the field of consciousness.

The first chapter “Relationalist Approach to the Problem of the Explanation of Consciousness” deals with the mind-body problem. It demonstrates that to solve this problem we need to answer the next three questions: 1) Should we believe that phenomenal properties are exemplified by physical objects? 2) Can we reduce phenomenal qualities to other properties? 3) Should we understand phenomenal qualities as intrinsic properties of mental states? Answering these questions, we can show that phenomenal properties are non-reducible properties of physical objects. It is also possible to demonstrate that we cannot interpret them as intrinsic properties of mental states. This part of the work provides reasons to believe that phenomenal qualities are relational properties of the represented objects. This chapter also discusses the naturalistic approaches to the explanation of representational mental states. Following D. Dennett, it concludes that instrumentalist approach is the better way to understand the nature of mental representations.

Second chapter “Consciousness as a Social Construction” is dedicated to the problem of social construction of consciousness as it is approached by social constructionism. First paragraph of the chapter draws the picture of the current research of the problem of consciousness and places the socio-cultural approach to the problem of the consciousness and self-consciousness in this context. The specifics of social constructionism is explained in second paragraph of the chapter as social constructionism is seen as one of the leading approaches that regards consciousness and the Self as social and cultural phenomena. The root ideas of this approach are taken in the broader context of

the “nature vs nurture” discussions and of the postmodern ideas of the disappearance of the Self. The problems of the personal identity and the discursive nature of the Self are discussed, such as the narrative and dialogical conceptions of the Self. The main ideas of the social constructionist approach to consciousness on the basis of the analysis provided are described as following: 1) individual consciousness and self-consciousness are socially constructed, they appear as the result of the social interactions of the individual with other people; 2) the main “instrument” used in this construction is the language and the communication practices in which the individual is involved; 3) the language precedes and predetermines the individual consciousness, the individual acquiring the norms of the native language is starting to represent her/himself in the certain way and to construct his own self-consciousness (usually in the form of narrative); 4) the stability and unity of the Self are regarded with doubt by social constructionism, the radical constructionist versions are claiming that the Self is no more than an illusion. The constructionists suggest to speak not of the Self, but of the ever changing identities; 5) the ways of self-representation and understanding of the consciousness depend on the dominating metaphors of consciousness description that are the result of different “ideologies” or “totalitarian” discourses. These ideas are critically regarded by the author of the chapter, and in the conclusion it is shown that the idea of the absence of the Self is unproductive for the research of consciousness and the self-consciousness cannot be reduced to the “bunch” of social interactions. At the same time, the Self can be understood as a certain construction that appears due to the social and cultural environment and evolves during the person’s life, but it retains a reality of its own.

The third chapter “The Problem of the Consciousness Research in the Light of Reflection on Science” is devoted to the epistemological analysis of the practice of the consciousness research in psychology and neuroscience. The analysis is based on the hypothesis that the success of consciousness studies is directly dependent on the efficacy of the knowledge organization within them.

The chapter shows the variety of ways of representing consciousness in the research and the variety of research procedures (three types of referents of knowledge about consciousness are morphological, functional and methodical referents). It was demonstrated that consciousness studies in the 21st century are gradually turning from the usage of morphological referents to the methodical referents which became possible due to the development of the modern technologies of neurovisual research of the brain.

Another important subject of the chapter is the analysis of the systematization of knowledge about consciousness in science (collector programs). Psychology is taken as an object of this analysis due to the fact that in the consciousness research it plays the methodological role in relation to the neurosci-

ence. The programs of systematization of psychology “systematics of psychic processes”, “history of disciplines” and “taxonomy of the objects of research” are analyzed. It is shown that these programs of psychology are relatively weak in the epistemological sense and that they hinder the further development of the consciousness research on the whole.

Theoretical premises of the third chapter are connected with the conceptual apparatus of the Russian philosopher M.A. Rozov’s theory of social stages and the approach used in this chapter is the one of empirical epistemology.

The book concludes with the statement that consciousness research remains interdisciplinary, and that the problem of consciousness is inseparably connected with the problem of the embodiment, with the social-cultural environment in which the conscious person is immersed, and with the problem of the active participation of the conscious subject in the world.

Keywords: consciousness, self-consciousness, mind-body problem, qualia, the Self, mental representations, social constructionism, personal identity, psychology

Научное издание

**Загидуллин Жан Каримович
Иванов Дмитрий Валерьевич
Труфанова Елена Олеговна**

Сознание: объяснение, конструирование, рефлексия

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

Художник Н.Е. Кожина

Технический редактор Ю.А. Аношина

Корректор А.А. Гусева

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 30.08.16.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Усл. печ. л. 11,00. Уч.-изд. л. 9,0. Тираж 500 экз. Заказ № 16.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерный набор: *Т.В. Прохорова*

Компьютерная верстка: *Ю.А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

Информацию о наших изданиях см. на сайте Института философии:

<http://iph.ras.ru/archive.htm>

Вышли в свет

1. **Антоновский, А.Ю.** Коммуникативная философия знания: от теории коммуникативных медиа к социальной философии науки [Текст] / А.Ю. Антоновский ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФ РАН, 2015. – 168 с. : ил., табл. ; 17 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0292-8.

В издании анализируется теория коммуникаций, но не во всем ее широчайшем формате, а в ее специальном эпистемологическом прочтении. Особое внимание уделяется эволюции обобщенных символических медиа коммуникации, прежде всего универсальным средствам распространения коммуникации (языку, письменности, печати и телекоммуникации), а также символическим средствам достижения коммуникативного успеха, прежде всего – научной истине, знанию, научной теории. Рассматривается специфичность современного знания (научных объяснений, законов, понятий, практик подтверждения обобщений и убеждения) в контексте *естественной* коммуникации и с точки зрения коммуникативных условий повседневного понимания и взаимопонимания.

2. **Блюхер, Ф.Н.** Дискурс-анализ и дискурсивные практики [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Ф.Н. Блюхер, С.Л. Гурко, А.А. Гусева, Г.Б. Гутнер. – М. : ИФ РАН, 2016. – 134 с. : ил. ; 20 см. – Библиогр.: с. 130–132. – Рез. : англ. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0300-0.

В книге предпринята серия разносторонних попыток уточнить понятие «дискурс» и обосновать оправданность употребления его в философском контексте. Для начала на примерах развития коптской и армянской письменности рассмотрены процессы реграмматизации языка в связи с грекофильским дискурсивным выбором. Далее показана связь между онтологической и функциональной характеристиками дискурсов и описано явление трансдискурсивности. Наконец, для решения вопроса о возможных основаниях эмпирического анализа дискурсов предложен статистический подход, опирающийся на вычленение метафорической составляющей текстов и описывающий последовательные трансформации этого метафорического слоя, порождающие мифологическое и идеологическое измерения текста.

3. **Бурмистров, К.Ю.** «Биологическая каббала» Оскара Гольдберга в контексте эпохи [Текст] / К.Ю. Бурмистров ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2016. – 135 с. : ил. ; 20 см. – Библиогр.: с. 126–131. – Рез.: англ. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0298-0.

В книге впервые в отечественной науке рассматриваются взгляды одного из наиболее противоречивых представителей немецко-еврейской интеллигенции первой половины XX в. Оскара Гольдберга (1885–1952). Философ, антрополог и востоковед, получивший также высшее еврейское образование, он посвятил свою жизнь изучению природы мифа и ритуала, феноменов «священного» и «профанного», проблем этнопсихологии древних цивилизаций и герменевтики сакральных текстов. Он оказал влияние на взгляды целого ряда известных философов и писателей той эпохи (Э. Унгер, В. Беньямин, Х. Йонас, Т. Манн),

хотя его книги и стали предметом ожесточенной полемики. Особенно известен Гольдберг своими метаисторическими и метаполитическими идеями о существовании универсальной, космической магики-биологической силы и ее проявлениях в человеческой истории.

4. **Бычков, В.В.** Символическая эстетика Дионисия Ареопагита [Текст] / В.В. Бычков ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2015. – 143 с. ; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0284-3.

Монография посвящена изучению эстетических представлений крупнейшего анонимного мыслителя ранней Византии (рубеж V–VI вв.), оказавшего сильнейшее влияние на средневековое богословие и эстетику греко-православного мира (включая Древнюю Русь) и Западной Европы. В работе путем анализа взглядов самого Ареопагита, его основных предшественников и ближайших комментаторов выявляется достаточно целостная эстетическая система, основывающаяся на принципах отыскания иерархических, богослужебных, символических посредников между земным миром и трансцендентным Богом. В центре ее стоят понятия красоты, света, благоухания, образа, символа, неподобного подобия, внерационального знания и др. Монографическое исследование на эту тему предпринимается впервые в мировой науке.

5. **Веряскина, В.П.** Трансформация человека в обществе модерна [Текст] / В.П. Веряскина ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2015. – 223 с. ; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0287-4.

В монографии рассматривается проблема трансформации человека в контексте современности и обосновывается необходимость персональной модернизации. Автор показывает связь современности с персональностью человека, выделяет исторические истоки персональной модернизации, ее этапы, связанные с появлением в посттрадиционном обществе свободного, автономного индивида. Последующая трансформация человека в обществе модерна соотносится с появлением типов модульного, экономического и массового индивидов. В работе раскрывается связь рефлексивности современности с персональной модернизацией, выделяются долгосрочные тренды возможного развития человека.

6. **Ворожихина, К.В.** Лев Шестов и его французские последователи [Текст] / К.В. Ворожихина ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2016. – 157 с. ; 20 см. – Библиогр.: с. 132–136. – Рез.: англ. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0297-3.

Книга посвящена философии Льва Шестова в контексте интеллектуальной жизни Франции. Исследование восполняет пробел, существующий в изучении вклада русской эмигрантской философии в европейскую культуру. Анализируется, как «взрывчатая духовность» Шестова преломилась во взглядах франкоязычных авторов, в той или иной степени следовавших за ним (Б. Шлёцер, Ж. Батай, Б. Фондан), и проясняется «самое важное» для них в шестовской философии. Прилагаются переводы статьи Шлёцера «Ницше и Достоевский», отрывка из книги Фондана «Рембо-проходимец», поэмы, посвященной Шестову, а также библиография работ русского философа.

7. **Горохов, В.Г. Эволюция инженерии: от простоты к сложности [Текст] / В.Г. Горохов ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2015. – 199 с. : ил. ; 20 см. – Рез.: англ. – Библиогр.: с. 189–197. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0288-1.**

Инженерная деятельность занимает одно из ведущих мест в современной культуре. Часто инженера определяют как специалиста с высшим техническим образованием. Но инженер должен уметь нечто такое, что невозможно охарактеризовать словом «знает». Он должен обладать еще и особым типом мышления, отличающимся как от обыденного, так и от научного. Именно поэтому, чтобы ответить на вопрос, что такое инженерная деятельность необходимо обратиться к ее истории. Важно отличать, с одной стороны, техника от ремесленника, а с другой – от инженера. Инженер, как и ученый-естествоиспытатель, имеет дело с идеализированными объектами и схемами, которые менялись в ходе эволюции инженерии от простого к сложному. Именно эволюции этих идеализированных представлений инженера в отличие от научных и посвящена данная книга.

8. **Гуревич, П.С. Размежевания и тенденции современной философской антропологии [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; П.С. Гуревич, Э.М. Спирова. – М. : ИФ РАН, 2015. – 161 с. ; 20 см. – Рез.: англ. – Библиогр. в примеч.: с. 155–161. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0212-6.**

В монографии анализируются дискуссионные проблемы, связанные с философским постижением человека. В отечественной философии сложились разные подходы к проблеме человека. Множество различных толкований, связанных с анализом наук о человеке, привели к тому, что философская антропология по сути дела утратила свой предмет. Сложился также апофатический проект философской антропологии (мизантропология). Серьезные размежевания произошли и в оценке методологии философской антропологии. Авторами рассматриваются современные версии редукционизма и релятивизма. Особое внимание уделено расшифровке формулы Э. Фромма: «Человек есть едва ли не самое эксцентричное создание универсума».

9. **Гуревич, П.С. Грани человеческого бытия [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; П.С. Гуревич, Э.М. Спирова. – М. : ИФ РАН, 2016. – 173 с. ; 20 см. – Рез.: англ. – Библиогр.: с. 165–170. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0305-5.**

Авторы монографии вводят в категориальный аппарат философской антропологии новое понятие – «грани человеческого бытия». Анализируются такие феномены, как труд, любовь, игра, жизнь и смерть. Проводится различие между человеческими экзистенциалами и гранями человеческого бытия. Грани характеризуют пределы человеческого существования, без них наличие человека как особого рода сущего немыслимо. Грани человеческого бытия универсальны. Они пронизывают наиболее значимые формы жизнедеятельности человека.

Книга представляет интерес для научных работников и преподавателей вузов, а также рекомендуется для массового читателя.

- 10. Десяткин, Л.Ю. В границах трехзначности [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Л.Ю. Десяткин, Н.Н. Преловский, Н.Е. Томова. – М. : ИФ РАН, 2015. – 136 с. ; 20 см. – Библиогр.: с. 30–32, 72–74, 95–96, 125–127. – Имен. указ.: с. 131–132. – Предм. Указ.: с. 133–135. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0296-6.**

Книга «В границах трехзначности» состоит из трех глав, каждая из которых содержит новые, порой совершенно неожиданные результаты в области трехзначных логик. Наиболее важными являются: теорема о необходимых и достаточных условиях, которыми должна обладать произвольная трехзначная матрица, чтобы быть изоморфом для классической логики высказываний; теорема о том, что могут существовать трехзначные замкнутые классы функций, в которых число предполных классов бесконечно; построение новой классификации расширений слабой логики Клини.

- 11. Джохадзе, И.Д. Аналитический прагматизм Роберта Брэндома [Текст] / И.Д. Джохадзе ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФ РАН, 2015. – 132 с. ; 20 см. – Библиогр.: с. 99–125. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0282-9.**

Книга посвящена исследованию философского творчества известного американского мыслителя, представителя питтсбургской школы неогегельянства Р. Брэндома. В центре внимания автора – прагматистский подход Брэндома к решению эпистемологических проблем и его «анафорическая теория истины», представляющая разновидность дефляционизма. Раскрывается содержание основных понятий аналитического прагматизма Брэндома: «дискурсивное обязательство», «нормативные статусы», «семантический холизм», «инференциализм». Прилагается перевод статьи Брэндома «Рассуждение и репрезентация» и полная библиография его сочинений с 1976 по 2014 г.

- 12. История философии. Том 20 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Гл. ред. И.И. Блауберг. – М. : ИФ РАН, 2015. – 303 с. ; 20 см. – Рез.: англ. – 1 000 экз. – ISSN 2074-5869.**

«Герои» данного выпуска журнала, посвященного истории западноевропейской философии, – Джон Локк и Никола Кондорсе, Поль Жане и Джузеппе Мадзини, Эдмунд Гуссерль и Эмилио Бетти. Читатель сможет также познакомиться с позицией представителей прагматизма по вопросу о войне, с новыми подходами в психоанализе, с современными тенденциями в феноменологии. В номере помещены материалы Круглого стола «Современное значение идей Александра Койре», приуроченного к 50-летию со дня смерти французского мыслителя, историка философии, религии и науки.

- 13. Касавина, Н.А. Экзистенциальный опыт в философии и социально-гуманитарных науках [Текст] / Н.А. Касавина ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФ РАН, 2015. – 189 с. ; 20 см. – Рез.: англ. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0294-2.**

В монографии экзистенциальный опыт интерпретируется в двух ипостасях: как феномен индивидуального становления, и как социокультурное явление, связанное со структурой ценностей, с результатами духовной и художествен-

ной деятельности, артефактами и социальными объективациями. Экзистенциальный опыт выступает как личная история существования, в ходе которой человек проясняет для себя смысложизненные ценности, а также является способом примирения с существованием, непрерывного прислушивания к жизни, достижения духовной пробужденности, преодоления тревоги.

Монография адресована философам, социологам, психологам и всем интересующимся экзистенциальной проблематикой в области философии и науки.

- 14. Михайлов, И.Ф. Человек, сознание, сети [Текст] / И.Ф. Михайлов ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2015. – 196 с. : ил. ; 20 см. – Библиогр.: с. 186–195. – Рез.: англ. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0283-6.**

В книге рассматриваются вопросы философского понимания человека как существа мыслящего и свободно поступающего, проблемы искусственного интеллекта, коммуникации и социальных сетей. Автор также уделяет внимание философии сознания и теории сетевого общества. Книга содержит интересный фактический материал, в том числе из истории и теории сетевых сообществ. Все эти сюжеты выстраиваются в целостную картину на основе оригинальной авторской концепции, имеющей ярко выраженный дискуссионный характер.

Книга будет интересна специалистам по философской антропологии, философии сознания, искусственному интеллекту и когнитивной социологии, а также студентам и аспирантам философских и социологических факультетов.

- 15. Пирожкова, С.В. Предвидение как эпистемологическая проблема [Текст] / С.В. Пирожкова ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2015. – 247 с. ; 20 см. – Рез.: англ. – Библиогр.: с. 235–245. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0295-9.**

На сегодняшний день наука не выработала о предвидении систематизированного представления, которое могло бы стать общетеоретической базой междисциплинарной области исследований будущего. В книге представлена попытка получить такое представление, проанализировав предвидение как вид познавательной деятельности с точки зрения ее генезиса, функций, механизмов, возможностей и границ. Книга предназначена для философов, преподавателей, студентов и аспирантов, специализирующихся в области эпистемологии и философии науки, специалистов в области прогнозирования, гуманитарной оценки техники, управления рисками и стратегического планирования.

- 16. Проблемы российского самосознания: мировоззрение М.Ю. Лермонтова. К 200-летию со дня рождения поэта, Всероссийская конф. (2014; Москва–Пенза–Тарханы). 11-я Всероссийская конференция «Проблемы российского самосознания», 2, 8–9 окт. 2014 г. [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Редкол.: А.А. Гусейнов и др. – М. : ИФ РАН, 2015. – 123 с. ; 20 см. – На обл. авт. не указаны. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0290-4.**

В сборник входят статьи, подготовленные на основе докладов на 11-й конференции ИФ РАН по проблемам российского самосознания, проведенной в октябре 2014 г. в Москве и в Тарханах. В центр обсуждения поставлено ми-

ровоззрение М.Ю. Лермонтова – великого русского поэта, чье литературное наследие стало частью отечественной интеллектуальной мысли. Предпринята попытка через его произведения попытаться дать представление о российском миро- и самосознании. Авторы сборника, включаясь в сохраняющую свою остроту полемику вокруг творчества Лермонтова, предлагают свое видение таких затронутых поэтом проблем, как жизнь и смерть, дух и свобода, личность и общество, патриотизм.

- 17. Пронин, М.А. Виртуалистика в Институте человека РАН [Текст] / М.А. Пронин ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2015. – 179 с. : ил. ; 20 см. – Рез.: англ. – Библиогр.: с. 175–177. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0291-1.**

В монографии представлена краткая история становления виртуалистики – самостоятельного парадигматического подхода, зародившегося в СССР в 80-х гг. XX в. Книга выполняет человеческий пласт работы сотрудников Центра виртуалистики Института человека РАН (ЦВ ИЧ РАН) и его первого руководителя Н.А. Носова (1952–2002). Дан систематизированный обзор первичного феноменологического материала, теоретических разработок и значимых результатов фундаментальных исследований виртуальных психологических реальностей, полученных в ЦВ ИЧ РАН в 1992–2004 гг.

Для историков науки, философов, антропологов, врачей, психологов и широкого круга читателей.

- 18. Смирнова, Н.М. Язык, смысл, творчество [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Н.М. Смирнова, И.А. Бескова, А.С. Майданов. – М. : ИФ РАН, 2015. – 141 с. ; 20 см. – Библиогр.: с. 51–52, 92–95, 134–135. – Рез.: англ. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0289-8.**

В предлагаемой коллективной монографии авторы знакомят читателя с современными дискуссиями о природе и когнитивных функциях смысла. Сопоставлены эвристические потенциалы двух подходов к его изучению: лингвокоммуникативный и генетический. В книге осуществлен критический анализ направлений философско-методологического анализа проблем бытия и порождающих структур смысла в языке и коммуникациях. Его дополняет анализ проблематики истоков и генезиса смыслообразующей деятельности человека от смутного «ощущения смысла» до обретения им интерсубъективной знаковой формы. Книга адресована как профессиональному сообществу, так и студентам и аспирантам, изучающим философию.